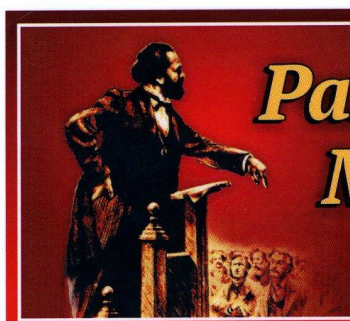

Д. А. Давыдов

ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО В ТЕРНИЯХ ПОСТКАПИТАЛИЗМА

На пути к новой антагонистической
общественной формации

*Размышляя о
МАРКСИЗМЕ*

№ 180

URSS

*Размышляя о марксизме * № 180*

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Д.А. Давыдов

**ЛИЧНОСТЬ
И ГОСУДАРСТВО
В ТЕРНИЯХ
ПОСТКАПИТАЛИЗМА:**

**На пути к новой
антагонистической
общественной
формации**

URSS
МОСКВА

ББК 60.5 66.61(1) 87.6
DOI 10.17506.ipl.m.2019.davydov.218
УДК 32

Давыдов Дмитрий Александрович

Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. - М.: ЛЕНАНД, 2020. – 218. с. (Размышляя о марксизме. № 180).

Монография посвящена теоретическому осмыслению современных социальных, экономических и технологических тенденций, свидетельствующих о формировании и развитии посткапиталистических общественных отношений. Выявляются потенциальные противоречия, вытекающие из данных отношений. Обосновывается, что путь к посткапиталистическому обществу лежит через многочисленные «тернии»: новые формы отчуждения, новые социальные противоречия, непредсказуемые последствия развития технологий и многое другое. Более того, человечество движется по пути к новой антагонистической общественной формации.

Настоящее исследование можно рассматривать как критическую реакцию на становящиеся все более популярными представления (в том числе в марксистской теории), согласно которым посткапиталистические общественные отношения должны характеризоваться экономической и политической децентрализацией и преобладанием сетевых форм социальных взаимодействий. Соответственно, автор стремится показать, что преодолеть «тернии посткапитализма» сможет только общество, имеющее сильные централизованные институты управления различными аспектами человеческой деятельности и способное «покорить» «царство необходимости».

Для политологов, философов, экономистов, социологов, студентов и преподавателей гуманитарных вузов и факультетов, а также всех тех, кто интересуется перспективами общественного развития.

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института философии и права УрО РАН (протокол № 6 от 10 июня 2019 г.)

Рецензенты:

д-р экон. наук *М.Г. Деягин*, д-р филос. наук *В.А. Кутырев*, канд. полит. наук *А.Д. Трахтенберг*

ООО «ЛЕНАНД». 117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11 А, стр. 11.
Формат 60*90/16. Печ. Л. 13,625. Зак. № 143559.

Отпечатано в АО «Т8 Издательские технологии».
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.

ISBN 978-5-9710-6949-2.

© ЛЕНАНД, 2019

Оглавление

Благодарности	5
Введение	6
Раздел I Образы посткапиталистического будущего: анархо-локализм vs централизм	13
<i>Глава 1 Два кризиса: капитализма и левой политической мысли</i>	15
1.1. Кризисные тенденции в современном капиталистическом обществе	15
1.2. Анархо-локалистские тенденции в левой политической мысли	25
1.3. Есть ли будущее у левого централизма?	34
<i>Глава 2 Социализм как ликвидация нужды: возможна ли «программа минимум»?</i>	43
2.1. Стратегии борьбы за «царство свободы»	43
2.2. Социалистический минимализм: сущность, эволюция и современная форма.....	46
2.3. Неистребимая нужда и не желающее «исчезать» «царство необходимости»	56
<i>Глава 3 Общественно-необходимый труд в дискуссиях о посткапиталистическом будущем</i>	64
3.1. Общественно-необходимый труд: «отменить» нельзя социализировать?	64
3.2. Современные левые теоретики об общественно-необходимом труде	67
3.3. Возможно ли «царство свободы» без общественно-необходимого труда?	70
Выводы	83

Раздел II Новая антагонистическая общественная формация ..	87
Глава 1 В поисках субъекта перехода к посткапиталистическому обществу	89
1.1. Дискурс посткапитализма и неизвестный «субъект перемен»	89
1.2. Современные представления о субъекте перехода к посткапитализму.....	94
1.3. Личность как социальный субъект перехода к посткапиталистическому обществу.....	102
Глава 2 Творческая деятельность и посткапиталистическая субъектность.....	122
2.1. Творчество: источник новых социальных противоречий?	122
2.2. Отчуждение творчества	128
2.3. Диалектика отчуждения.....	142
Глава 3 Контуры посткапиталистического общества	150
3.1. Новый общественный антагонизм.....	150
3.2. Судьба государства в посткапиталистическом обществе..	158
3.3. Совладать с личностью?	172
Выводы	195
Заключение.....	199
Библиография	202

Благодарности

Автор выражает благодарность за ценные замечания доктору политических наук Мошкину С.В., доктору политических наук Русаковой О.Ф., доктору политических наук Фишману Л.Г., кандидату политических наук Кагарлицкому Б.Ю., кандидату политических наук Мартьянову В.С., кандидату политических наук Романовой К.С., кандидату философских наук Кондрашову П.Н.

Введение

Сегодня вновь становится актуальной идея возможного перехода к посткапиталистическому обществу. Это обусловлено как углублением противоречий современного капиталистического общества, так и растущим влиянием ряда бурно развивающихся высоких технологий на социальную структуру общества. При этом технологический фактор сегодня все чаще становится центральным в многочисленных дискуссиях левых теоретиков. Если раньше пытавшиеся построить социализм общественно-политические движения ставили перед собой цель могучей коллективной волей пролетариата выстроить «базис» так, чтобы он соответствовал слегка обогнавшей историческое развитие «надстройке»¹, то сегодня технологии сами подстегивают к активному обсуждению перспектив человечества, по всей видимости, утратившего веру в лучшее общественное устройство и вообще в способность этого состояния добиться «проектным», целерациональным путем. При этом существующие концепции посткапитализма, в основном, выстраиваются по привычной марксистской логике: есть некое «старое» состояние сегодня, которое преодолевается прогрессивной социальной силой, чтобы затем выстроить новое общество на началах справедливости и всеобщего благополучия. Эта прогрессивная сила (в марксистской парадигме – рабочий класс) является воплощением *социального добра*. Разумеется, отдельные представители «класса освободителя» могут быть и преступниками, но в целом он по самой своей сути ведет общество к «светлому будущему». И даже если речь не идет о каком-либо конкретном социальном классе, имплицитно подразумевается, что новое состояние будет характеризоваться разрешением социальных противоречий капиталистического общества. Процесс «снятия» капитализма обуславливается самими же

¹ Хотя, признаем, это касается большевиков и их подражателей в относительно отсталых странах; до них ортодоксальные марксисты, напротив, считали необходимым приведение в соответствие с уже почти дозревшим базисом отсталой надстройки. Так что сегодняшняя ситуация в теоретическом плане – отчасти возврат к марксизму Второго Интернационала.

противоречиями капитализма. Если посткапиталистическому обществу будут свойственны свои социальные противоречия (что, собственно, многими левыми теоретиками допускается), то это будет дело далекого будущего.

В настоящей книге мы попытаемся представить другой взгляд на перспективу посткапиталистического общества. Мы попытаемся избежать имплицитных и эксплицитных идеализаций будущего. Посткапитализм мы рассмотрим не как некое состояние «после капитализма» (что подразумевает «скачок», переход, радикальную революционную трансформацию), но, скорее, как расширяющееся пространство не-капиталистических общественных отношений, пока «сосуществующих» (и даже иногда симбиотически) с капиталистической системой, но все чаще подтачивающих ее основания. Сам возможный переход к посткапиталистическому обществу будет рассмотрен как долгий и *глубоко противоречивый* процесс. Более того, мы попытаемся обосновать, *что посткапиталистическая формация будет не менее, а более противоречивой, чем капиталистическая*. Речь должна идти о *новой антагонистической общественной формации*.

При этом основные противоречия посткапиталистического общества будут связаны с характером *творческой деятельности*, которая, как предсказывается многими теоретиками, станет основным (или – наиболее видным, привлекательным) занятием людей в будущем. Мы покажем, что творческую деятельность многие современные марксисты, анархисты и сторонники различных концепций посткапитализма идеализируют. Расширение творческих возможностей, во-первых, обострит множество проблем, связанных с необходимостью общественного контроля за использованием результатов творческой деятельности, способных привести к нежелательным, катастрофическим последствиям; во-вторых, поставит перед обществом проблему воспитания занимающейся продуктивной деятельностью всесторонне развитой личности в условиях изобилия различных способов личностной деградации; в-третьих, породит новые структуры и методы воспроизводства *неравенства*, но уже в виде дискурсивного господства выдающихся личностей; в-четвертых, приведет к новым формам *отчуждения* между создателями творческой «продукции» и их потребителями; в-четвертых,

обусловит резкий рост конкуренции между людьми за творческую самореализацию, усугубляющуюся процессами освоения способностей к творчеству «умными машинами».

И хоть мы значительное время уделим прогнозам и сценариям будущего, автору не хотелось бы позиционировать данную книгу как чисто футурологическую (или утопическую/антиутопическую). Мы будем опираться прежде всего на факты, свидетельствующие о том, что переход к посткапитализму – это совокупность происходящих сегодня социальных и технологических процессов, в которых уже можно разглядеть образы противоречивого будущего.

Таким образом, цель настоящей монографии – раскрыть противоречивый характер тех тенденций, которые свидетельствуют о расширении посткапиталистических общественных отношений. Для достижения этой цели требуется решение многих частных задач. Во-первых, потребуется охарактеризовать *социального субъекта* перехода к посткапиталистическому обществу. Эта тема довольно дискуссионная, а потому нам неизбежно придется вступить в полемику со многими авторами, имеющими собственное видение процесса перехода к посткапитализму. Мы попытаемся дать наиболее приближенную к противоречивой действительности характеристику субъекту посткапиталистических общественных отношений, опираясь на концепт личности и философию персонализма. Во-вторых, придется охарактеризовать довольно сложную ситуацию, связанную с вызреванием нового общества в условиях общества старого. Здесь мы попытаемся показать, что между миром капитализма и нарождающимся миром посткапитализма нет сильного сущностного разрыва². Эти «миры» не только могут сосуществовать, но еще и довольно долгое время находиться в синтезе, приводя к неблагоприятным социальным последствиям. Наконец, сквозной сюжетной линией данной монографии является тема принципиальной неопределенности будущего в условиях бурного технологического развития. Эта тема напрямую отправит нас к проблеме

² Как отмечает М. Г. Делягин, сегодня «частная собственность сохранилась лишь на уровне малого, среднего и частично крупного национального бизнеса; на уровне глобального бизнеса, как правило, даже значимые акционеры в массе своей не могут, а главное — не хотят реализовать свои права собственников, что означает фактическую отмену частной собственности, этого фундамента рыночных отношений (Делягин М.Г. Чего мы не знаем? // Свободная мысль. 2015. № 1. С. 49).

определения потенциальной роли государства и значения демократических институтов в будущем.

Практический смысл данной монографии автор видит в необходимости обоснования соответствующей реакции общества на те процессы, которые не замечает современная левая мысль, сосредоточенная скорее на вырисовывании идеалов, чем на выявлении возможных противоречий перехода к посткапиталистическому обществу. Все это так или иначе сводится к вопросу о средствах и методах борьбы за лучшее будущее. Как мы покажем далее, сегодня господствуют чрезмерно оптимистические ожидания в вопросах институционального обустройства посткапиталистического общества. Распространено убеждение, что оно будет гораздо менее противоречивым, что для «хорошей» жизни будет достаточно обеспечить всех минимальным набором материальных благ, а все остальное – дело свободной воли каждого индивидуума, сетевой самоорганизации, гражданской активности и т.п. *С анархо-локалистской теоретической тенденцией*, которая затрагивает не только, собственно, неоанархизм, но, как мы выясним, во многом и марксизм, мы и будем в теоретическом плане бороться, попутно показывая, что обществу, желающему оставаться прогрессивным, не только потребуется *сильное государство*, но и принципиально новые всемирно-демократические централизованные институты, нацеленные на решение экономических, политических, культурных задач, возникающих по мере «покорения» «царства необходимости».

Несколько слов стоит также сказать о ключевом термине монографии – «посткапитализм». Думается, стоит отдельно обосновать его дальнейшее использование нами. Действительно, почему бы не использовать привычное сочетание «социализм/коммунизм»?

В целом, под социализмом сегодня понимают разные состояния: как «диктатуру пролетариата» вкупе с плановой экономикой, так и, например, синтез рыночной экономики и мощного государственного и общественного секторов экономики («шведский социализм»). Однако, как мы увидим далее, ни то, ни другое не удовлетворяет многих современных исследователей и идеологов. Совре-

менный левый дискурс уже плохо укладывается в старую терминологию. Он характеризуется дистанцированием от устоявшихся представлений о социализме как об общественном устройстве, в котором важнейшую роль играет труд («каждому по труду»), а самым значимым субъектом является государство. Многие современные левые авторы, как мы увидим, также отвергают старые методы классовой борьбы и революции. Соответственно, в данном контексте резонны попытки ряда авторов не прибегать к терминам, за которыми уже закрепились определенные устойчивые и при этом часто противоречащие друг другу коннотации, особенно если многие эти коннотации негативные (связаны, например, с печальным опытом СССР). Как отметил М. Фишер, «невероятно, но люди до сих пор пишут статьи с аргументами типа “если вы не любите капитализм, тогда езжайте жить в Северную Корею”. Предпочтение, отдаваемое термину “посткапитализм” вместо “коммунизма” обусловлено как раз этим обстоятельством. Нам следует учитывать меметический потенциал определенных терминов, не глубокий смысл того или иного термина, а тот, который распространяется. Если бы нам пришлось столкнуться с консультантами по брендингу или рекламщиками, они бы отвергли такое слово, как “коммунизм” из-за большого количества концептуальных пояснений, которые вам пришлось бы постоянно делать, чтобы очистить его от очень плохих коннотаций. <...> Достоинство концепта посткапитализма в том, что он не обременен тяжелым наследием плохих ассоциаций. С другой стороны, термин “посткапитализм” пуст, он предъявляет требование к нам наполнить его. Он также исключает искушение примитивизма: то, за что мы боремся – это не возвращение к докапиталистическому аграрному обществу, но появление чего-то нового, чего-то, что еще пока не приняло свою окончательную форму...»³.

Однако, у нас будут и свои виды на данный термин. Для нас значение термина «посткапитализм» не исключается «нейтрализацией» негативных коннотаций термина «коммунизм». Данный термин позволяет «нейтрализовать» как чрезвычайно негативные, так

³ We Can't Afford to Be Realist: A conversation with Mark Fisher and Jodi Dean / Shonkwiler A., L.-C. La Berge (eds) Reading Capitalist Realism. Iowa City: University of Iowa Press, 2014. Pp. 37-38.

и чрезвычайно позитивные коннотации (коммунизм как идеальное общество равенства и братства). Проблема заключается в том, что многие левые теоретики демонизируют капитализм, в то время как возможны крайне извращенные формы бесклассового общества. В конце концов, представимо будущее, в котором общество оказывается расколотым на несколько совершенно не понимающих друг друга ветвей человечества в результате манипуляций с генами или сознанием (сценарий, довольно распространенный в научной фантастике – например, сюжет повести «Волны гасят ветер» А. и Б. Стругацких). Вполне серьезно современные философы относятся и к идее того, что человечеству придется уступить место компьютерному сверхразуму или слиться с ним в единое целое (Р. Курцвейл, Г. Моравек и др.).

Таким образом, преимущество термина «посткапитализм» заключается в его нейтральности. Он избегает не только чрезмерно негативных, но и чрезмерно позитивных коннотаций терминов «социализм» и «коммунизм». В сущности, он как бы символизирует ситуацию неопределенности будущего. Собственно, обоснованию того, что «все не так просто», что путь к посткапиталистическому обществу долог и тернист, а само посткапиталистическое будущее может оказаться не таким, как его представляли, и посвящена данная книга.

**Раздел I Образы посткапиталистического
будущего: анархо-локализм vs централизм**

Глава 1 Два кризиса: капитализма и левой политической мысли

1.1. Кризисные тенденции в современном капиталистическом обществе

Глобальный финансовый кризис 2008 года мало повлиял на системные принципы функционирования современной экономики, но зато существенно повлиял на интеллектуальное развитие дискурса посткапитализма. Под последним мы понимаем совокупность различного рода теорий и концепций, выявляющих предпосылки перехода к посткапиталистической стадии развития общества в будущем. Прежде всего стоит говорить о возвращении интереса к фигурам классиков марксизма. Маркса и до кризиса признавали величайшим мыслителем тысячелетия (по данным опроса, проведенного телеканалом Би-би-си в 1999 г.⁴). Чего уж говорить о времени, когда мировая капиталистическая экономика проявила со всей очевидностью все свои негативные черты. 200-летие Маркса было отмечено многотысячными демонстрациями в Трире, во многих центрах социальной мысли прошли соответствующие конференции. Марксизм сегодня переживает настоящий ренессанс.

Кризис 2008 года показал, что человечество, планомерно двигавшееся в сторону построения модели экономики, сочетавшей в себе лучшие качества капитализма и социализма, пошло в ошибочном (тупиковом) направлении неолиберальной глобальной интеграции. Ничем хорошим это для человечества не обернулось. Несмотря на достижения технологического прогресса, которые почему-то приписывают в заслуги капитализму, сегодня 1,4 миллиарда человек (или примерно 1 из 5) живут менее чем на 1 доллар в день⁵. Многим странам были навязаны хищнические либеральные реформы, в результате которых обрабатывающая промышленность по-

⁴ Карл Маркс признан величайшим мыслителем тысячелетия. URL: <https://fakty.ua/115980-karl-marks-priznan-velichajshim-myslitem-tysyacheletiya>

⁵ Чанг Х. Как устроена экономика. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. С. 224.

степенно выхолащивалась и заменялась «специализацией» стран на продаже сырья и дешевой рабочей силы. «Структурные» реформы 1980-х и 1990-х гг. приводили в большинстве развивающихся стран к резкому замедлению экономического роста. Так, темпы увеличения доходов на душу населения в Латинской Америке рухнули с 3,1 % в 1960-1980-х гг. до 0,3 % в 1980-2000-х гг.⁶

Россия в результате либеральных реформ и вовсе пережила серию катастроф, от которых наша экономика не может оправиться до сих пор. Пострадали все сферы жизни общества: от социальной сферы и демографии до структуры экономики, превратившейся в «сырьевой придаток» или «бензоколонку». Так, за период с 1991 по 2017 годы суммарное уменьшение рождаемости к уровню 1990 года составило 11 миллионов 281,4 тысячи человек, суммарное увеличение смертности – 11 миллионов 28,8 тысячи человек. Одновременно из России выехало 6 миллионов 40,4 тысячи человек, при этом только в 2017 году страну покинуло 377,2 тысячи человек. Соответственно, отмечается, что за 27 лет реформ суммарные «людские потери» от них составили 28 миллионов 350,6 тысячи человек⁷. Конечно, стоит признать, что в России доход на душу населения по паритету покупательной способности увеличился более чем в три раза (от \$ 8012 в 1990 году до \$ 24286 в 2015 году). Но далось это лишь благодаря переориентации экономики на экспорт существенно выросших в цене энергоресурсов. При этом доходы богатейших 10% граждан составляют 45,5% национального дохода⁸. Таким образом, речь идет о том, что выиграли от либеральных реформ преимущественно олигархи, в то время как уровень благосостояния обычных граждан практически не изменился за 25 лет. Российское правительство не смогло воспользоваться нефтяной рентой и модернизировать экономику. Как отмечает В. Иноземцев, Россия является единственной из сырьевых экономик, которая так и не смогла нарастить физические объемы производства ресурсов за последние 25 лет. Россия – «единственная из emerging markets, не

⁶ Там же. С. 66.

⁷ Михаил Бочаров: За годы либеральных «реформ» Россия дополнительно потеряла более 28 миллионов человек. URL: <http://www.rline.tv/news/2018-11-11-mikhail-bocharov-za-gody-liberalnykh-reform-rossiya-dopolnitelno-poteryala-bolee-28-millionov-chelov/>

⁸ Старостина Ю., Ткачев И. Эксперты признали неравенство в России сопоставимым с 1905 годом. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/12/2017/5a33e2fc9a79471b6d846e24>

показавшая значимого развития основных элементов инфраструктуры»⁹.

В США и многих других развитых странах ситуация в экономике также не безоблачна. В посткризисные годы экономика США восстанавливалась куда более «вяло», чем это происходило ранее. Как отмечает В. Варнавский, «до сих пор в стране сохраняются вялые темпы прироста валового внутреннего продукта (ВВП), не превышающие 2,5 % в год (2010-2014 гг.), высокая безработица (максимальная в 2010 г. – 14,8 млн человек), значительный государственный долг в размере, превышающем 100% ВВП»¹⁰. Средние ежегодные темпы прироста ВВП в США уменьшились с 4% в 1950-е годы до 2,2-2,4 % в 2000-е годы. При этом средние темпы роста ВВП на душу населения понизились примерно с 2,5-3% в 1960-е годы до 1,0-1,2 % в 2000-е годы¹¹. Конечно, в последнее время наблюдается некоторое «оживление». Так, во втором квартале 2018 года экономика США поднялась на 4,1% в пересчете на годовые темпы, что стало максимальным ростом с 2014 года¹². Но эта тенденция неустойчива¹³. При этом нужно помнить, что темпы прироста ВВП не означают автоматически улучшения уровня благосостояния большинства граждан. Как отмечается, самые богатые 10% населения США начиная с 1995 года увеличили свое состояние на 200%. Напротив, наиболее бедные 40% потеряли часть своего имущества. Moody's зафиксировало, что этот процесс заметно ускорился после финансового кризиса 2008 года¹⁴. Практически весь рост фондового рынка в последние годы, когда индексы установили все возможные рекорды, принес доходы только самой зажиточной части граждан США. Нижние же 50% населения (почти 160 млн человек) получали все меньше и меньше и вместе распола-

⁹ Иноземцев В. Что отличает российскую экономику от советской. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/02/09/56bc83fb9a794713b41712fc>

¹⁰ Варнавский В.Г. Экономический рост в США: тренды и факторы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. С. 26.

¹¹ Там же. С. 28.

¹² Сильченко С. Рост ВВП США стал максимальным с 2014 года. URL: https://fingazeta.ru/ekonomika/mirovaya_ekonomika/449582/

¹³ К примеру, в июне 2019 года международное агентство Fitch снизило прогноз по росту экономики в США до 1,8% с 1,9%. См.: <https://tass.ru/ekonomika/6558150>

¹⁴ Мигунов Д. Сказку сделать прибылью: почему США угрожает бедность. URL: <https://iz.ru/801476/dmitrii-migunov/skazku-sdelat-pribyliu-pochemu-ssha-ugrozhaet-bednost>

гали в 2017 году только 13% национального дохода (в 1980 году — 20%). По оценке автора нашумевшей книги «Капитал в XXI веке»¹⁵ Т. Пикетти, реальный доналоговый доход для бедной половины американского населения остался на уровне \$16 тыс., не изменившись за почти 30 лет¹⁶. Согласно данным Управления социального обеспечения США, средняя годовая заработная плата в Соединенных Штатах составляет всего \$2500. Отмечается, что при текущих ценах обеспечить средний уровень жизни для семьи из четырех человек всего за \$2500 в месяц невозможно»¹⁷.

Тем не менее, несмотря на всю совокупность кризисных тенденций в капиталистической мир-системе, современную ситуацию в условном мировом левом политическом движении можно охарактеризовать как крайне противоречивую. С одной стороны, капиталистическая мир-система постепенно аккумулирует в себе все больше и больше различного рода противоречий, которые нередко приводят к массовым протестам (как это происходит на момент написания монографии во Франции). Даже в США, стране, в которой традиционно социалистическая идея приживалась плохо, больше половины всех молодых людей предпочитают социализм капитализму¹⁸. Левая политическая мысль и марксизм в частности переживают своего рода ренессанс, что также отражается в возрождении интереса к фигуре Маркса и вообще к различного рода концепциям посткапиталистического общества в социальных науках. С другой стороны, ситуацию можно охарактеризовать и как кризисную. Наблюдаемый рост протестных умонастроений в раз-

¹⁵ См.: Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

¹⁶ Мигунов Д. Сказку сделать прибылью: почему США угрожает бедность. URL: <https://iz.ru/801476/dmitrii-migunov/skazku-sdelat-pribyliu-pochemu-ssha-ugrozhaet-bednost>

¹⁷ Средний класс в США продолжает вымирать. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/109042>

¹⁸ Elkins K. Most young Americans Prefer Socialism to Capitalism, New Report Finds. URL: <https://www.cnbc.com/2018/08/14/fewer-than-half-of-young-americans-are-> . Другое исследование показало, что в США 55% женщин в возрасте от 18 до 54 лет предпочли бы жить в социалистической стране, нежели капиталистической. В целом, 40 % американцев предпочли социализм (Poll: 40% of Americans Prefer Socialist Country. URL: <https://www.newsmax.com/newsfront/socialism-universal-healthcare-harris-poll/2019/06/10/id/919667/>).

ных местах так и не выливается в какой-либо большой проект по переустройству того или иного общества. Протестные движения зачастую сталкиваются с «предательством элит» и популистскими спекуляциями¹⁹. Но главное – если раньше была, по крайней мере на уровне риторики, социалистическая-коммунистическая альтернатива, то сегодня ее нет.

Как мы попытаемся показать далее, наблюдаемый сегодня кризис левой политической мысли связан с постепенным вытеснением *левого централизма анархо-локализмом*. При этом под левым централизмом мы понимаем общее для разных левых концепций представление о приоритетной роли централизованных координирующих организаций (партий, государства, всемирных политических объединений и т.п.) в политической борьбе или в выстраивании посткапиталистических общественных отношений. Анархо-локализм, напротив, акцентирует внимание на сетевой самоорганизации и децентрализации, представляет посткапиталистическое общество без единого центра, как переплетение бесчисленного множества самоорганизующихся общин, групп, спонтанных связей и т.п. Разумеется, дихотомия «левый централизм/анархо-локализм» играет здесь чисто аналитическую роль. Никакого анархо-локализма или левого централизма как последовательных концепций или названий общественных движений нет. Это скорее общие тенденции, которые можно разглядеть в трудах политических идеологов или в лозунгах общественных движений.

Одна из особенностей левой политической мысли заключается в том, что анархо-локализм в ней практически всегда имел довольно большое значение. Различные проявления анархизма отвергали необходимость в постоянно существующей централизованной структуре, спланированной обществом в единое целое (исключение, разве что, составляло признание многими теоретиками анархизма того, что, возможно, потребуется создавать федеративные сообщества вплоть до всемирного уровня). Так, П. А. Кропоткин считал,

¹⁹ См.: Кагарлицкий Б. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2017.

что настоящая историческая миссия коммунистического движения – уничтожить государство и «поставить на его место свободное соглашение индивидуумов и групп, т.е. федерацию свободную и временную (каждый раз с какой-нибудь определенной целью)»²⁰. Здесь примечательно то, что, произнося слово «федерация», Кропоткин имеет в виду не некий институционально оформленный постоянно действующий союз, но «каждый раз с какой-нибудь определенной целью» возникающую совокупность взаимодействий между полностью независимыми мелкими общинами. Таких «федераций», судя по словам Кропоткина, может возникать большое множество, что будет формировать нечто вроде *сети*.

Анархизму изначально противостоял марксизм, хотя он никогда не был полностью централистским. Так, беря у Маркса и Энгельса идею о том, что борьба за коммунизм – это, по сути, борьба за *преодоление общественных антагонизмов*, советские марксисты разделяли их точку зрения, согласно которой построение коммунизма должно сопровождаться «отмиранием государства». Левый централизм марксизма изначально заключался в представлениях о революционной борьбе и «первой фазе коммунистического общества» (социализме). В «Государстве и революции» В.И. Ленин прямо пишет, что Маркс является централистом: «Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист»²¹. Для самого Ленина централизм «первой фазы коммунистического общества» заключался, с одной стороны, в подавлении буржуазно-пережиточного меньшинства прогрессивным рабоче-крестьянским большинством. С другой же стороны, централизм был необходим для мобилизации общественных сил и ускорения перехода к «второй фазе коммунистического общества» (а потому «социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества и *со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления»²²). Тем не менее, если говорить о «второй фазе комму-

²⁰ Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал. СПб.: Азбука, 2017. С. 73.

²¹ Ленин В.И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 53.

²² Там же. С. 97.

низма», то здесь взгляды классиков марксизма²³ и самого Ленина вряд ли можно назвать централистскими (хотя стоит признать, что Маркс и Энгельс не оставили подробных «описаний» коммунистического общества). Марксизм и анархизм пересекаются, и конечным идеалом обоих политико-философских направлений становится свободное взаимодействие самоорганизующихся общин-коммун (или кооперативных товариществ), которые, тем не менее, совместно *координируют* производство (учтем, что *координировать* не есть одно и то же, что *централизованно управлять*)²⁴. Государство же «отмирает» за ненадобностью. Ленин пишет: «мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц*, а равно и необходимости подавлять такие эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных

²³ Ф. Энгельс об ассоциации будущего: «Существовавшие до сих пор ассоциации, естественно сложившиеся или же искусственно созданные, служили, в сущности, экономическим целям, но эти цели были завуалированы и скрыты идеологическими аксессуарами. Античный полис, средневековый город или цех, феодальный союз дворян-землевладельцев — все имели побочные идеологические цели, святость которых они чтити и которые у патрицианского родового союза и у цеха возникали из воспоминаний, традиций и символов родового общества в не меньшей степени, чем у античного полиса. Только капиталистические торговые общества — совершенно трезвы и практичны, но зато и вульгарны. Ассоциация будущего соединит трезвость последних с заботой древних ассоциаций об общем благе членов общества и таким путем достигнет своей цели» (Энгельс Ф. Об ассоциации будущего // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 405)

²⁴ К. Маркс о Парижской коммуне: «Она хотела экспроприировать экспроприаторов. Она хотела сделать индивидуальную собственность реальностью, превратив средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время прежде всего орудиями порабощения и эксплуатации труда, в орудия свободного ассоциированного труда. — Но ведь это коммунизм, «невозможный» коммунизм! Однако те представители господствующих классов, — и их не мало, — которые достаточно умны, чтобы понять, что настоящая система не может долго существовать, стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооперативное производство не должно оставаться пустым звуком или обманом, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если объединённые кооперативные товарищества организуют национальное производство по общему плану, взяв тем самым руководство им в свои руки и прекратив постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве, — не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?» (Маркс К. Гражданская война во Франции. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Civwar/index.html>).

людей даже в современном обществе размывает дерущихся или не допускает насилия над женщиной»²⁵.

Конечно, всем известно, во что вылился большевизм. Но даже в период наибольших расхождений между марксистской теорией и большевистской практикой никто не выдвигал серьезных возражений против концепции «отмирания государства». Единственный тезис, который «привнес» И.В. Сталин в «Отчетном докладе на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года», заключался в том, что государство сохранится и при коммунизме, если страна будет окружена врагами (что, собственно, противоречит исходному тезису Маркса о том, что в окружении врагов коммунизм невозможен). Государство, согласно Сталину, «сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военного нападения извне, причем понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки»²⁶.

Однако нельзя утверждать, что идея коммунистического общества неизбежно сводится к анархо-локалистскому воззрению на «светлое» будущее, где существует большое множество самоорганизующихся коммун и нет никаких постоянно действующих централизованных организаций, функцией которых была бы координация производства или принятие обязательных для всех членов общества решений. Так, А.А. Богданов, которого марксистом можно называть весьма условно, в своих философских рассуждениях о человеке, утверждает, что задача коммунизма – это «собираение человека». Однако «собираение человека» в понимании Богданова вряд ли возможно в условиях существования большого количества независимых коммун (которые «фрагментируют» опыт). Напротив, «собираение человека» – это присвоение каждым человеком опыта всего человечества. «Дело идет, – пишет Богданов, – о возрастающей общности основного содержания опыта, не о бесчисленных переживаний, о возможности полного взаимного понимания людей, а не об их психическом тождестве; о способности каждого во всякое время овладеть какой угодно частью опыта других людей, а не

²⁵ Ленин В.И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 91.

²⁶ Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t14/t14_57.htm

о фактическом обладании всем этим опытом»²⁷. Левый централизм Богданова проявляется и в его утопическом романе «Красная звезда», когда он описывает коммунистическую экономику марсиан. Последняя же регулируется централизованной автоматизированной статистической системой (стоит отметить, что роман опубликован в 1908 году), которая подсчитывает излишек и недостаток рабочих часов в тех или иных отраслях. Когда главный герой спрашивает одного из марсиан, как это работает, тот отвечает: «Институт подсчетов имеет везде свои агентуры, которые следят за движением продуктов на складах, за производительностью всех предприятий и изменением числа работников в них. Этим путем точно выясняется, сколько и чего следует произвести на определенный срок и сколько рабочих часов для этого требуется. Затем институту остается подсчитать по каждой отрасли труда разницу между тем, что есть, и тем, что должно быть. Поток добровольцев тогда восстанавливает равновесие»²⁸.

И, разумеется, если речь пошла о фантастике, то у классиков советской фантастики довольно редко коммунистическое будущее описывается как совокупность взаимодействующих общин или коммун. К примеру, во вселенной «Мира полудня» А. и Б. Стругацких, то есть в вымышленном мире, в котором, по словам самих классиков, они хотели бы жить²⁹, победивший коммунизм отнюдь не исключает присутствия таких институтов, как Мировой совет (определяющий общую политику человеческой цивилизации), КОМКОН (Комиссия по контакту с иными цивилизациями) и КОМКОН-2 (Комиссия по контролю за научными исследованиями), которая, к слову, особенно в поздних повестях очень напоминает КГБ (например, данная организация может засекречивать информацию и прекращать целые направления научных исследований, если они признаются несущими угрозу всему человечеству). Вряд ли Стругацкие стали бы включать в «мир, в котором им хотелось бы жить самим» то, в чем они сами бы не видели очевидной необходимости. Нечто подобное мы наблюдаем в романе «Час Бы-

²⁷ Богданов А. А. О пролетарской культуре: 1904 – 1924. Л.; М.: Издательское товарищество «Книга», 1924. С. 32.

²⁸ Богданов А.А. Красная звезда: Роман. М.: ТЕРРА, СПб.: Северо-Запад, 2009. С. 78-79.

²⁹ Вишневский Б. От «Далекой радуги» — к «Граду обреченному». URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/03/20/75875-miry-strugatskih>

ка» И.А. Ефремова в тех местах, где герои рассуждают о высоко-развитой коммунистической цивилизации землян. Так, в светлом коммунистическом будущем, согласно Ефремову, все же существует институт «суммирования мнений». Существуют и централизованные органы управления (Советы Экономики, Здоровья, Чести и Права, Звездоплавания и т.п.), хотя и не объединенные в один большой всемирный Совет, как это было у Стругацких³⁰. Кроме того, читатель узнает, что в данном обществе тщательно регулируется деторождение, и вообще особое внимание уделяется контролю за негативными «отклонениями» в психофизиологии человека. Можно найти в романе и довольно странные пассажи, о которых так и не сложилось единого мнения среди поклонников писателя. К примеру, от обусловленных «генной памятью» искривлений психики людей защищает некая система ПНОИ: «вот почему так сложна организация ПНОИ – психологического надзора, работающая вместе с РТИ – решетчатой трансформацией индивида, непрерывно совершенствуемая Советом Чести и Права. Полная аналогия с ОЭС – охраной электронных связей космического корабля, только еще сложнее и многообразнее»³¹.

Конечно, рассмотренные проявления анархо-локализма и левого централизма в левой политической мысли – одни из многих, ведь где-то между анархизмом и большевизмом располагаются многочисленные социал-демократические концепции. Мы не стремимся реконструировать и классифицировать все возможные проявления левого централизма или анархо-локализма. Здесь мы лишь попытались продемонстрировать суть дихотомии «анархо-локализм/левый централизм». Как мы увидим далее, многие темы и сюжеты современного левого дискурса поддаются соответствующей классификации. Однако если век назад левый централизм, по сути, господствовал (по крайней мере, в распространяющейся по всему миру форме большевизма), начиная с середины XX века наблюдается тенденция отступления централизма под натиском многочисленных анархо-локалистских концепций.

³⁰ Ефремов И.А. Час Быка. М.: Издательство АСТ, 2015. С. 118.

³¹ Там же. С. 153.

1.2. Анархо-локалистские тенденции в левой политической мысли

Трудно найти истоки современного анархо-локализма. Скорее стоит говорить о том, что анархизм никуда не исчезал и постепенно трансформировался в ответ на общественные и технологические тенденции, вдохновлявшие левых идеологов и исследователей постепенно отходить от элементов левого централизма в своих концепциях и все чаще обращаться к тому, что можно охарактеризовать как анархо-локализм. Среди сопутствующих факторов можно выделить: а) разочарование в большевизме и вообще в бюрократическом социализме; б) разочарование в индустриализме как таковом, ассоциирование крупной индустрии с загрязнением окружающей среды и экологическими рисками; в) появление новых коммуникационных технологий, открывших потенциал перехода к сетевому способу социальных взаимодействий; г) переосмысление учения Маркса в связи с публикацией его философских неизданных произведений («Экономическо-философских рукописей 1844 г.», опубликованных в 1932 г. и «Экономических рукописей 1857–1859 гг.», опубликованных в 1939 г.); д) переосмысление роли знания в экономике, появление концепций постиндустриально-информационного общества.

Вторая половина XX века породила множество движений, родственных анархизму и, соответственно, придерживающихся различных локалистских воззрений. Это и эко-локалисты, и операисты, и автономны, и сквоттеры, и ситуационисты, и многие антиглобалисты, и продолжающие существовать анархо-синдикалисты, и борцы за свободное программное обеспечение и т.п. Все эти движения объединяет неприятие каких-либо централизованных структур, «больших нарративов», вообще всего того, что имеет всепланетарные масштабы (особенно если речь идет о том, что контролируется буржуазией).

Иногда идеологи данных движений брали идеи анархизма и использовали их в разных контекстах. Так, эколокалисты, соответственно, делали акцент на экологии. Согласно эколокализму, устойчивое с точки зрения экологии развитие возможно только в рамках небольших производственных единиц. Крупные промыш-

ленные гиганты безответственны по отношению к локальным сообществам и регионам. Как отмечает в своей книге «Малое прекрасно» Э. Ф. Шумахер, «с точки зрения буддистской экономики, производство из местных ресурсов для локальных нужд является наиболее рациональным способом экономической жизни, в то время как зависимость от импорта издалека и вытекающая из этого необходимость производить продукцию для экспорта неизвестным и далеким народам крайне неэкономична и оправдана только в исключительных случаях и в небольших масштабах»³². Ситуационизм зародился как прежде всего контркультурное явление и делал акцент на «революции сознания» (см., например, Ги Дебор «Общество спектакля»³³).

Более существенным фактором распространения анархо-локализма стало переосмысление марксизма. Если в СССР марксизм-ленинизм постепенно превращался в квазирелигиозное догматическое учение, то на Западе идеи Маркса активно изменялись и переосмыслились. И критика идей Маркса, в основном, касалась того, на чем держались догмы советского марксизма: идея революции пролетариата, осуществляемой под чутким руководством иерархически организованной партии; концепция, согласно которой развитие капитализма неразрывно связано с ухудшением материального положения пролетариата и многое другое. Росла теоретическая неприязнь и к советским «дополнениям» учения Маркса: вроде идеи о возможности социалистической революции в относительно отсталой в социально-экономическом смысле стране и концепции построения социализма в отдельно взятой стране. Соответственно, сам марксизм на Западе имел тенденцию сближения с анархизмом.

Типичным примером анархо-локализма, порожденного критикой советского марксизма, является творчество представителей французской леворадикальной группы «Социализм или Варварство», существовавшей в 1948-1967 гг. (туда входили К. Кастириадис, К. Лефор, Ж. Женетт и другие). Схожую позицию в то время занимала американская леворадикальная группа Джонсон – Форест, возглавляемая С. Джеймсом и Р. Дунаевской. Последняя критико-

³² Schumacher E.F. Small is Beautiful: Economics as if People Mattered. London: Abacus, 1973. P. 49.

³³ Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 1999.

вала Советский Союз, характеризуя его экономическую систему как государственный капитализм. Дунаевская, которая перевела на английский язык «Философско-экономические рукописи 1844 г.», являлась сторонницей гуманистического прочтения Маркса, не принимала концепцию «авангардной партии», а потому считала, что подлинная революция рабочего класса возможна только как «стихийное творчество масс» («спонтанная творческая активность самих рабочих»³⁴), спонтанная самоорганизация, «саморазвитие свободы». Только локальные «вспышки», очаги свободы могут привести к изменению общества к лучшему, так как являются непосредственной практикой самоосвобождения. А процессы автоматизации неизбежно ставят перед рабочими вопросы о желаемом будущем. Дунаевская пишет: «В 1950 г. я принимала участие во всеобщей забастовке шахтеров в Западной Виргинии, которая обозначила поистине исторический рубеж как собственным характером, так и тем, что отсутствовало в области философии. Величие этой шахтерской забастовки – поднявшей проблему автоматизации перед тем, как был изобретен сам этот термин — состояло в том, что, начавшись в 1949 г. с разрешения профсоюзов, она вылилась в выступление против профсоюзного руководства. Вместо традиционного требования заработной платы шахтеры выдвинули совершенно новые вопросы – вопросы, которые касались *условий* труда и самого характера труда. Они спрашивали: “Какой труд достоин человека? Почему между мышлением и делом существует такой разрыв?”»³⁵.

К. Касториадис более холодно относился к Марксу. Но во всем остальном он был «в тренде» интеллектуальной рефлексии в духе анархо-локализма. Считая, что на наиболее глубинном уровне марксизм «становится приводным камнем капиталистических моделей и смыслов в рабочем движении (рационализм, иерархия, продуктивность, примат псевдо-“теории” и т.д.)», он считал, что цель рабочего движения – это автономия. Поясняя значение этого термина, Касториадис отмечает, что «тем самым предполагается упразднение господствующих групп и институтов, воплощающих и

³⁴ Дунаевская Р. Марксизм и свобода: С 1776 года до наших дней. М.: НПЦ «Праксис», 2011. С. 12.

³⁵ Там же. С. 419.

инструментирующих это господство – в первую очередь, государства, – подлинное самоуправление коллективов, самоорганизация общества»³⁶. Иными словами, автономия и упразднение всяческих централизованных структур ставится не далекой конечной целью процесса «отмирания государства», а непосредственной совокупностью локальных протестных практик «здесь и сейчас».

Однако самым значимым фактором роста значения анархо-локализма в левой политической мысли стали, на наш взгляд, новые бурно развивающиеся технологии (прежде всего информационные). Истоки «технологического» анархо-локализма можно найти еще в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в рамках контркультурных тенденций того времени. Новое воплощение в США тогда получала культура DIY («сделай сам»). Знаковым событием стало издание в 1970-х гг. С. Брэндом журнала *The Whole Earth Catalog* («Каталога всей Земли»), ставшего, по словам С. Джобса, «библией нового поколения»³⁷. В журнале поднимались экологические проблемы, там публиковались советы по ведению натурального хозяйства, уходу за животными и строительству, рецепты домашних лекарств и т.д. Журнал оказал заметное влияние на зарождение «гиковской» культуры, вылившейся впоследствии в Движение за свободное программное обеспечение. В 1984 г. прошла первая хакерская конференция под лозунгом «Информация должна быть свободной». Главной целью этого движения стала борьба с системой патентного права. Как утверждает один из основателей этого движения Р. Столлман, данная система дает большие преимущества гигантским корпорациям в ущерб мелким фирмам или одиночкам изобретателям и разработчикам программного обеспечения. «Небольшому числу разработчиков программ повезло, – пишет Столлман, – их эта опасность по большей части не касается. Это мегакорпорации. У каждой из них, как правило, тысячи патентов, и компании взаимно лицензируют их друг с другом. Это дает им преимущество перед меньшими соперниками, которые не в состоянии делать то же самое. Вот почему именно мегакорпорации выступают

³⁶ Касториадис К. Возможно ли создать новую форму общества? // Касториадис К. Дрейфующее общество. Беседы и дискуссии (1974-1997). М.: Гнозис/Логос, 2012. С. 149.

³⁷ Агашанова Н. «Каталог всей Земли». Кто такой Стюарт Бренд, и как его идеи продолжают менять наш мир. URL: <https://esquire.ru/relaxation/62032-whole-earth-catalog/>.

за патенты на программы»³⁸. Движение, таким образом, отвергает проприетарное (патентованное) программное обеспечение. Более того, данное движение выступает за активное продвижение «свободного» программного обеспечения с открытым исходным кодом. К примеру, разработчик ядра знаменитой операционной системы Linux Л. Торвальдс также связан с данным движением.

Собственно говоря, одну из наиболее последовательных и проработанных форм современного анархо-локализма можно найти у французского леворадикального философа А. Горца, который выдвигает концепцию «коммунизма знаний». Современный капитализм Горц характеризует как «когнитивный», подчеркивая рост значения знаний в экономике. Однако процесс производства, распределения и «потребления» знаний в корне отличается от процесса производства, распределения и потребления материальных предметов. Знание – результат спонтанного, неконтролируемого творчества. Его можно фактически бесплатно распространять. «Потребление» же знания скорее означает его *приращение* (например, в дискуссиях между учеными), нежели поглощение. Иными словами, настоящая экономика знаний, согласно Горцу, является *коммунизмом знаний*. Именно поэтому он с симпатией смотрит на всевозможных хакеров и борцов за свободное программное обеспечение. Уничтожение системы патентов – это, по сути, не столько даже подрыв капиталистической экономики, сколько избавление от системы рентных отношений, в которых небольшая прослойка представителей глобальной буржуазии извлекает интеллектуальную ренту с зависимых от них работников умственного труда. При этом мышление Горца остается анархо-локалистским. Он пишет: «настоящим обществом знания был бы некоторый коммунизм знания, в котором создание богатства было бы равнозначно свободному всестороннему развитию человеческих способностей, включая способность к досугу и наслаждению. Свободный способ производства знания вылился бы в общинную экономику, где социальные отношения были бы противоположны товарно-денежным отношениям стоимости в политэкономии капитализма»³⁹.

³⁸ Stallman R. Bill Gates and other communists. URL: <https://www.cnet.com/au/news/bill-gates-and-other-communists/>

³⁹ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010. С. 107.

Тезисы Горца хорошо сочетаются с современным дискурсом о различных революционных технологиях, способных перевернуть наше представление об экономике. К примеру, известный футуролог Дж. Рифкин показывает, что высокая производительность, вызванная множеством новых интеллектуальных технологий (например, 3-D печать), продвигает капиталистическую систему к постепенному самоотрицанию, так как рыночная конкуренция ведет к тому, что производство каждой дополнительной единицы многих товаров и услуг начинает характеризоваться нулевыми предельными издержками. Одна из книг Рифкина так и называется – «Общество нулевых предельных издержек»⁴⁰. Как показывает Рифкин, феномен нулевых предельных издержек проник в сектор информационных товаров в последнее десятилетие. Сотни миллионов потребителей превратились в просьюмеров, производящих и делящихся своей собственной музыкой, видео и другими видами развлечений, а также новостями и знаниями практически по нулевой предельной стоимости, минуя капиталистический рынок. Это открывает большой простор для *совместного творчества*. Стоит отметить, что в целом термин «collaborative commons» (буквально – «общины сотрудничества», совместное одноранговое производство⁴¹) сегодня становится весьма распространенным в дискурсе о возможном посткапиталистическом обществе. Самого Рифкина также иногда называют теоретиком посткапитализма, так как он описывает новую модель производства, в котором креативная энергия большого числа людей фокусируется (обычно с помощью Интернета⁴²) в рамках тех или иных проектов преимущественно без традиционной иерархической организации. По сути, речь идет о сетевой самоорганизации большого количества локальных сообществ

⁴⁰ См.: Rifkin J. The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism. New York: St. Martin's Griffin, 2015.

⁴¹ См.: Tapscott D., Williams A. D. Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything. London: Portfolio, 2010.

⁴² Как отмечает А.Д. Трахтенберг, «Интернет в каком-то смысле явился для современного левого дискурса “подарком судьбы”, настолько идеально он вписался в существующие теоретические модели. В нем с реальной легкостью можно обнаружить хабермасианское гражданское общество, “семантическую герилью”, ризомные структуры, описанные Делезом, буквальное воплощение рассуждений Деррида о “децентрации” и т.д., и т.п.» (Трахтенберг А.Д. Интернет как возвышенный объект идеологии в антикапиталистической риторике // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. № 8).

(«общин»), представители которых (просьюмеры) производят и делятся своей собственной информацией, развлечениями, экологически чистой энергией, 3D-печатной продукцией, автомобилями, домами и даже одеждой друг с другом через сайты социальных сетей, аренду, клубы перераспределения и кооперативы по низким или почти нулевым ценам.

Еще одно проявление современного анархо-локализма – это популяризация идеи *безусловного дохода* – то есть фиксированных ежемесячных выплат каждому гражданину той или иной страны независимо от его социально-экономического положения (поэтому его еще называют базовым *общим* доходом). В интерпретации левых эта идея становится одним из способов улучшения положения наемных работников, особенно если учесть тенденции к прекаризации труда (росту «нестабильной» занятости, фрилансерства, самозанятости и т.п.⁴³) и распространению бесполезных рабочих мест или, как сказал бы Д. Грэбер, «дерьмовых работ» (bullshit jobs)⁴⁴. Предполагается, что безусловный доход станет первым шагом на пути к Марксовому «царству свободы»: он будет обеспечивать каждому минимальный набор материальных благ, то есть, наконец, предоставит возможность людям *не продавать* свою рабочую силу капиталистам, а потому заниматься свободной деятельностью. Соответственно, не удивительно, что идея безусловного дохода хорошо сочетается с анархо-локализмом. Знаменитая статья видных популяризаторов идеи Ф. Ван Парийса и Р. Ван Дер Вейна так и называется: «Капиталистическая дорога к коммунизму». Безусловный доход оказывается тем, что позволит практически на полуматематическом режиме перейти к коммунизму минуя социализм (подразумевающий плановую экономику)⁴⁵.

Однако подчас и сама идея безусловного дохода критикуется за централизм. Так, М. Бордерс скептически смотрит на перспективу того, что выплатами безусловного дохода будет распоряжаться правительство. Фактически это означает, что никакой подлинной «свободы от труда» такая ситуация не принесет. А потому угроза

⁴³ См.: Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Pelican Books, 2014; Standing G. Basic Income: And How We Can Make It Happen. London: Pelican Books, 2017.

⁴⁴ См.: Graeber D. Bullshit Jobs: A Theory. New York: Simon & Schuster, 2018.

⁴⁵ Van Der Veen R.J., Van Parijs P. A Capitalist Road to Communism // Theory and Society. 1986. № 5. Pp. 635-655. URL: https://www.ssc.wisc.edu/~wright/ERU_files/PVP-cap-road.pdf

приостановки выплат безусловного дохода превратится в «кнут и пряник». Более того, такая программа, по мнению Бордерса, грозит уничтожить невидимые нити, связывающие маленькие сообщества взаимопомощи. Поэтому вместо выплат безусловного дохода он предлагает «распределенные кооперативы взаимопомощи». Данная система должна включать ассоциации, свободные от каких-либо политических границ и должна выстраиваться в тандеме с коммерческими системами⁴⁶. Иными словами, речь, по всей видимости, идет скорее не о большой программе безусловного дохода, а о децентрализованной системе локальных «безусловных доходов».

Примечательно и то, что сегодня анархо-локалистские тенденции проявляются все сильнее в марксизме.

NB! Это стоит подчеркнуть, ибо речь идет не о конкретном идейном течении вроде неоанархизма, а именно о *теоретических тенденциях, являющихся общими для многих интеллектуальных течений* и затрагивающих в том числе марксизм.

Фактически за исключением маргинальных группировок различного рода сталинистов, маоистов и прочих ностальгирующих по «железной хватке» сторонников бюрократического социализма, современные марксисты все чаще делают ставку на сетевую самоорганизацию различных групп и сообществ. И даже если исследователи говорят о необходимости тактического централизма в борьбе за власть, само посткапиталистическое общество ассоциируется с политической и экономической децентрализацией и постепенной «минимизацией» государства. Так, представители школы «критического» марксизма А. В. Бузгалин и А. И. Колганов хоть и выступают за расширение социального функционала государства, в том числе за введение того, что они называют селективным планированием⁴⁷, по сути, мыслят в тренде анархо-локализма, рассуждая о «царстве свободы» именно как о пространстве свободной (сетевой) самоорганизации творческих деятелей. Государство в таком случае просто смягчает негативные проявления капитализма и играет роль важного игрока в развитии «царства свободы» (например, вкладываясь в социальные проекты), но роль его должна быть сугубо кос-

⁴⁶ Borders M. (2018) A Universal Basic Income Would Engorge the Paternal State. URL: <https://fee.org/articles/a-universal-basic-income-would-engorge-the-paternal-state/>

⁴⁷ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование в экономике XXI века: какое и для чего? // Terra Economicus. 2017. №. 1. С. 29-43.

венная: оно может создать только благоприятные условия для творчества и свободных взаимодействий, но само пространство посткапиталистических отношений мыслится ими как *сетевое, децентрализованное, спонтанное*. А потому, согласно тезису, высказанному А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым в соавторстве с Р.С. Гринберг, необходимо «максимально возможное устранение влияния капитала и, в частности, денег на политику при неуклонном повышении политической роли социальных движений и неправительственных организаций и сокращении роли собственно государственных структур и профессиональных политиков»⁴⁸. Схожие идеи излагает Б.Ю. Кагарлицкий. Он во многих своих работах критикует постмодернистских левых (А. Негри и др.), локализм и анархизм (автономизм и т.п.), но централизм его сводится к проблемам тактики и организации рабочего движения (и то вопрос о постоянно действующей партии трудящихся, ее иерархической организации и т.п. заменяется рассуждениями о координации и согласовании возникающих «очагов» протеста). При этом в качестве главного «врага» выступает уже не столько капитализм как система, сколько неолиберализм. Конечно, государство признается безусловно важным агентом движения к социалистическому будущему: «государство как структура, обеспечивающая демократическую координацию, остается необходимостью в любом социалистическом проекте, как бы серьезно мы ни относились к угрозе его бюрократического перерождения»⁴⁹. Однако само по себе социалистическое государство с централизмом явно не ассоциируется: «безусловно, в повестке дня встает демилитаризация, деbüroкратизация и децентрализация государства. В известном смысле даже его деполитизация»⁵⁰. В конце концов, *мы сталкиваемся с той же риторикой о сетевых структурах*: «смысл сетевых структур в том, чтобы заменить рынок в качестве стихийного регулятора и координатора человеческой хозяйственной деятельности»⁵¹.

Конечно, далеко не все левые идеи и концепции сегодня можно назвать анархо-локалистскими, но соответствующая тенденция в

⁴⁸ Бузгалин А.В., Гринберг Р.С., Колганов А.И. Глобальный мир в тупике. Где выход? // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 10.

⁴⁹ Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. М.: Алгоритм, 2007. С. 544.

⁵⁰ Там же. С. 544.

⁵¹ Там же. С. 545.

левой политической мысли сегодня, можно сказать, очевидна⁵². На первый взгляд, это выглядит своеобразным преимуществом. Кажется бы, все указывает на то, что посткапиталистическое общество должно стать результатом своеобразной «бунтующей локальности»⁵³. В конце концов, современные технологии, действительно, дают большие возможности для самоорганизации и кооперации в духе DIY (от социальных сетей и интернет-платформ до 3-D принтеров), что подрывает монополию привычных «централистских» институтов капиталистического общества (например, криптовалюты, поставившие под вопрос необходимость существования национальных валют). Однако есть основания считать, что видимое преобладание анархо-локализма – это не столько показатель развития современной левой политической мысли, сколько свидетельство ее *глубокого кризиса*.

1.3. Есть ли будущее у левого централизма?

Прежде всего стоит отметить, что история анархизма и локализма – это история разочарований. Еще начиная с еретических христианских общин беггардов, лоллардов, таборитов, богемских братьев, анабаптистов и т.п., хорошо описанных и охарактеризованных в «Истории социализма» К. Каутского⁵⁴, социалистический локализм терпел крах. Различные вариации анархизма сменяли друг друга, но глобальное устройство мира от этого особенно не

⁵² А.Д. Трахтенберг: «К настоящему времени сетевое сообщество стало очередным воплощением мечты о “великом сообществе”, которое способно заменить холодные и бездушные отношения господства и подчинения общением равных в виртуальном пространстве и вернуть индивидам и сообществам ту власть, которую у них отняли «большие корпорации» и выражающее их интересы государство (Трахтенберг А.Д. Интернет как идеология: альтернативная социальность и альтернативная реальность (об осмыслении информационной революции в современной левой мысли // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 21 (121). С. 115).

⁵³ И, как утверждает Н. Хомский, должно установиться «общество свободного взаимодействия, без карательного государства или любого другого авторитарного института власти-общества, в котором свободные люди могут творить, познавать и достигать наивысшего развития своих способностей» (Хомский Н. Государство будущего. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 27-28).

⁵⁴ См.: Каутский К. История социализма: Предтечи новейшего социализма. М.: Академический проект, 2013.

менялось. Движения ситуационистов, автономов, сквоттеров так и остались локальными «вспышками» (если не сказать «пшиками»), в то время как глобальная капиталистическая система продолжала свое развитие, становясь все менее зависимой от национальных государств. Конец XX – начало XXI в. – время торжества неолиберализма, породившего доминирование вышедших из-под контроля национальных государств ТНК. И сегодня состоящая из 1% самых богатых людей мировая буржуазия процветает, стремительно богатеет на фоне относительно беднеющих 99% населения. И эта тенденция уже очень давно не меняет направления. Так, по данным Forbes, за 2018 года совокупное состояние миллиардеров по всему миру выросло на \$900 млрд (или на \$2,5 млрд в день). За последние 10 лет число долларовых миллиардеров почти удвоилось, а в 2017-2018 годах новый долларовый миллиардер появлялся в среднем каждые два дня. При этом в 2018 году усилилась тенденция к концентрации богатства — 26 богатейших людей мира владели состоянием, равным благосостоянию беднейших 3,8 млрд (!) человек (годом ранее эту сумму аккумулировали 43 человека). Ситуация принимает гротескный характер. Например, состояние Джеффа Безоса, самого богатого человека в мире, составляет \$112 млрд. По подсчетам Forbes, «всего один процент этой суммы равняется бюджетным расходам на здравоохранение в Эфиопии»⁵⁵.

За все время доминирования в мире неолиберализма различного рода анархо-локалистской активности было довольно много. Например, бурная активность движения антиглобалистов в 1999-2001 годах. Тогда многие эксперты отмечали локалистский «дух» движения. Само движение было сетевым и децентрализованным. Так, деньги на организацию мероприятий собирали по Интернету и весьма успешно. Однако эта активность быстро сошла на нет, и дело, по всей видимости, не только в событиях 11 сентября 2001 г. Можно согласиться с А.Н. Тарасовым, который считает, что основная причина упадка движения заключалась в организационном застое. «Контрсаммиты, – пишет он, – оказывались все менее и менее успешными (самый первый – Сиэтл – так и остался самым успеш-

⁵⁵ Богатые продолжают богатеть: как растет глобальное имущественное неравенство. URL: <http://www.forbes.ru/milliardery/371457-bogatye-prodolzhayut-bogatet-kak-rastet-globalnoe-imushchestvennoe-neravenstvo>

ным), поскольку противник, в отличие от “антиглобалистов”, искал новые методы противодействия <...>: то проводил саммит на корабле, то в маленьких курортных городках, куда было невозможно попасть десяткам тысяч протестующих, то вводил драконовские меры безопасности, отсекая “антиглобалистов” на дальних подступах — иногда просто по другую сторону государственной границы»⁵⁶. А. Каллиникос «по горячим следам» сделал весьма меткое замечание, с которым трудно спорить: «после Генуи встал вопрос о том, каким образом движение может противостоять централизованной власти капиталистического государства, не воспроизводя иерархических и авторитарных структур, которым оно пыталось бросить вызов. Решению этой проблемы прославление фрагментации и рассеивания ничем помочь не может»⁵⁷.

Конечно, автор не желает принижать значения антиглобалистского движения. Оно, возможно, остановило многие тенденции, которые для человеческой цивилизации были бы фатальными. Но каких-либо конструктивных альтернатив буржуазному обществу оно не было в состоянии предложить (а главное – воплотить), как и не могло оно остановить буржуазную глобализацию. То же самое можно сказать относительно движения Occupy Wall Street («Захватите Уолл-стрит») в 2011 г. Это движение стало реакцией на последствия финансового кризиса 2008 года, когда правительство США первым делом спасало самих главных виновников кризиса – банки. И, как и в случае с антиглобалистскими выступлениями начала XXI века, данное движение быстро выдохлось, так, по сути, ни на что не повлияв.

Анархо-локализм, думается, в принципе бессилен до тех пор, пока ему противостоит могущественный противник в лице мировой буржуазии, опирающейся как раз на централизованные методы воздействия и подавления – мировые СМИ, полицию, армию и т.п. Но важнее то, что анархо-локализм попросту не способен выработать убедительный, предпочтительный, а главное – реалистичный, то есть соответствующей всей сложности технологической действительности и мировых социально-экономических взаимодействий, образ будущего. Это касается любых проявлений анархо-

⁵⁶ Тарасов А.Н. «Антиглобалисты»: ликбез // Скепсис. 2008. №5. С. 14-22. С. 20.

⁵⁷ Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005. С. 103.

локалистского мышления. Например, относительно эколокализма Г. Альбо отмечает, что в нем «отсутствует стратегическое видение того, как будут преодолены препятствия капиталистической и государственной власти, и большинство вопросов координации, определения объемов производства, средств управления, как и многие из основных вопросов, с которыми на практике и в теории столкнулись все проекты социализации рынка и планирования, – просто остались без ответов»⁵⁸.

То же самое можно сказать и о современных коммуникационных технологиях, которые отнюдь не «революционизировали» реальность, а скорее сами превратились в «возвышенный объект идеологии»⁵⁹. Приведем слова Я.-Ф. Шрапе: «Хотя Интернет на чисто техническом уровне все еще основан на принципе децентрализации, эмпирические свидетельства на сегодняшний день указывают на противоположные тенденции. Контркультура “сделай сам”, возникшая вместе с “Каталогом всей Земли”, не привела к размыванию централизованных форм производства; вместо этого, исследуя посреднические формы агрегации пользовательского контента, она способствовала появлению базовой бизнес-модели для интернет-экономики. Сегодня проекты с открытым исходным кодом больше не конкурируют с индустрией коммерческого программного обеспечения; вместо этого они служат инкубатором для общепромышленных инфраструктур. Несмотря на то, что Web 2.0 делает общение более гибким и способствует появлению новых гибридных форм в частной и публичной сферах, это не умаляет ни центральной значимости крупных медиа-провайдеров, ни приводит к общему упадку модели взаимодействия “производитель-потребитель”. Вместо этого нынешняя интернет-экономика характеризуется исторически беспрецедентным объединением власти частного сектора над общественной инфраструктурой»⁶⁰.

⁵⁸ Albo G. The Limits of Eco-Localism: Scale, Strategy, Socialism // Socialist Register. 2007. Vol. 39. P. 350.

⁵⁹ См.: Трахтенберг А.Д. Интернет как возвышенный объект идеологии в антикапиталистической риторике // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. № 8. С. 241-256.

⁶⁰ Schrape J.-F. The Promise of Technological Decentralization. A Brief Reconstruction // Society. 2019. № 1. P. 35.

В целом, многие анархо-локалистские концепции попросту противоречивы. Так, Д. Грэбер делает акцент на необходимости создания автономных сообществ. При этом, по его мнению, «революционное действие не обязательно должно стремиться к свержению правительства. Например, попытки создания автономных сообществ наперекор власти (по определению Касториадиса, тех, что образуются самостоятельно, коллективно создают свои собственные правила или принципы действия и непрерывно пересматривают их), также могут служить определением революционных поступков»⁶¹. Однако далее Грэбер пытается сформулировать нечто вроде «революционной программы», где указывает, что необходимо: немедленное списание международных долгов, немедленная отмена всех патентов и других прав интеллектуальной собственности, относящихся к технологиям с возрастом более одного года, устранение всех ограничений всеобщей свободы передвижения и проживания. При этом, как утверждает Грэбер, «остальное в значительной степени наладится само по себе»⁶². Однако это, по сути, есть уже нечто вроде «прошения», обращенного государству, причем в глобальном масштабе – всем *государствам*. Списывать все долги друг другу могут только *сами государства*, равно как отменить все патенты и права интеллектуальной собственности, *относящиеся к технологиям с возрастом более одного года* (то есть все же существование патентного права признается, но в «ужатом виде!), и открыть границы для свободной миграции. Думается, подобные «программы» могут быть только совокупностью интересных предложений «на бумаге», но не более того.

Таким образом, многое указывает на то, что видимое преобладание анархо-локалистских тенденций – это скорее свидетельство кризиса левой политической мысли как таковой. Но в этом, думается, «виноват» отнюдь не анархо-локализм. Он попросту занял пустующую нишу. Основной же проблемой левой политической мысли остается отсутствие внятной концептуальной альтернативы анархо-локализму: четкой стратегии построения посткапиталистического общества, в котором бы функционировали всемирно-

⁶¹ Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014. С. 39.

⁶² Там же. С. 67.

демократические централизованные институты, нацеленные на решение сложных экономических, политических, культурных задач. По сути, необходимо признать, что кризис левой политической мысли – это кризис именно левого централизма, во многом явившегося следствием неудачного социалистического эксперимента в СССР⁶³. От этой травмы левый централизм до сих пор так и не оправился.

NB! Когда мы говорим о видимом преобладании анархо-локалистских тенденций в левой политической мысли, то речь идет именно о *теории*, а не о публицистике «на злобу дня» и не о поп-марксизме, набирающем популярность в последние годы (например, популярные на YouTube позиционирующие себя как последователи Маркса К. Семин⁶⁴, Б. Юлин⁶⁵, М.В. Попов, К.А. Жуков⁶⁶ и многие другие). Это также не значит, что автор не знаком с актуальной сегодня марксистской критикой неолиберализма, дискурсом неокейнсианцев⁶⁷ и т.п. Все это, несомненно, важные вещи, но к развитию левой политической теории имеющие отношение весьма опосредованное. Как правило, все это – применение уже известных теоретических концептов к изучению современной противоречивой общественно-политической и экономической реальности. Напротив, в *политической теории* в последние десятилетия активно появлялись и получали развитие именно анархо-локалистские идеи.

Однако, возможно, дальнейшее развитие общества будет все больше повышать спрос на левый централизм. И дело даже не в том, что левым авторам придется искать альтернативу анархо-локализму по причине его неспособности побороть врага «другой весовой категории». Здесь необходимо смотреть глубже, ибо многое свидетельствует о неоднозначности тех тенденций, которые, как считают современные левые, создают предпосылки для чуть ли не саморазрушения капитализма. Как было показано выше, совре-

⁶³ Хотя даже СССР не смог стать олицетворением левого централизма в глобальном плане. Во время войны Коминтерн был распущен. Вокруг СССР так и не сформировалась коалиция социалистических государств, в последствии были испорчены отношения с Китаем и т.п.

⁶⁴ https://www.youtube.com/channel/UC2qoLqo8RuV4P_88yhHCZlg

⁶⁵ <https://www.youtube.com/channel/UC256opuFH03zEviVmSrvqAQ>

⁶⁶ <https://www.youtube.com/channel/UCIyLQ6cL0eWj1jT6oyy148w>

⁶⁷ Krugman P. End This Depression Now! New York: W. W. Norton & Company, 2012.

менные левые теоретики все чаще делают ставку на самоорганизацию *творческих людей*. Творческая личность, свободная от материальной нужды, создающая знания как бесплатный и общедоступный ресурс богатства и изобилия, рассматривается многими теоретиками как основной субъект посткапиталистических отношений⁶⁸.

Но творчество – это не только Марксов всеобщий труд, но и в своем наиболее «развернутом» виде – *всеобщая угроза*. Мир сегодня, по сути, все больше превращается в крайне сложный организм, в котором любая *локальная* поломка может обернуться фатальным «перерождением клеток». Риски, порождаемые технологическим развитием, только множатся: от экспериментов с новейшими видами вооружения до возможного применения технологий изменения природы человека⁶⁹. В этом смысле левые теоретики правильно указывают на то, что в руки каждого человека в будущем могут попасть невиданные ранее производственные возможности. Человек сам станет производством-в-себе, источником знаний, способным моментально воплощать идеи в жизнь (миниатюризация средств производства – от 3-D принтеров до «домашних» биологических лабораторий). Однако это скорее должно настораживать, нежели быть аргументом в пользу анархо-локализма. Как раз наоборот, потребуются вносить в повестку дня вопросы о перспективах развития человечества (вплоть до перехода к постчеловечеству⁷⁰), о хаосе, к которому может привести деятельность различного рода локальных сообществ, ничем и никем не контролируемое творчество. Нашумевшая но-

⁶⁸ См.: Бузгалин А.В. По ту сторону царства необходимости (Эскизы и концепции). М.: Экономическая демократия, 1998.

⁶⁹ См.: Кутырев В.А. Левый консерватизм как философия сопротивления техногенной деградации человечества (Михаил Лифшиц и конец классической марксистской философии — по итогам празднования 200-летия со дня рождения К. Маркса) // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 95-110; Кутырев В.А. Они идут... встречайте! (об антропологической инволюции техногенной цивилизации) // Философия хозяйства. 2018. №1. С. 213-226.

⁷⁰ Ф. Фукуяма: «Постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархическим и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие “общечеловеческого”, потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек. Это может оказаться мир, где средний человек будет заживаться далеко за вторую сотню лет, сидя в коляске в доме престарелых и призывая никак не идущую смерть. А может быть, это окажется мягкая тирания вроде описанной в “Дивном новом мире”, где все здоровы и счастливы, но забыли смысл слов “надежда”, “страх” или “борьба”» (Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: Люкс, АСТ, 2008. С. 308).

вость⁷¹ о том, что китайский ученый «тайком» имплантировал в матку женщины зародыш, подвергнутый геномному редактированию (тем самым породив первых в мире геномодифицированных людей) – это только одна из «первых ласточек», ранний симптом той общественной болезни (утраты ориентиров), лечение которой анархо-локализм найти, в силу самой своей сущности, не способен.

Будет ли свободное творчество человека направлено только на рациональное постижение мира, или он захочет также созидать новые формы досуга и экспериментировать с миром удовольствий? Более того, сможет ли он отличить «хорошее» удовольствие (наполненное необходимыми для человека чувствами радости и беззаботности) от «плохого» (связанного с ленью и деградацией личности)? Проблема здесь в том, что развитие производительных сил приводит не только к постепенному освобождению от вынужденного труда, но и к одновременному *избытку досуга* в негативном смысле как досуга *исключительно развлекательного*. Уже сегодня существует настоящее *изобилие удовольствия*⁷²: от обжорства до виртуальной реальности; от красочных и увлекательных телесериалов до разного рода экстрима “экономике впечатлений”⁷³.

Итак, в настоящей главе мы отметили, что преобладание в левой политической мысли анархо-локализма сегодня – это свидетельство ее кризиса. Анархо-локализм неоднократно доказывал свою несостоятельность в борьбе за более справедливый мир без всемогущего капитала. Конечно, очень многие факторы говорят о том, что люди получают новые возможности самоорганизации и

⁷¹ Алексенко А. В Китае родились первые генетически-модифицированные дети. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/369639-v-kitae-rodilis-pervye-geneticheski-modificirovannye-deti>

⁷² С ощущениями удовольствия связано прилежащее ядро мозга. В книге «Эволюция разума» Р. Курцвейл приводит довольно известный пример: «в экспериментах 1950-х гг. было показано, что крысы, способные напрямую стимулировать этот небольшой участок мозга (нажимая на рычаг, активировавший имплантированные электроды), предпочитали это занятие всем другим, включая секс и еду, доводя себя до истощения и смерти» (Курцвейл Р. Эволюция разума. Как расширение границ нашего разума позволит решить многие мировые проблемы. М.: Издательство «Э», 2016. С. 152). Разумеется, это актуально и для человека, который легко впадает в зависимость от удовольствия. Сегодня индустрия развлечений движется к тому, чтобы обеспечить каждому свои «рычаги удовольствия».

⁷³ К примеру, не так давно был изобретен «наркотик» (опиоид PZM21), не вызывающий зависимости, то есть, по сути, «таблетка удовольствия».

добровольного взаимодействия с некоммерческими целями. Но нужно быть готовыми к тому, что будущее, скорее всего, будет не менее противоречивым, чем настоящее. От всеобщего хаоса человечество сможет спасти только какая-то новая форма всечеловеческой демократии, новый общемировой *центр* принятия всеобщих решений. Сможет ли человечество построить светлое будущее в рамках взаимодействующих групп энтузиастов и добровольцев? Вопрос остается открытым. Но автору сих строк видится, что левый централизм будет становиться все более актуальным, если не сказать *жизненно необходимым*. В следующей главе мы подробнее разберем те технологические «тернии», с которыми может столкнуться устремленное к «царству свободы» общество.

Глава 2 Социализм как ликвидация нужды: возможна ли «программа минимум»?

2.1. Стратегии борьбы за «царство свободы»

Что такое «царство свободы»? Думается, образ такого «царства» хорошо выражается пассажем К. Маркса из третьего тома «Капитала»:

«Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью. Следовательно, по природе вещей, оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности. Но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители, рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может рас-

цвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня – основное условие»⁷⁴.

Гораздо сложнее ответить на вопрос, каким образом к такому «царству» прийти. Маркс не оставил детальных инструкций по трансформации капитализма в посткапитализм (коммунизм). Тем не менее из его слов ясно, что путь к «царству свободы» лежит через своеобразное «завоевание» «царства необходимости». «Коллективный человек», «ассоциированные производители» начинают «рационально регулировать» свой «обмен веществ» с природой, то есть ставят его «под свой общий контроль». Но что такое «рационально регулировать» и ставить «под общий контроль»? Ответить на этот вопрос можно по-разному. Можно выделить, как минимум, два противоположных ответа.

Согласно первому, рациональная регуляция и «завоевание» «царства необходимости» – это дело больших централизованных политических объединений (в идеале слитых в общемировой Союз). Поставить «под общий контроль» означает, что больше ни одна социальная сила не является *внешне-враждебной* для отдельных людей. Человечество оказывается объединенным, нацеленным на борьбу с природной стихией, непредвиденными последствиями человеческой деятельности и покорение ранее неизвестных пространств. Это единство, разумеется, подразумевает как можно большую *демократичность*. Преодоление «слепой» власти нужды и внешней целесообразности подразумевает также уничтожение эксплуатации, любых форм организованного насилия и т.п. Централизованное в итоге оказывается не столько бюрократическо-полицейским, сколько сфокусированно-всеобщим – результатом прямого выражения воли всего человечества.

Конечно, такое централистское понимание процесса «завоевания» «царства необходимости» очень быстро было опошлено. Централизм стал ассоциироваться именно с тенденцией к построению тоталитарного общества. Сталинская версия «завоевания» «царства необходимости» превратилась, по сути, в назидательное и силовое «вытаскивание» отсталого, еще недавно отошедшего от феодализма общества в некое новое «прогрессивное» состояние. Сам же СССР

⁷⁴ Маркс К. Капитал. Т. 3 / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25, ч. II. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 387-388.

превратился в бюрократического монстра, который вместо борьбы с отчуждением стал скорее генератором новых форм «необходимости».

Как мы также выяснили в первой главе, на фоне того, во что постепенно превращался централизм в СССР, на Западе бурно развивались различного рода анархистские идеи (и соответствующие общественные движения: автономы, сквоттеры, эколокалисты, антиглобалисты и т.п.) и, главное, появлялись *анти-централистские* трактовки воззрений самого Маркса. С точки зрения антицентрализма (или анархо-локализма), «ассоциированные производители» – это, по сути, просто объединившиеся свободные творческие деятели. Они, разумеется, «рационально регулируют обмен веществ с природой», но «под общий контроль» этот процесс ставится исключительно с их же точки зрения – они сами по себе *автономные личности*, которые вольны самостоятельно выбирать цели своей деятельности и благодаря этому *самовыражаться*. Более того, сама по себе идея «завоевания» «царства необходимости» в западной (и постсоветской отечественной) левой мысли начала постепенно терять свою остроту и злободневность. Все более популярным становилось представление о том, что «царство необходимости» само по себе приходит в упадок по мере роста капиталистической экономики и автоматизации производства. По крайней мере, это «царство» теперь уже не нужно завоевывать и покорять, а скорее – просто позволить ему «отмереть», ибо все *минимально необходимое* для жизни современная экономика производит в достаточном количестве для всех.

И сегодня, казалось бы, на фоне дискуссий о безусловном доходе (об этом ниже) и других достижений науки и техники, левый централизм оказывается ослабленным. Левый дискурс все чаще акцентирует внимание на различных формах самоорганизации, а преодоление отчуждения связывается с достижением состояния, когда каждый будет свободен от необходимости продавать свою рабочую силу. И раз человечество овладевает все более и более могущественными производительными силами, способностью автоматизировать процессы производства материальных благ, то кажется, что от посткапитализма человечество отделяет всего один шаг – удо-

влетворение основных (минимальных, «необходимых», базовых и т.п.) потребностей.

Тем не менее далее мы попытаемся показать, что централистская идея «завоевания» «царства необходимости», на самом деле, сегодня не менее актуальна, чем во времена Маркса. И хотя сегодня и идет речь о перспективе невиданного материального изобилия и благополучия, эффективно бороться за удовлетворение базовых потребностей сможет только посткапиталистическое общество, имеющее сильные централизованные институты ускорения научно-технического прогресса и равного распределения благ, порождаемых этим прогрессом.

2.2. Социалистический минимализм: сущность, эволюция и современная форма

Почему капитализм все еще существует? Объяснений этому можно найти великое множество: от того, что рыночная экономика все еще эффективна в деле производства и распределения материальных благ, до того, что сама капиталистическая мир-система держится на власти мировой буржуазии, эффективно противостоять которой пока не может ни один коллективный субъект. Однако более существенными видятся две фундаментальные причины существования капитализма, высказывавшиеся еще Марксом. Это, во-первых, нужда, которая заставляет рабочих (или, если взять шире, наемных работников) продавать свою рабочую силу капиталистам в обмен на заработную плату, которой хватает только на минимальный набор материальных благ. И, во-вторых, это отсутствие у рабочих средств производства, которые имеются у капиталистов. Только в таком случае речь идет об отчужденном труде, который становится *вынужденным*. Человек в этом труде не реализует скрытый потенциал, не проявляет свою индивидуальность, но производит то, что ему же и противостоит: мир товаров и фетишей, действующий по своим собственным законам, которые способствуют лишь укреплению власти и могущества капиталистов. Рабочий, согласно Марксу, «не обладая ни капиталом, ни земельной рентой, живет исключительно только трудом, и притом односто-

ронним, абстрактным трудом...», а потому его «политическая экономика рассматривает только как рабочего. В силу этого она может выставить положение, что рабочий, точно также как и всякая лошадь, должен получать столько, чтобы быть в состоянии работать»⁷⁵.

Соответственно, логично, что преодоление капитализма – это, по сути, преодоление *нужды*. Однако важно подчеркнуть, что для Маркса *не приемлем никакой минимализм в определении благ, заполучив которые люди якобы обретут подлинную свободу*. Для Маркса развитие сущностных сил человека не должно упираться ни в какие «минимумы». Соответственно, процесс преодоления нужды – это постоянная борьба со все новыми ограничениями, стоящими перед личностью. Свое отношение к социалистическому «минимализму» Маркс выразил вполне однозначно, характеризуя грубый коммунизм: «всякая частная собственность как таковая ощущает — по крайней мере по отношению к более богатой частной собственности — зависть и жажду нивелирования... Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из представления о некоем минимуме. У него — определенная ограниченная мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее»⁷⁶. Социалистическая революция, по Марксу, предполагает дальнейшую реализацию свободы пока еще в «царстве необходимости», что, в свою очередь, подразумевает всеобщую коллективную наступательную борьбу с нуждой и внешней целесообразностью (различного рода природными ограничениями) при одновременном расширении возможностей развития личности каждого. Коллективный человек, ассоциированные производители, начинают рационально

⁷⁵ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 315.

⁷⁶ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 341-342.

регулировать свой обмен веществ с природой и ставят его под свой общий контроль, «вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила». Это, заметим, типично централистская перспектива, ибо рациональная регуляция обмена веществ с природой подразумевает, по сути, преодоление хаоса и разобщенности единым (демократически-сплоченным) Центром, покорение природной стихии, контроль за развитием технологий и т.п.

Конечно, в то время это было далеко не единственной стратегией. Социал-демократы, как известно, выбрали другой путь – достижение социализма «демократическим», парламентским путем. По этому вопросу развернулась активная полемика⁷⁷. Социал-демократический рецепт достижения «царства свободы» подразумевал классовое примирение путем взаимных уступок. Буржуазия позволяет государству улучшать условия жизни рабочего класса в обмен на политическую лояльность пролетариата. При этом предполагалось, что общий культурный уровень пролетариата, как и сами производительные силы будут постепенно развиваться, тем самым открывая путь к минимизации отчужденного труда (ибо базовые потребности будут постепенно удовлетворяться).

Впоследствии, однако, выяснилось, что к реальному «царству свободы» классовый компромисс не приводил, как бы ни повышалось благосостояние среднестатистического рабочего. Во-первых, различного рода социальные меры государства не избавляли от

⁷⁷ Критикуя точку зрения Э. Бернштейна, согласно которому развитие парламентской демократии приводит к тому, что «индивидуумы и целые народы освобождают все большую долю своей жизни от влияния необходимости, проявляющейся помимо их воли или вопреки ей», К. Каутский отмечает, что «теоретически Бернштейн порвал со своими прежними теоретическими и политическими соратниками не потому, что он превзошел марксизм, но потому, что он все более и более утрачивает понимание сделанного до сих пор Марксом и его последователями» (Каутский К. К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн») / Пер. с нем. С. Алексеева. М.: Едиториал УРСС, 2016.). Так или иначе, сам Каутский впоследствии присоединится к «ревизионистскому» крылу марксистов и в полемике с Л. Д. Троцким, по сути, будет выражать тот же настрой на «классовое примирение» и улучшение положения рабочего класса путем реформ и уступок. Как он пишет в 1919 году, «демократия внедрилась в Западной Европе и из объекта борьбы превратилась в прочную основу политической жизни. Этим путем не только были облегчены организация и воспитание пролетариата, но также было углублено его понимание экономических условий и соотношения классовых сил, в результате чего не стало места для фантастических авантур, и одновременно была отвергнута гражданская война, как метод классовой борьбы» (Каутский К. Терроризм и коммунизм / Пер. с нем. / Карл Каутский. Берлин: Т-во И. П. Ладыжникова, 1919. С. 169).

нужды в материальных благах и не освобождали от необходимости продавать рабочую силу, чтобы выжить. В итоге, хотя уровень материальной обеспеченности среднестатистического наемного работника в странах Запада на протяжении почти всего XX века неуклонно рос, сама включенность его в мир товарно-денежных отношений сохранялась. Во-вторых, оказалось, что реальной политической автономии класс наемных работников так и не добился. Это вылилось в совокупность серьезных последствий, на которые укажут представители Франкфуртской школы: фактически материальное изобилие превратилось в средство манипулирования потребностями и желаниями масс. Рабочий превратился в «одномерного человека» (Г. Маркузе), для которого «иметь» стало важнее, чем «быть» (Э. Фромм). Нужда в итоге стала все больше обуславливаться вовсе не природной необходимостью, она стала рукотворной (навязанной), и даже (парадоксально) *желанной* (желание самого желания ради новых удовольствий и т.п.).

Именно поэтому в трудах представителей Франкфуртской школы вновь актуализируется идея «покорения» «царства необходимости». Правда, теперь это «покорение» оказывалось, грубо говоря, ограниченным, половинчатым. Скорее речь шла об «усмирении» ложных потребностей, о борьбе за «позитивную» свободу «быть», за обеспечение каждого минимальным набором материальных благ, который бы обеспечил подлинную автономию человека от рынка труда. При этом теоретики пытались найти «золотую середину»: советский вариант бюрократического «покорения» их не устраивал, поэтому речь шла о сочетании централизма и децентрализма. Предлагалось более демократичное и децентрализованное общество при одновременном существовании в нем централизованных институтов «покорения» «царства необходимости». Так, Э. Фромм пишет, что «необходимо научиться сочетать планирование в экономике с высокой степенью децентрализации и отказаться от “свободной рыночной экономики”»⁷⁸. В целом, он еще в «Здоровом обществе» высказывался за максимальное расширение участия рабочих в управлении производством и за дробление общества на не-

⁷⁸ Фромм Э. *Иметь или быть?* М.: Издательство АСТ, 2017. С. 263.

большие политически автономные группы по месту жительства или работы (например, по 500 человек)⁷⁹.

Однако такой децентралистский дискурс Фромма не исключает стремление «покорить» «царство необходимости», для чего одного психоанализа и коллективного осознания социальной патологии явно не хватает. Фромм предлагает создать Верховный совет по делам культуры, в который входили бы выдающиеся представители духовной и творческой элиты нации. При этом «одной из важнейших функций Верховного совета по культуре должен быть сбор и распространение информации, которая будет отвечать потребностям всего населения и, в частности, служить основой для обсуждения среди групп непосредственно взаимодействующих между собой людей в рамках “демократии причастных”»⁸⁰. Более того, когда речь заходит о перспективах научно-технического прогресса, Фромм также указывает на необходимость создания Контрольной комиссии, которая «будет выдавать разрешение на практическое использование научных открытий»⁸¹. Г. Маркузе и вовсе предлагает во многом централистскую версию общества, в котором прямая демократия сочетается с планированием и централизованной властью. Согласно Маркузе, необходим централизованный контроль, который бы создавал «предпосылки для осмысленного самоопределения»⁸².

При этом как Фромм, так и Маркузе прибегают к «минималистскому» дискурсу, говоря о мерах, которые должны поспособствовать избавлению от нужды в материальных благах. Фромм говорит о том, что «система социального обеспечения должна быть расширена до универсальных гарантий существования»⁸³. Маркузе же утверждает, что необходимо «рассчитать минимум труда, с помощью которого (и степень, до которой) возможно было бы удовлетворение жизненных потребностей всех членов общества – при условии, что наличные ресурсы будут использоваться для этой це-

⁷⁹ Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2015. С. 370-375.

⁸⁰ Фромм Э. Иметь или быть? М.: Издательство АСТ, 2017. С. 298-299.

⁸¹ Там же. С. 300.

⁸² Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. С. 325.

⁸³ Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2015. С. 366.

ли без ограничения иными интересами и без помех накоплению капитала, необходимого для развития соответствующего общества»⁸⁴.

Все это не удивительно, ведь философская интуиция (в чем-то пересекающаяся с христианством и буддизмом) того же Фромма основывалась на том, что человеку, на самом деле, для счастья и личностного развития *не нужно большого количества материальных благ*. Поэтому Фромм говорит о «сокращении производства до уровня “здорового и разумного потребления”»⁸⁵. Кроме того, человек – смертное существо и с этим просто нужно *смириться*. Как пишет Фромм, «есть только один способ, – как учат Будда, Иисус, стоики и Майстер Экхарт – действительно преодолеть страх смерти, – это не цепляться за жизнь, не относиться к жизни как к собственности»⁸⁶. Автор данной монографии считает, что такой социалистический минимализм вряд ли оправдает себя, ибо далеко не все готовы признавать смерть и связанную с ее приближением нужду неизбежной участью человека, с которой нужно просто смириться. Но повторим, что в трудах представителей Франкфурдской школы централизм (и условный «социалистический максимализм» в вопросах определения способов преодоления нужды) не преодолевается полностью: утверждается, что только сплоченное общество способно на обуздание собственных безмерных потребностей, на самоконтроль и самоограничение.

Тем не менее концепции представителей Франкфуртской школы так и не были воплощены в жизнь. Движения левых в 1960-е и последующие десятилетия представляли собой преимущественно попытки сразу «прыгнуть» в «царство свободы» контркультурным способом: изменить шкалу ценностей, образ жизни, жить как бы «вне» капитализма, творчески и креативно, в гармонии с природой (минимализм в потреблении⁸⁷), духовно, отстраненно от погони за богатством и т.п. При этом капиталистическое общество развивалось дальше, а распад СССР поспособствовал маргинализации централистской идеи «завоевания» «царства необходимости». Вместо этого распространялись различного рода анархистские и локалистские концепции, представлявшие посткапиталистическое общество

⁸⁴ Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. С. 301.

⁸⁵ Фромм Э. Иметь или быть? М.: Издательство АСТ, 2017. С. 267.

⁸⁶ Там же. С. 195.

⁸⁷ Schumacher E.F. Small is Beautiful: Economics as if People Mattered. London: Abacus, 1973.

скорее как множества⁸⁸ сетевым образом взаимодействующих сообществ. Фактически идею «завоевания» «царства необходимости» потеснила идея его вполне естественного *самоуничтожения*.

Стоит отметить, что для такой интеллектуальной трансформации имелись свои основания. Если Э. Фромм и Г. Маркузе изучали еще общество преимущественно индустриальное, то последовавшие за ними левые теоретики уже имели дело с обществом, которое описывалось как постиндустриальное, в котором все большая часть населения переходила из сферы физического труда в сферу услуг и интеллектуальной деятельности. «Одномерный человек» – преимущественно представитель рабочего класса, занятый отупляющим и монотонным трудом. Он являлся идеальной мишенью для «промывки мозгов», ибо труд его (скажем, на конвейере) скорее способствовал деградации, нежели развитию личности. Становление «постиндустриального» и информационного общества изменило ситуацию. Конечно, большая часть людей, перекочевавших в сферу услуг, просто сменили одну рутинную работу на другую. Но вместе с тем экономика становилась все более зависимой от труда *интеллектуального*. Возросла экономическая роль ученых, изобретателей, инженеров, учителей и всех тех, кто непосредственно влиял на развитие так называемого «человеческого капитала». Возникла специфическая ситуация «самоотрицания» капитализма: когда прибыльность глобальных корпораций попала в прямую зависимость от «человеческого капитала». Это означало, что технические инновации, дававшие буржуазии возможность быстро модернизировать производство и создавать новейшие сложные в технологическом плане продукты, порождались расширяющейся прослойкой

⁸⁸ А то и вовсе неких абстрактных множеств, о которых говорят А. Негри и М. Хардт. А. Негри: «множество сингулярностей, организующееся в антикапиталистическую власть, но не формально, как партия, то есть зрелая и законченная организация, а, благодаря своему существованию, как сопротивление, тем сильнее и лучше выраженное, чем больше множество как таковое является целым сингулярных институций. Последние включают в себя формы жизни, борьбы, экономическую и профсоюзную организованность, забастовки, разрыв социальных процессов эксплуатации, опыты переприсвоения и узлы сопротивления»; «их примерами выступают различные и многообразные отношения между выражениями желания освобождения (наемный труд, общественные движения, политические выражения) и требованием политических и/или экономических реформ» (Негри А. Коммунизм: некоторые мысли о концепте и практике. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/kommunizm-nekotorye-mysli-o-kontseptse-i-praktike>).

«креативного класса». Этот «креативный класс» все еще был классом наемных работников. Но труд этих работников все меньше «отуплял» и все больше способствовал общему культурному развитию. Р. Флорида, к примеру, выделяет следующие ценности «креативного класса»: индивидуализм, самостоятельность, стремление к самовыражению, разнообразие и открытость, нацеленность на личностное саморазвитие⁸⁹. В итоге, казалось бы, все шло к тому, что капитализм сам способствовал развитию посткапиталистического *сознания* и посткапиталистических общественных *отношений*. Сравнивая работников эпохи фордизма и постфордизма, А. Горц отмечает, что последние «должны привносить в производственный процесс весь свой культурный багаж, приобретенный в играх, занятиях командными видами спорта и музыкой, соревнованиях, дискуссиях, театральной и прочей самодеятельности и т.п. Во всех этих видах нерабочей деятельности они развивают в себе живость ума, способность к импровизации и кооперации, столь ценимые в постфордистских фирмах»⁹⁰.

Соответственно, сегодня левый дискурс уже практически исключает разговор о «покорении» «царства необходимости». Речь идет о постепенном вытеснении капиталистических общественных отношений посткапиталистическими. «Царство свободы» само собой возникает и развивается уже в рамках капитализма. Больше не нужны сплоченные партии, плановая экономика и прочие «громоздкие» централизованные институты, чтобы достичь свободы от нужды (как от острой, насущной, так и от «навязанной») и в целом повысить «культурный уровень масс». Человечество якобы и так благодаря автоматизации и роботизации производства становится безмерно богатым. Инвестиции в «человеческий капитал» в итоге превращаются в духовное развитие работников, занятых преимущественно интеллектуальной деятельностью. «Свободное время, – пишет В.М. Межуев, – все больше превращается в основное время производства общественного богатства, причем главным богат-

⁸⁹ Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 55-58.

⁹⁰ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010.

ством становится сам человек, его индивидуальность»⁹¹. Творческие личности объединяются, чтобы активно преобразовывать самих себя и окружающий мир. Творческая деятельность становится источником радости и удовлетворения, а абстрактный труд заменяется трудом всеобщим – созданием знаний и культурных ценностей, которые могут быть в равной степени доступными всем. В итоге левый дискурс все больше «левеет», концентрируется на идее сетевой самоорганизации и творческой кооперации. «Мое видение альтернативной, радикальной, прогрессивной глобализации, – пишет Л. Скляр, – строится на сетях относительно небольших производственно-потребительских кооперативов, взаимодействующих на множестве уровней и выполняющих множество социетальных задач»⁹². «С переменой экономического ландшафта, – пишет П. Мейсон, – прежний путь за пределы капитализма, который представляли себе левые двадцатого века, закрыт. Но открылся другой. Совместное производство с использованием сетевых технологий для создания услуг и товаров, работающих лишь при условии их бесплатности или возможности ими делиться»⁹³. «Плотность переплетения общественных отношений (массовое производство, планирование социальной организации с высокой степенью детализации), – пишет Дж. Холлоуэй, – трудно совместить с эффективной социальной инициативностью снизу. На что указывает большинство антикапиталистических интеллектуальных сообществ последних лет, выступающих за гораздо более слабую интегрированность социальных связей, за “мир многих миров”»⁹⁴.

Подобных цитат можно привести очень много. Речь идет фактически о том, что левый централистский дискурс «покорения» «царства необходимости» вытесняется на интеллектуальную периферию различными вариациями автономизма, анархизма и локализма. Как мы уже увидели, даже если современные левые философы (если не считать сталинистов и т.п.) и признают значение госу-

⁹¹ Межуев В.М. Есть ли будущее у социализма? (1991) // Свободная мысль. 2011. № 7-8. С. 85.

⁹² Скляр Л. Конец света, конец капитализма и начало новой радикальной социологии // Социологические исследования. 2018. №6. С. 142.

⁹³ Mason P. The end of capitalism has begun. URL:

<https://www.theguardian.com/books/2015/jul/17/postcapitalism-end-of-capitalism-begun>

⁹⁴ Holloway J. Crack Capitalism. New York: PlutoPress, 2010. Pp. 209-210.

дарства как необходимого инструмента для построения посткапиталистического общества, то «царство необходимости» оно ни в коем случае не «покоряет», но скорее создает благоприятную атмосферу для вызревания и расширения «царства свободы». Оно еще может инвестировать в «зеленую» экономику, развивать «человеческий капитал», даже заниматься селективным планированием⁹⁵, но желательно, чтобы оно как можно меньше вмешивалось в «естественный» процесс расширения «царства свободы».

При этом в качестве основного способа борьбы за расширение «царства свободы» нередко выступает обеспечение каждого необходимым минимумом материальных благ – то есть удовлетворение базовых («жизненных», минимальных и т.п.) потребностей. Часто речь идет о борьбе за «освобождающий»⁹⁶ безусловный доход – гарантированные ежемесячные пособия всем без исключения гражданам, благодаря которым каждый мог бы удовлетворять свои *базовые потребности*. Предполагается, что благодаря этим пособиям можно добиться освобождения людей от необходимости заниматься работой, которая не приносит никакой удовлетворенности и не способствует личностному развитию. У людей появится возможность выбирать между работой и досугом, саморазвитием, свободным творчеством. В итоге мы якобы все ближе будем подходить к состоянию «по ту сторону» «царства необходимости», описанному Марксом, когда «начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы». Возможно, все получится словно «само собой», без политических потрясений, революций, труднодостижимой сплоченности, напряжения общественных сил и т.п. Жесткий, можно даже сказать *брутальный*, дискурс «покорения» «царства необходимости» заменяется мягким и «политкорректным» дискурсом его «вытеснения». Как отмечают сторонники идеи безусловного дохода Ф. Ван Парийс и Р. Ван Дер Вейн, выплаты безусловного дохода не уничтожат капитализм моментально, но поспособствуют его постепенному изживанию. Они пишут, что «с ростом производительности <...> максимальная относительная доля гарантированного дохода <...> неуклонно воз-

⁹⁵ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование в экономике XXI века: какое и для чего? // Terra Economicus. 2017. № 1. С. 29-43.

⁹⁶ См.: Блашке Р., Дильтей М., Дрешер Й. и др. Идея освобождающего безусловного основного дохода. URL: http://www.psgd.info/files/publications/extern/bge_book_3.pdf

растает, вплоть до того момента, когда “изобилие” достигается в более сильном смысле, то есть все фундаментальные потребности могут быть устойчиво удовлетворены без различий в оплате труда»⁹⁷.

Таким образом, в теории все, казалось бы, складывается в привлекательную картину, в которой человечество буквально стоит на пороге «постэкономической» общественной формации. Но так ли это? Собирается ли «царство необходимости» «исчезать»?

2.3. Неистребимая нужда и не желающее «исчезать» «царство необходимости»

К идее безусловного дохода в последнее время обращается все больше разделяющих те или иные левые убеждения авторов⁹⁸. Но достаточно ли современное общество близко к освобождению от нужды, которое могло бы привести к всеобщему «разотчуждению»?

Конечно, необходимо признать, что развитие науки и техники в последнее время позволяет говорить о том, что даже при фиксированном денежном обеспечении (с учетом инфляции) люди будут становиться только богаче. Технологии «удешевляют» процессы производства, а новые изобретения постепенно улучшают жизнь людей даже в том случае, если ВВП остается неизменным, а то и вовсе снижается. В связи с этим в последнее время появляется довольно много разных футурологических прогнозов, в которых, как говорится, технологический «прилив поднимет все лодки». Например, в книге «Изобилие: Будущее будет лучше, чем вы думаете» П. Диамандис и С. Котлер рисуют картину, в которой развитие технологий даже в беднейших странах решит проблему голода и нужды.

⁹⁷ Van Der Veen R.J., Van Parijs P. A Capitalist Road to Communism // *Theory and Society*. 1986. № 5. Pp. 635-655. URL: https://www.ssc.wisc.edu/~wright/ERU_files/PVP-cap-road.pdf

⁹⁸ См.: Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso, 2015; Standing G. *Basic Income: A Guide for the Open-Minded*. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2017; Мейсон П. *Посткапитализм: гид по нашему будущему*. М: Ад Маргинем Пресс, 2016; Брегман Р. *Утопия для реалистов: Как построить идеальный мир*. М.: Альпина Паблицер, 2018; Мартьянов В.С. *Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования*. 2017. № 5 (397). С. 141-153. и многие другие.

Для достижения данной цели могут быть выбраны самые разнообразные средства: от умных туалетов, которые производят мочевины в качестве сельскохозяйственного удобрения, столовую соль и чистую воду до повсеместно распространения роботизированных вертикальных ферм, продвинутых солнечных электростанций, мяса *in Vitro* и портативных медицинских лабораторий⁹⁹. В книге «Рациональный оптимист» М. Риддли убеждает читателя в том, что, несмотря на существующее неравенство, сегодня самый бедный американец – гораздо богаче, чем самые богатые люди, жившие еще относительно недавно: «если теперь, по прошествии пятидесяти лет, оглянуться назад, то окажется, что средний класс образца 1955 года с его “роскошными” машинами, комфортной жизнью и гаджетами того времени мы бы описали как людей с доходом за чертой бедности. В 1957 году Гарольд Макмиллан заявлял, что никогда прежде “так хорошо вам еще не бывало”, однако в то время средне-статистический английский рабочий зарабатывал в реальном исчислении меньше, чем рабочий этой же страны получает от государства в виде пособия по безработице на семью с тремя детьми. В наши дни 99 % американцев, официально объявляющих себя “бедными”, могут пользоваться электричеством, водопроводом, канализацией и холодильником, а 95% из той же категории граждан имеют телевизор, 88% – телефон, 71% – личный автомобиль, 70 % – кондиционер»¹⁰⁰.

Иными словами, в данной ситуации логичен вывод: если выплачивать всем безвозмездные денежные пособия, то можно рано или поздно прийти к состоянию, когда каждый будет иметь минимальный набор базовых благ без необходимости продавать свою рабочую силу (постепенное приближение ситуации, когда каждый получает «по потребностям»).

Однако в обрисованном сценарии, как видится автору данной монографии, есть один существенный изъян. Дело в том, капитализм существует не только из-за того, что рабочие вынуждены продавать свою рабочую силу лишь бы не умереть с голоду. Он существует еще и постольку, поскольку сохраняется стремление людей

⁹⁹ Котлер С., Диамандис П. Изобилие. Будущее будет лучше, чем вы думаете. М.: АСТ, 2018.

¹⁰⁰ Риддли М. Рациональный оптимист. М.: Эксмо, 2015. С. 36-37.

к богатству, которое увеличивает стратегические преимущества одних относительно других. Понятное дело, что данные стратегические преимущества могут касаться исключительно возможностей жить комфортно, вести гедонистический образ жизни, а то и вовсе наслаждаться социальным статусом или властью. На все это можно ответить, что речь идет не о самых желаемых для благополучного общества ценностях. Более того, можно допустить, что эти «потребительские» ценности как раз и преодолеваются по мере духовного развития «креативного класса» и т.п. Однако богатство также в целом повышает шансы на возможность удовлетворять те самые базовые потребности в будущем (в старости). Оно попросту *продлевает жизнь* (создает «подушку безопасности» от нужды, которую несет за собой старость).

Безусловный доход может оградить от голодной смерти, от холода и от ряда болезней, но чего он точно не обеспечит (по крайней мере – еще очень долго) – максимальную среднюю продолжительность жизни для всех. И недавно проведенные исследования как раз показывают, что в развитых странах (не говоря уже о бедных) богатые люди живут существенно дольше бедных. В 2016 году исследователи из Гарварда установили, что в США среди людей старше 40 лет ожидаемая продолжительность жизни богатых людей на 6,5 лет больше, чем бедных¹⁰¹. В 2018 году экономисты из Копенгагенского университета подтвердили, что богатые живут дольше бедных, хотя результаты оказались скромнее: разница в ожидаемой продолжительности жизни богатых и бедных датских мужчин составила 2,4 года, женщин — 2,2 года. Однако исследование в данном случае проводилось в Дании – стране с бесплатной медициной и одной из самых развитых систем социальной поддержки населения. Но даже при этом эксперты отметили, что разница в продолжительности жизни богатых и бедных датчан постепенно увеличивается¹⁰². В свою очередь, в том же году ученые Лувенского католического университета в Бельгии выяснили, что богатые мужчины в среднем живут дольше бедных на 9,1 года, а женщины — на

¹⁰¹ Экономисты: богатые люди живут не дольше бедных. URL: https://www.gazeta.ru/science/news/2018/10/30/n_12227107.shtml.

¹⁰² Там же.

6,6¹⁰³. Причины такого положения дел лежат на поверхности: богатые люди могут позволить себе еду лучшего качества, дорогой отдых, личных фитнес-тренеров, безопасные средства передвижения и т.п. Но главное – они имеют доступ к *самым передовым и дорогим медицинским технологиям*.

Конечно, сейчас эта разница еще не столь существенна. В конце концов, и богатые умирают, пусть и в среднем немного позже. У среднестатистического богатого *пока еще* нет никаких очевидных гарантированных средств прожить дольше бедного. Бедный может найти способы продлить себе жизнь – например, завести огород и выращивать экологически чистые продукты, заниматься спортом, не злоупотреблять алкоголем, не курить и т.п. Именно поэтому существует иллюзия, будто меры вроде гарантированного дохода обеспечат настоящую свободу от нужды и внешней целесообразности (приведут к «царству свободы»), а стремление к наживе и богатству постепенно «выйдет из моды».

Но в будущем все может измениться принципиально: «царство необходимости» будет только расширяться, а значение богатства как средства преодоления нужды и освобождения от внешней целесообразности – только увеличиваться. Сегодня в развитых странах наблюдается тенденция к *старению населения*. Отмечается, что в «ближайшие 25 лет старение населения охватит почти все регионы мира, однако наиболее драматичные изменения будут наблюдаться в странах Южной и Западной Европы и Японии, где к 2040 г. удельный вес лиц пенсионного возраста, по прогнозу ООН, достигнет, соответственно, 38,8%, 34,1% и 41,2% от общей численности населения»¹⁰⁴. При этом не заметно, чтобы технологическое развитие в условиях капиталистической экономики способствовало существенному увеличению продолжительности жизни. Напротив, увеличение разрыва в уровне благосостояния между богатыми и бедными (точнее – рост относительной бедности), а также рост потребления вредной пищи и малоподвижный образ жизни ведут к

¹⁰³ Les hommes les plus riches vivent près d'une décennie de plus que les moins favorisés, selon une étude. URL: <https://www.lesoir.be/197160/article/2018-12-24/les-hommes-les-plus-riches-vivent-pres-dune-decennie-de-plus-que-les-moins>.

¹⁰⁴ Капица Л.М. Старение населения в индустриально развитых странах и миграционная политика (часть I) // Мировое и национальное хозяйства. URL: <http://www.mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2016-1-kapitsa.pdf>

серьезному ухудшению общественного здоровья в развитых странах, особенно в США. Так, в 2018 году средняя ожидаемая продолжительность жизни в США *снижалась* (!) третий год подряд (в 2017 году показатель уменьшился до 78,6 года с 78,7 в 2016 году – впервые с 1915-1918 гг., когда на результаты повлияли Первая мировая война и пандемия испанского гриппа)¹⁰⁵.

Разумеется, новые технологии позволят радикально удешевить удовлетворение потребностей в еде, одежде или жилье (и то это весьма спорно и актуально только для развитых стран). Однако все указывает на то, что «царство необходимости» не только не отступит, но попросту *изменится*. Вместо нуждающихся в крове, одежде и еде рабочих существенная часть населения будет представлять собой нуждающихся в здоровье и продлении жизни пенсионеров. А технологии тем временем будут позволять наиболее богатым жить гораздо дольше и быть гораздо здоровее бедных. И если сегодня пока не создано сверхэффективное лекарство от рака или средство радикального продления жизни, то в обозримом будущем появление чего-то подобного вполне возможно.

Более того, вполне представимо нечто вроде *постоянной погони за продлением жизни*. Однажды найденное средство будет быстро устаревать и сменяться новым, имеющим меньше побочных действий и позволяющее *жить еще дольше*. Тем временем все дольше живущие люди будут со временем накапливать «поломки», которые нужно будет чинить новыми и более дорогими средствами. А перспективы в этом смысле большие – от геномной инженерии (например, технология CRISPR) до создания искусственных органов и киборгизации. Эти технологии уже сегодня активно развиваются, и все свидетельствует о том, что первыми почувствовать себя бессмертными смогут отнюдь не бедные. К примеру, активно развиваются иммунные технологии лечения рака. Именно за разработку новой терапии лечения рака Дж. Эллисону из США и Т. Хондзэ из Японии в 2018 году дали Нобелевскую премию¹⁰⁶. Как сообща-

¹⁰⁵ Продолжительность жизни в США впервые продолжила снижаться третий год подряд. URL: <https://www.interfax.ru/world/640069>

¹⁰⁶ Саркисян Д. Нобелевскую премию по медицине дали за новый метод лечения рака. Что это за терапия? Объясняет онколог Михаил Ласков. URL: <https://meduza.io/feature/2018/10/01/nobelevskuyu-premiyu-po-meditsine-dali-za-novyuy-metod-lecheniya-raka-chto-eto-za-terapiya>

ется, генная терапия (Kymriah и Yescarta), которая была одобрена в Соединенных Штатах, малодоступна из-за высокой стоимости — \$475 000 и \$373 000 соответственно за один прием препарата¹⁰⁷.

Разумеется, любые технологии дешевеют. То, что сегодня стоит сотни тысяч долларов, через какое-то количество лет становится доступным и для широких масс населения. Проблема, однако, в том, что те, кому ставят диагноз «рак», вряд ли смогут *дождаться* удешевления технологии. Для них речь идет о конкретной *нужде*, речь идет о *жизни и смерти*, а каждая жизнь, согласно гуманизму, *бесценна*. Более того, это актуально и для тех, кто молод и находится в самом расцвете сил. Если от их труда и от их способности накапливать *богатство* зависит, смогут ли они прожить максимально долго, то «вся старая мерзость» (К. Маркс) воскресает вновь, ибо борьба за необходимые предметы попросту продолжится с *еще большим ожесточением*. «Царство необходимости» не просто не отступает, но только устраивает полномасштабную экспансию, ибо развитие технологий делает то, что было раньше неизбежностью (смерть), чем-то преодолимым, но только через тернии (осознаваемой!) нужды и внешней целесообразности. Стремление к богатству вовсе не «выходит из моды». Более того, продажа рабочей силы при таком раскладе также увеличивает шансы на выживаемость, ибо никакой базовый доход не сможет обеспечить передовыми лекарствами и медицинской помощью (не говоря уже о высокотехнологичных гаджетах, следящих за состоянием здоровья, о 3-D печати органов, искусственных сердцах или вживляемых в мозг имплантах, расширяющих когнитивные способности и т.п.).

Настоящая глава была начата с вопроса: «что такое царство свободы?». Несомненно, царство свободы начинается тогда, когда кончается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью. Однако Маркс, с приведения цитаты которого мы тоже начали, вовсе не утверждал того, что само по себе «царство необходи-

¹⁰⁷ Голованов Г. Генная терапия рака увеличит социальное неравенство. URL: <https://hightech.fm/2018/01/15/unequal-gene-therapy>

мости» исключает всякую свободу¹⁰⁸. Напротив, в «царстве необходимости» возможна свобода, если против этой необходимости ведут *ожесточенную борьбу сплоченные ассоциированные производители*. Они берут под свой контроль «обмен веществ с природой» для того, чтобы он не «господствовал над ними как слепая сила».

Мы проследили, как менялось понимание движения к «царству свободы» левыми философами. Эволюция левых идей конца XIX – начала XXI века – это история постепенного вытеснения идеи покорения «царства необходимости» (с нуждой нужно бороться с помощью мощных централизованных институтов управления хозяйственной деятельностью) «минималистским» дискурсом борьбы за социализм путем обеспечения всех достаточным количеством материальных благ и вообще рационального определения этих достаточных благ (когда «для счастья все необходимое» будет у каждого и т.п.).

Однако так ли несовременна централистская по своей сути идея «покорения» «царства необходимости»? Мы показали, что для преодоления нужды и внешней целесообразности мер вроде безусловного дохода не хватит. Напротив, реалии современного общества и тенденции технологического развития свидетельствуют о том, что нужда не исчезнет (и тем более она не исчезнет в рамках буржуазного общества!). Общество неизбежно будет «стареть» и новые формы «отчуждающей» нужды, соответственно, появляться. Конечно, развитие новых технологий породит новые средства продления жизни и борьбы с нуждой. Но каким бы эгалитарным ни было общество, пока мы можем говорить лишь о перспективе *отчаянной борьбы со стихией и смертью*.

Думается, сам по себе «минималистский» социалистический дискурс, акцентирующий внимание на поиске состояния «золотой» умеренности в потреблении, заведомо проигрышен. Движение к настоящему «царству свободы» возможно только при *централизованном общественном контроле за развитием технологий*. Но это как раз подразумевает концентрацию и наращивание сил, направ-

¹⁰⁸ См.: Kandiyali J. Freedom and Necessity in Marx's Account of Communism // British Journal for the History of Philosophy. 2014. № 1. Pp. 104-123; James D. The Compatibility of Freedom and Necessity in Marx's Idea of Communist Society // European Journal of Philosophy. 2017. Vol. 25. № 2. Pp. 270-293.

ленных на борьбу с нуждой и смертью, *централизованный надзор, развитие неотъемлемых технологий справедливого перераспределения социально значимых плодов технологий* переднего края. В таком случае средства, радикально продлевающие жизнь и облегчающие муки старости, *будут доступны каждому* (и своевременно производиться «на всех»). Но не приведет ли это к возвращению к старым проблемам СССР? Возможно, будущему обществу придется выбирать между «экзистенциальным» неравенством и возможными издержками централизма. Но стоит отметить, что развитие коммуникационных технологий будет давать все больше возможностей для обеспечения прямой демократии¹⁰⁹, о которой граждане Советского Союза не могли и мечтать. И именно в данном контексте необходимо помнить, что *централизованное не есть то же, что и тоталитарное*. Что если «царство необходимости» можно только *покорить*?

¹⁰⁹ Автор настоящей монографии не сочувствует (техно-)оптимистическому настрою Н. Срничека и А. Уильямса, однако обратим внимание на ряд их по духу централистских аргументов в пользу социализма: «Известны слова Оскара Уайльда о том, что проблема социализма в том, что он стал занимать слишком много вечеров. Растущая демократичность экономики может потребовать от нас огромных временных затрат на обсуждения и решения по поводу повседневных мелочей. Здесь важную роль сыграет использование вычислительных технологий, которые упростят процесс принятия решений и автоматизируют те из них, которые большинство сочтет неприципиальными. Так, например, вместо обсуждений каждого аспекта экономики можно принимать решения по поводу определенных ключевых параметров (потребление энергии, выбросы углерода, уровень неравенства, уровень инвестиций в исследования и т. д.). Соцсети также могут работать на демократизацию экономики, обеспечивая новую аудиторию, — если из них уйдут жажда наживы и страсть к самолюбванию. На платформе посткапиталистических социальных медиа могут возникать новые способы обсуждения и участия. Вечную проблему посткапиталистических экономик — как эффективно распределять товары в отсутствие рыночных цен — тоже можно решить с помощью компьютеров. Со времен первых советских попыток экономического планирования вычислительная мощность выросла экспоненциально, увеличившись в 100 миллиардов раз. Вычисление оптимального распределения производительных ресурсов становится все более реальным. Точно так же сбор данных о ресурсах и параметрах при помощи компьютеров делает исходные данные, необходимые для управления экономикой, доступными как никогда. Все это можно направить на осуществление “Плана Лукаса” в национальном и глобальном масштабах — на то, чтобы переориентировать нашу экономику на осознанное производство товаров и оказание услуг, которые будут общественно полезными (вроде возобновляемой энергии и дешевой медицины), а в конечном итоге — на расширение наших синтетических свобод» (Срничек Н., Уильямс А. Какими должны быть левые XXI столетия. URL: https://gorky.media/fragments/kakimi-dolzny-byt-levye-hhi-stoletiya/?utm_source=pulse_mail_ru&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru).

Глава 3 Общественно-необходимый труд в дискуссиях о посткапиталистическом будущем

3.1. Общественно-необходимый труд: «отменить» нельзя социализировать?

Итак, в предыдущей главе мы задались вопросом о перспективах «покорения» «царства необходимости» и указали на необходимость централизованного общественного контроля за развитием технологий и справедливого перераспределения социально значимых плодов технологий. Однако, думается, одним этим в процессе «покорения» «царства необходимости» вряд ли можно будет обойтись. Стоит также отдельно поговорить об *общественно-необходимом труде*.

Вернемся к уже цитированному ранее пассажи Маркса из третьего тома «Капитала». Как мы уже отметили, Маркс здесь отмечает, что коммунистическое «царство свободы» «лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»¹¹⁰. Это означает, что по-настоящему свободен только тот, кто имеет возможность *не* заниматься работой, которая диктуется нуждой и внешней целесообразностью. Только когда каждый будет сам решать, чем ему заниматься, тогда и наступит «царство свободы». Однако далее Маркс добавляет, что «истинное царство свободы <...> может расцвести лишь на <...> царстве необходимости, как на своем базисе»¹¹¹. Это возможно, только если «коллективный человек, ассоциированные производители, рационально регулируют <...> свой об-

¹¹⁰ Маркс К. Капитал. Т. 3 / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25, ч. II. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 387.

¹¹¹ Там же.

мен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей»¹¹². Иными словами, только настоящее *коллективное самообладание* позволяет избежать ситуации, когда нужда и внешняя целесообразность берут верх и заставляют людей эксплуатировать друг друга, а то и вовсе – уподобляться животным (когда «воскресает вся старая мерзость»¹¹³). Здесь нужно обратить внимание на словосочетание «обмен веществ с природой»¹¹⁴. Только по-настоящему *собранное, единое* общество сможет *усмирить (и покорить)* стихию. Соответственно, слова Маркса можно понять следующим образом: даже если государство постепенно «отомрет» (хотя и с этой идеей автор

¹¹² Там же.

¹¹³ «... При крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость» (Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Том 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 33). Ср.: коммунистическая революция сбросит «с себя всю старую мерзость» (*ganzen alten Dreck*) и уничтожит «современную форму деятельности [*die moder[ne] Form der Tätigkeit*]» (Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Том 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 70).

¹¹⁴ Под «обменом веществ с природой» Маркс понимает, собственно, труд. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы» (Маркс К. *Капитал*. Т. 1 / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 188). Поэтому когда Маркс говорит о том, что этот обмен веществ с природой люди «поставят под свой контроль», то он говорит не о «стихии», а о сознательном контроле и управлении всеобщим трудовым процессом. До этого момента этот процесс выходил из-под сознательного контроля (например, в виде анархии производства, кризисов и т.д.), т.е. он был отчуждённым, внешним по отношению к самим трудящимся индивидам, а в силу господства наемного труда – и подчиняющим человека, принудительным. Ср. у Энгельса: «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» (Энгельс Ф. *Развитие социализма от утопии к науке* / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 227-228; Энгельс Ф. *Анти-Дюринг* / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 295).

не согласен – см. ниже), необходимость в перманентном обуздании стихии рядом централизованных органов координации и управления все равно *сохранится*. Более того, сохранится и *общественно-необходимый*¹¹⁵ труд, ибо речь идет о том, что «царство свободы» может «расцвести лишь на царстве необходимости, как на своем базисе». Маркс, заметим, не пишет, что царство полной свободы от необходимого труда наступит. Он говорит лишь о возможности данный труд *свести к минимуму* («сокращение рабочего дня – основное условие»¹¹⁶).

Но как мы уже убедились, согласно большинству современных левых концепций, государство не должно быть основным инструментом «покорения» «царства необходимости». Сегодня если и признается потенциальная роль государства в деле построения посткапиталистического общества, то только лишь бы она была минимальной. Желательно, чтобы государство только косвенно способствовало развитию «царства свободы», а по возможности – уходило и оставляло место самоорганизующимся сообществам. «Царство свободы» якобы наступит преимущественно благодаря развитию технологий, которые избавят человечество от общественно-необходимого труда.

Тем не менее мы попытаемся показать, что ожидания скорого технологического избавления от общественно-необходимого труда утопичны. Более того, утопична идея, согласно которой общественно-необходимый труд когда-нибудь *полностью исчезнет благодаря автоматизации и роботизации производства*. Иными словами, надежды многих левых теоретиков на то, что путь к посткапитализму лежит вовсе не через «рациональную регуляцию» «ассоциированными производителями» общественно-необходимого труда, а через расширение доступа к порождаемым процессами роботизации и автоматизации производства «дармовым» благам, вряд ли оправдают себя.

¹¹⁵ Термин «общественно-необходимый труд» здесь означает все те формы человеческой деятельности, которые диктуются самим существованием общества и поэтому должны выполняться людьми для, условно говоря, «воспроизводства бытия» социума.

¹¹⁶ Там же.

3.2. Современные левые теоретики об общественно-необходимом труде

Почему многие современные левые теоретики с опаской смотрят на общественно-необходимый труд? Очевидно постольку, поскольку такой труд должна (в посткапиталистическом обществе) «организовывать» некая централизованная структура (согласно марксизму, на первых порах это должно быть государство). Но для подавляющего большинства современных левых государство экономически неэффективно, несет в себе потенциальную угрозу для демократии, ведет к бюрократизации и т.п.¹¹⁷ Максимум, за что выступают современные («мейнстримные») левые – за то, что существующее (буржуазное, по сути) государство должно играть более активную роль в перераспределении материальных благ (как бы брать все лучшее от советской плановой экономики и от рынка¹¹⁸) и развитии «креативного класса», представители которого в своей самоэмансипации стремятся к превращению в независимых субъектов «ассоциированного социального творчества»¹¹⁹. Так, М.И. Воейков пишет, что «значительную, а сегодня, может быть, важнейшую роль, должно выполнять государство. И не только в деле воспитания и просвещения, но, прежде всего, как организатор экономического, хозяйственного процесса. Государство в сегодняшних условиях должно выступить в качестве главного воспитателя, организатора и даже “заставителя” социально-справедливо организованной жизни»¹²⁰. Однако речь здесь идет вовсе не о централизации, а о вполне знакомом welfare state: «демократический социализм, рыночный социализм, наконец, социальная экономика, т.е.

¹¹⁷ Д. Грэбер: анархические формы организации не будут выглядеть как государства; <...> они будут включать в себя бесчисленные разновидности обществ, союзов, сетей, проектов, пересекающихся и накладывающихся друг на друга на всех возможных уровнях всеми возможными способами, какие мы только можем себе представить или которые находятся за пределами нашего воображения» (Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014. С. 34-35).

¹¹⁸ Дзарасов С.С. Переосмысление социализма XXI века / Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009.

¹¹⁹ Бузгалин А.В. По ту сторону царства необходимости (Эскизы и концепции). М.: Экономическая демократия, 1998.

¹²⁰ Воейков М.И. За критический марксизм: Полемика с учеными. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. С. 90.

совмещение ценностей демократии, свободы, социалистических ценностей и рыночной необходимости (от которой никуда не денешься) – это единственный путь»¹²¹. И если такие авторы, как М.И. Воейков, еще признают значение государства хотя бы в рамках «переходного периода» на пути к посткапитализму, то довольно большая часть левых теоретиков и вовсе отказывается признавать государство как важнейшего субъекта «покорения» «царства необходимости». Капитализм, по их мнению, должен настолько сильно развить производительные силы, что появится возможность «отменить» общественно-необходимый труд как таковой. Наступит эра изобилия материальных благ, а потому не будет никакой необходимости людям эксплуатировать друг друга. Коммунизм, таким образом, достигается почти автоматически: необходимые «средства производства изобилия» просто становятся общественными (или доступными всем в равной степени). Вот что пишет на этот счет А.Д. Майданский: «никакие диктатуры и коммуны не в силах устранить вещный характер труда, а значит, и частную собственность, рынок и государство. Такая задача по силам лишь автоматически действующим машинам. Как только они сведут на нет вещный труд, тотчас “уснет сам собой” и капитализм: ведь капитал и есть не что иное, как овеществленный труд»¹²². Согласно А.Д. Майданскому, в «светлом будущем» вообще не нужны будут никакие централизованные институты, ибо «персональный компьютер позволяет каждому индивиду напрямую, минуя, сверхличных институтов-посредников, участвовать в общественном производстве и делать доступным продукт своего труда для всех заинтересованных лиц, для общества в целом»¹²³. Более того, капитализм и отчуждение не перестанут существовать до тех пор, пока не исчезнет всякий *вещный труд*. По всей видимости, люди в «светлом коммунистическом будущем» будут заниматься только производством нематериальных благ, и то – сугубо по добровольному желанию. «Необходимый» труд исчезнет, его полностью вытеснит добровольная *деятельность*.

¹²¹ Там же. С. 92.

¹²² Майданский А.Д. «Не отомрет, с-собака!» Э. В. Ильенков о государстве // Свободная мысль. 2013. № 4. С. 178.

¹²³ Там же. С. 180.

Критиковать труд и «общество труда» теперь стало новым трендом в левой политической мысли. Как указано в «Манифесте против труда» (1999 г.) немецкого общественно-политического журнала «Кризис» (Р. Курц, Р. Шольц, Н. Тренкле и др.), необходимо *разрыв с категориями труда*: «его исходным пунктом может быть не некий новый абстрактно-всеобщий принцип, а только отращивание к собственному существованию в роли субъекта труда и конкуренции и категорический отказ продолжать жить таким образом на все более убогом уровне»¹²⁴. Анархист Б. Блэк утверждает: «труд – источник чуть ли не всех человеческих несчастий. Назовите любое почти зло – оно происходит из-за труда или из-за того, что наш мир построен вокруг труда. Чтобы перестать страдать, надо перестать работать»¹²⁵. Аналогично *против труда* выступают уральские марксисты А. Коряковцев и С. Вискунов, согласно которым «в общественном развитии будет происходить подлинное освобождение индивида на основе *уничтожения труда* и утверждения *свободной чувственно-духовной деятельности*»¹²⁶. Только при таком сценарии общество перейдет в посткапиталистическую фазу развития: «на орбиту коммунизма человечество выведет *программируемая машина*, движимая прирученными силами природы и исключаящая любой вещный труд. Пока такой машины нет, “мировой коммунизм” был, есть и пребудет чистой воды утопией»¹²⁷. Фактически указанные авторы в наиболее радикальной форме высказывают то, что сегодня является мейнстримом в левой политической мысли, которую характеризует неприятие каких-либо централизованных органов управления, «покорения» «царства необходимости». По сути, левый дискурс все сильнее *анархизируется* (да и самих левых интеллектуалов, называющих себя анархистами, становится все больше¹²⁸). Создается впечатление, что для данных авторов коммунизм – это своеобразный идеальный мир поэтов, ху-

¹²⁴ Манифест против труда. Группа «Кризис». URL: <http://www.krisis.org/1999/manifest-protif-truda/>

¹²⁵ Блэк Б. Упразднение работы. URL: <http://imperium.lenin.ru/~kaledin/bblack/abo.html>

¹²⁶ Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов. Драма философских идей в 18 главах с эпилогом. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. С. 649.

¹²⁷ Майданский А.Д. «Не отомрет, с-собака!» Э. В. Ильенков о государстве // Свободная мысль. 2013. № 4. С. 181.

¹²⁸ См.: Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014.

дожников или ученых, которые предаются спокойному созерцанию и делают что-то только сугубо по своему *личному желанию*.

Но возможно ли вообще «царство свободы» без постоянного «обуздания» «царства необходимости», то есть без общественно-необходимого труда?

3.3. Возможно ли «царство свободы» без общественно-необходимого труда?

Итак, выше мы заметили, что Маркс нигде не пишет о том, что «царство» полной свободы от общественно-необходимого труда когда-нибудь наступит¹²⁹. Он вообще не любил загадывать наперед. То же самое можно сказать и об Энгельсе. Конечно, в опровержение нашей точки зрения можно привести его слова о том, что в достаточно развитом коммунистическом обществе «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами»¹³⁰. Однако это совсем не означает, что вообще всякая деятельность оказывается свободной и инициативной, а общественно-необходимый труд *отсутствует* как таковой. Под «управлением лицами» здесь имеется в виду именно *политическое* управление (классовое господство). Энгельс пишет строчкой выше: «Вмешательство государственной власти в *общественные отношения* (курсив мой – Д.Д.) становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает»¹³¹. В оригинале указанное выше предложение Энгельса звучит следующим образом: «An die Stelle der Regierung über Personen tritt die Verwaltung von Sa-

¹²⁹ Даже в знаменитом «Фрагменте о машинах» в «Grundrisse» Маркс говорит лишь о сведении общественно-необходимого труда к *минимуму*, но вовсе не о полной его ликвидации: «Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости, и с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма скудости и антагонистичности. Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к *минимуму* (курсив мой – Д.Д.), чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам» (Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. (<http://www.uaio.ru/marx/46-2.htm>)).

¹³⁰ Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 292.

¹³¹ Там же.

chen und die Leitung von Produktionsprozessen»¹³². Существительное «die Regierung» имеет именно «политическое» значение и переводится как «правительство», «правление», «царствование». Оно не синонимично русскому «управлению» в значении «менеджмент», «контроль» и т.п. Энгельс как раз отмечает, что политическое доминирование одного класса заменяется *не-политическим управлением* производственными процессами. Но «не-политичность» (согласно Марксу и Энгельсу) еще не значит «всеобщая добровольность». Это значит, что управление обуславливается прямой волей всего общества. Общественно-необходимый труд уже становится *частично свободным*, ибо служит интересам не одного класса, а всего человечества, частью которого соглашающийся на этот труд человек и является¹³³.

Также можно привести цитату из «Немецкой идеологии», где Маркс и Энгельс пишут, что «в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра – другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, как моей душе угодно, – не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком»¹³⁴. Но речь здесь идет вовсе не об уничтожении общественно-необходимого труда. Нужно учитывать контекст сказанного: этот пассаж Маркс и Энгельс обращают против «ограниченной исключительным кругом деятельности», то есть против принудительного, не зависящего от воли самого человека разделения труда, окончательно и бесповоротно прикрепляющего его к той или иной сфере деятельности (если не сказать – несколькими повторяющимся или

¹³² Engels F. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft (Anti-Dühring) / Marx K., Engels F. Werke. Bd. 20. Berlin: Dietz Verlag, 1975. S. 262.

¹³³ Стоит также говорить и об *осознании* необходимости выполнения этого труда, о том, что эта осознанность в какой-то степени делает саму процедуру выполнения некоторых видов труда как бы «принятыми личностью морально», «само собой разумеющимися», интериоризированными и усвоенными. Если человек понимает, что вынужденный труд – это необходимость для всего общества и для него лично, то такой труд отчасти перестает быть вынужденным, ибо его источник уже не только во «внешнем», но и «внутри».

¹³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 32.

регламентированным операциям). Речь идет о том, что люди должны иметь *свободное время*, в рамках которого можно было бы заниматься чем угодно: «после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике».

Не стоит также превратно трактовать следующее знаменитое высказывание Маркса из «Критики Готской программы»: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»¹³⁵. Здесь говорится, что «труд перестанет быть только средством для жизни, а станет первой потребностью жизни». Но суть в том, что труд должен перестать быть *только* средством для жизни. Он им и остается, но появляется труд как *потребность жизни*, то, что *приносит удовольствие*. Второй лишь дополняет первый. При этом «каждому по потребностям» вовсе не означает всеобщую «халяву», но, напротив, подразумевает хоть какой-то обязательный вклад от каждого: «по способностям».

Зато в трудах Маркса и Энгельса можно найти много мест, где они отмечают, что определенная дисциплина и субординация как раз необходима в условиях усложняющегося производства. Энгельс отмечает: «комбинированная деятельность, усложнение процессов, зависящих друг от друга, становится на место независимой деятельности отдельных лиц. Но комбинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?»¹³⁶. И продолжает далее: «Возьмем в качестве примера бумагопрядильню. Хлопок должен подвергнуться по крайней мере шести последовательным операциям, прежде чем он превратится в нить, и эти

¹³⁵ Маркс К. Критика Готской программы. URL:

<https://www.marxists.org/russkij/marx/1875/gotha.htm>

¹³⁶ Энгельс Ф. Об авторитете / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 303

операции производятся по большей части в разных помещениях. Далее, для бесперебойного функционирования машин нужен инженер, наблюдающий за паровой машиной, нужны механизмы для ежедневного ремонта и много других рабочих для переноски продуктов из одного помещения в другое и так далее. Все эти рабочие – мужчины, женщины и дети – вынуждены начинать и кончать работы в часы, определенные авторитетом пара, которому нет дела до личной автономии»¹³⁷.

При этом многие авторы справедливо отмечают, что, согласно Марксу, свобода возможна и в «царстве необходимости»¹³⁸. Есть принципиальная разница в том, каково, так сказать, *социальное происхождение* общественно-необходимого труда. Одно дело, когда человек продает свою рабочую силу капиталисту, интерес которого заключается в максимизации прибавочной стоимости, то есть, по сути, в максимальной эксплуатации рабочего вплоть до того, чтобы «стоимость» его рабочей силы минимизировать до уровня «жизненно необходимых благ» (для «воспроизводства» рабочей силы). Рабочий в таком случае попросту *вынужден* работать, чтобы не умереть с голоду (ибо представители «резервной армии труда» всегда готовы занять его место и согласиться на еще более кабальные условия труда). Но совершенно другое дело, когда речь идет об общественно-необходимом труде *на благо всего общества*, частью которого сам человек и является. Как отмечает Д. Джеймс, «поскольку рабочие осуществляют коллективный контроль над производительными силами и производственным процессом, они больше не будут зависеть от безличных экономических и социальных сил и подчиняться ограничениям, которые эти силы создают в связи с их собственной волей»¹³⁹. Более того, нужно иметь в виду, что сам по себе процесс преодоления *препятствий* (борьба с необходимостью) – это и есть то, что освобождает, развивает, способствует росту творческих *сил* человека (в этом смысле вспоминается знаменитая

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Kandiyali J. Freedom and Necessity in Marx's Account of Communism // British Journal for the History of Philosophy. 2014. Vol. 22. № 1. Pp. 104-123; James D. The Compatibility of Freedom and Necessity in Marx's Idea of Communist Society // European Journal of Philosophy. 2017. Vol. 25. № 2. Pp. 270-293.

¹³⁹ James D. The Compatibility of Freedom and Necessity in Marx's Idea of Communist Society // European Journal of Philosophy. 2017. Vol. 25. № 2. P. 286.

диалектика господина и раба Г. В. Ф. Гегеля). Так, Я. Кандиали, пишет: «исторически, как утверждает Маркс, человек развил свои силы посредством борьбы с необходимостью. Но по мере того, как сфера неторопливого изобилия растет, что будет давать человеку стимулы развивать свои силы в будущем? Действительно, это проблема, кажется, указывает на некоторую недоработку в основе картины хорошей жизни, которую Маркс рисует в третьем томе “Капитала”. Маркс отделяет свободу от необходимости так, что свобода якобы состоит в деятельности, никак не определяемой внешней целесообразностью. В таком случае свобода выглядит пустой и произвольной»¹⁴⁰. Правда, с такой трактовкой теоретической позиции Маркса можно не согласиться, ибо, как мы убедились выше, Маркс как раз не отделяет «царство свободы» от «царства необходимости».

Конечно, Маркс считал, что люди должны сами определять, чем им заниматься. Но совсем не обязательно, что в посткапиталистическом обществе все будут *принуждаться к определенному труду*. Речь может идти о необходимости исполнять своего рода *общественный долг* – отбывать минимально необходимое количество рабочих часов¹⁴¹. Исполнение *общественного долга*, разумеется, не должно вступать в противоречие со свободными развитием и деятельностью отдельных личностей. Скорее, стоит говорить об их *гармоничном сочетании*, когда общественно-необходимый труд выбирается людьми в соответствии с их свободной деятельностью. Ученые и художники будущего вполне смогут выбирать область труда в соответствии с предметом их исследований или художественных поисков. При этом некоторая *дисциплина* попросту неизбежна при любом *коллективном* контроле над произ-

¹⁴⁰ Kandiyali J. Freedom and Necessity in Marx's Account of Communism // British Journal for the History of Philosophy. 2014. Vol. 22. № 1. P. 120.

¹⁴¹ Соответственно, вряд ли посткапиталистическая общественная формация будет являться в полном смысле слова *постэкономической*. Как справедливо отмечает В. Ойтгинен, такой подход делает «излишне жестким Марксов взгляд на свободу, настаивая, что, по Марксу, единственно возможная перспектива развития есть “не переход к новой общественно-экономической формации, а выход из нее в общественное состояние, существующее по иным, чем экономические, параметрам и законам”. Такой чересчур острый контраст между царствами необходимости (сферой экономики) и свободы ведет, на мой взгляд, к разновидности кантианского дуализма, когда «царство свободы» соскальзывает в трансцендентность» (Ойтгинен В. Об экономии времени и «царстве свободы» // Логос. 2011. № 2. С. 37-44).

водительными силами и производственным процессом, ибо индивидуальное «Я» никогда не тождественно коллективному «Мы». К примеру, человек, которому интересны локомотивы или железная дорога в целом (если он является по роду своей *свободной деятельности* инженером или изобретателем), вполне может *работать* какое-то строго определенное количество времени машинистом или, скажем, проводником. Это вполне может быть результатом его свободного выбора. Однако «*необходимость*» здесь будет заключаться в том, что в данные конкретные часы он должен действовать строго согласно инструкции: строго следовать графику движения, не опаздывать, не прогуливать и т.п. В противном случае поезда будут сталкиваться друг с другом, а то и вовсе ходить не по расписанию, что приведет попросту к транспортному коллапсу и хаосу. Иными словами, без определенного строго согласованного труда, в котором существуют элементы «*необходимости*», общество не сможет обойтись¹⁴². Невозможно развитое общество, в котором люди занимаются исключительно свободной деятельностью «по настроению» или «по вдохновению». *Поезда должны ходить точно по расписанию, кареты скорой помощи и пожарные расчеты всегда должны быть наготове, хирурги и врачи реанимации – дежурить в строго определенные часы и т.д., и т.п.*

Однако, спросят нас, почему не представить себе ситуацию, когда вообще не нужен будет никакой *общественно-необходимый*

¹⁴² К слову, это отмечали еще советские марксисты: «государственный аппарат, развиваясь и утрачивая свой политический характер, превратится в аппарат коммунистического самоуправления. Без определенной системы контроля и организации немыслимо ни одно общество, тем более коммунистическое. И при коммунизме будет управление не только вещами, но и людьми» (Белых А.К. О диалектике отмирания государства // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 17). Или еще одно достаточно острое замечание Р.И. Косолапова: «утопичны и реакционны попытки буржуазных социологов доказать, опираясь на достижения современной, в особенности, кибернетической, техники, ненужность труда в будущем и мечты мещанина об избавлении от труда и погружения исключительно в сферу расточительного потребления. Коммунистическое общество, основанное на высокоорганизованном производстве и развитой технике, – говорится в программе КПСС, – изменяет характер труда, но не освобождает членов общества от труда. Оно отнюдь не будет обществом анархии, безделья и праздности... Труд и дисциплина не будут в тягость человеку; трудовая деятельность перестанет быть только средством к жизни и превратится в подлинное творчество, источник радости» (Косолапов Р.И. Социализм: к вопросам теории. 2-е изд. М.: Мысль, 1979. С. 289).

*труд*¹⁴³? Сторонники идеи посткапитализма «без труда» часто, как мы убедились выше, апеллируют к достижениям науки и техники, к впечатляющим результатам автоматизации и роботизации производства. Они считают, что общественное регулирование всего производства – это неизбежный путь к тотальной бюрократизации и отчуждению властного и бюрократического аппарата от остального общества. Соответственно, гораздо лучше якобы попросту *дождаться*, когда отпадет необходимость в общественно-необходимом труде и утопия общества поэтов, художников или ученых, занимающихся исключительно свободной *деятельностью* и созерцанием, станет реальностью. Капитализм, при этом, разумеется, нужно будет как-то чинить, улучшать, пытаться «развивать» в нем посткапиталистические общественные отношения, но никак не *преодолевать*.

Но что для этого нужно? Для этого необходимо автоматизировать несомненно важный для общества труд: ассенизаторов, уборщиков, мясников, кондукторов, дворников, официантов, почтальонов, шахтеров, консьержей, рабочих конвейерных линий, продавцов, электромехаников, кассиров, грузчиков, надзирателей тюрем, обивщиков мягкой мебели, сотрудников похоронных агентств, работников прачечных и химчисток, сиделок и сотрудников хосписов, горничных, палачей, сотрудников скотобоен, рабочих жилищно-коммунальных хозяйств, трактористов-машинистов, скотников-пастухов, секретарей, флористов, водителей, курьеров, сварщиков, операторов информационных баз, слесарей, электромонтажников, шиномонтажников, сантехников, трактористов, мастеров по ремонту бытовой техники/обуви (и изготовлению ключей) и т.п., гардеробщиков, портных, вахтеров, операторов-озеленителей, проводни-

¹⁴³ А именно этим вопросом задаются многие левые теоретики. «Комплексные коммуникационные технологии, – пишут Н. Срничек и А. Уильямс, – делают компьютер лучшим работником по сравнению с человеком в определенных сферах высококвалифицированного умственного труда – так же, как быстрое развитие робототехники дает преимущества технологическим решениям в широком диапазоне механического ручного труда. К примеру, нерутинные ручные операции могут выполняться беспилотными автомобилями, а нерутинные умственные задачи, вроде написания новостных текстов или исследования судебных прецедентов, уже сейчас выполняются роботами. Размах этих нововведений означает, что любой работник – от биржевого аналитика до строителя, от повара до журналистки – может быть вскоре заменен машиной» (Срничек Н., Уильямс А. Пост-трудоое воображаемое. URL: <http://www.art-initiatives.org/ru/content/srnichek-williams-post-trudovoe-voobrazhaemoe-ru>)

ков, дезинфекторов, формовщиков-арматурщиков, охранников, сторожей, контроллеров, нянь, комплектовщиков, лаборантов, поваров в ресторанах быстрого питания, таксистов, приемщиков товара, разнорабочих, плотников, бухгалтеров, офисных клерков, фармацевтов-провизоров, санитаров, водителей автопогрузчиков, машинистов-крановщиков, монтажников технических конструкций, автомойщиков, электриков, операторов станков, стропальщиков, монтеров железнодорожных путей, маляров, газорезчиков, вальцовщиков, фрезеровщиков, электромонтеров, жиловщиков и обвальщиков мяса, токарей, дорожных рабочих, столяров, мебельщиков, шлифовщиков, промышленных альпинистов, монтажников окон, замерщиков, дробильщиков, пекарей, лесорубов, машинистов бульдозера, операторов печати и т.д., и т.п. При этом, разумеется, полное «освобождение» от общественно-необходимого труда потребовало бы автоматизации таких социально значимых и более престижных профессий, как учитель, врач скорой помощи, врач-реаниматолог, патологоанатом, спасатель, пожарный, полицейский, военный и т.п. Конечно, многие современные исследователи отмечают, что темпы автоматизации производства растут и перспективы развития робототехники и искусственного интеллекта впечатляют¹⁴⁴. Однако, как гласит *парадокс Мински*, высококогнитивные процессы требуют относительно небольших вычислений, в то время как низкоуровневые сенсомоторные операции требуют огромных вычислительных ресурсов. Иными словами, автоматизировать труд рядового юриста или бухгалтера – гораздо проще, чем дворника. Конечно, многие профессии будут подвергаться автоматизации, но сильнее это будет ударять именно по работникам умственного труда. Но даже в таком случае нужно учитывать, что темпы автоматизации многие исследователи явно переоценивают¹⁴⁵ (причем тенденция переоценивать темпы автоматизации наблюдается еще со времен появления первых промышленным машин). Дж. Маркофф приводит в пример ситуацию с появлением банкоматов, когда многие эксперты отмечали, что это приведет к исчезновению

¹⁴⁴ Бриньолфсон Дж., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: Neoclassic, АСТ, 2017; Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

¹⁴⁵ Капелюшников Р. И. Технологический прогресс -пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 111-140.

банковских кассиров. Но фактически количество кассиров в США только выросло: «в 2004 г. Чарльз Фишман отмечал в журнале *Fast Company*, что на заре использования банкоматов в 1985 г., когда их было около 60 000, число кассиров достигало 485 000, а в 2002 г., когда количество банкоматов увеличилось до 352 000, численность выросла до 527 000. В 2011 г. журнал *Economist* привел данные о том, что в 2008 г. их было 600 500, а по прогнозам Бюро трудовой статистики Министерства труда США этот показатель должен вырасти к 2018 г. до 638 000»¹⁴⁶. Более того, необходимо помнить и о таких неприятных и «вынужденных» профессиях, которые довольно редки, а потому с точки зрения рынка их автоматизация *нецелеобразна*. Например: сортировщик пленки, уборщик переносных туалетов, техник-осеменитель в животноводстве, дайвер, погружающийся в сточные воды очистных сооружений с целью их ремонта, стерилизатор биологически опасных веществ и медикаментов и т.д., и т.п. Создание специальных роботов для таких «узконаправленных» целей обойдется слишком дорого, если учесть, что сегодня даже работа многочисленных кассиров и поваров в ресторанах сетей вроде «Макдональдс», состоящая из предельно формализованного набора простых действий, до сих пор не автоматизирована.

Таким образом, речь идет о по-настоящему грандиозной задаче: сделать так, чтобы *большая часть общественно-необходимого труда была автоматизирована*. По сути, это означает создание миллионов (миллиардов?) роботов, способных выполнять самые сложные задачи. По улицам в таком случае должны ходить/ездить роботы-дворники, складывать мусор в автоматизированные системы вывоза, распределения и утилизации отходов. Дома и заводы должны строиться сами по себе, на фермах и фабриках должны работать автономные конвейеры и роботы (а, быть может, и 3-D принтеры). Весь транспорт должен передвигаться сам по себе, а вместо курьеров – должны летать полностью автономные дроны. Все, что ломается, должно автономно чиниться и т.д., и т.п. И все это якобы должно появиться в капиталистической экономике. Но капитализм, разрешая одни противоречия, лишь порождает другие. Концентрация парниковых газов растет, а не уменьшается, несмот-

¹⁴⁶ Маркофф Д. *Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания*. М.: Альпина нон-фишкн, 2016. С. 104-105.

ря на развитие «зеленой» энергетики¹⁴⁷. Численность населения Земли неуклонно растет, но вместе с ним растет и уровень социального неравенства¹⁴⁸. Соответственно, какую бы утопию в своих странах «золотой миллиард» не строил, в них останется «необходимый» труд военных и полицейских, стоящих на страже частной собственности, в то время как достижение подлинного «царства свободы» возможно только *во всем мире*. Иными словами, роботы-дворники, «само строящиеся» дома, автономные заводы и т.п. должны появиться *везде*. Учитывая, что богатейшая корпорация «Макдональдс» сегодня не может (вернее – *не хочет*, ибо дешевле эксплуатировать низкооплачиваемую рабочую силу) автоматизировать процесс соединения двух булок с котлетой, эти задачи можно охарактеризовать как *в рамках данной общественной системы фантастические*.

Но даже достижение грандиозной цели автоматизации «непривлекательной» работы во всем мире не избавит от общественно-необходимого труда. Некоторые профессии вряд ли будут *когда-либо* автоматизированы. Всегда будут нужны спасатели и хирурги реанимаций, учителя и врачи (чей труд тоже требует определенной регламентации) и т.п. Более того, многое указывает на то, что увеличивается доля профессий, требующих сочетания высокой дисциплинированности и высшей квалификации. Очень сомнительно, например, что люди, предпочитающие «после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике» смогут оперативно выехать на место катастрофы и с помощью новейших технологий сообща извлекать людей из-под завалов, не нарушая при этом элементарных правил и инструкций, которые соблюдают профессионалы (и которые позволяют минимизировать негативные последствия вмешательства самих спасателей). Некоторые исследователи отмечают, что в будущем представители многих профессий будут не столько замещаться машинами и роботами, сколько все больше с ними *взаимодействовать*, что

¹⁴⁷ Nullis C. Greenhouse gas levels in atmosphere reach new record. URL: <https://public.wmo.int/en/media/press-release/greenhouse-gas-levels-atmosphere-reach-new-record>

¹⁴⁸ Богатые продолжают богатеть: как растет глобальное имущественное неравенство. URL: <http://www.forbes.ru/milliardery/371457-bogatye-prodolzhayut-bogatet-kak-rastet-globalnoe-imushchestvennoe-neravenstvo>

потребуется только более высокой квалификации, необходимости постоянно *вынужденно* подстраиваться под рациональный ритм машин и роботов. К примеру, в гражданской авиации работа пилота, на первый взгляд, предельно упрощается благодаря автопилоту и системам автономной посадки самолетов. Но, с другой стороны, в критические моменты она только *усложняется*. Д. Минделл пишет: «авиации свойственен парадокс: по мере увеличения автоматизации, возрастает безопасность во многих аспектах, но на пилотов в то же время ложится большой груз. Каждая техническая система может в какой-то момент отказать, а люди в этот критический момент будут вынуждены вмешаться. Но, слишком отдалившись от своей машины, они, вероятнее всего, растеряли свои навыки, и тогда их вмешательство может привести к беде. Именно это и случилось с рейсом 447 авиакомпании Air France»¹⁴⁹.

Итак, выше мы показали, что для многих левых теоретиков посткапиталистическое общество мыслится как нечто невозможное до тех пор, пока существует общественно-необходимый труд. Попытка «ассоциированными производителями» «рационально регулировать» «свой обмен веществ с природой», поставить его «под свой общий контроль» – это якобы неизбежный путь к диктатуре, бюрократизации, отчуждению и т.п. Тем самым они пытаются оспорить тезис Маркса и Энгельса, согласно которому «царство свободы» может расцвести только на «царстве необходимости, как своем базисе». Сам же процесс перехода к посткапитализму якобы будет обусловлен постепенным расширением доступа к «дармовым» благам автоматизации и роботизации производства. Посткапиталистическое общество будет при таком развитии событий представлять собой общество музыкантов, поэтов, писателей, ученых и т.п. Труд «уничтожится», а на его место придет свободная самореализация, не ограниченная никакой «необходимостью».

Однако едва ли такие надежды оправданы. И дело даже не в том, что дисциплину и рациональную организацию в цивилизован-

¹⁴⁹ Минделл Д. Восстание машин отменяется. Мифы о роботизации. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. С. 86.

ном обществе вряд ли можно *полностью* исключить. На это, как мы увидели выше, еще указывали классики марксизма. Важнее то, что даже сведение общественно-необходимого труда к минимуму (например, к паре часов в день) потребует просто *колоссальных, немыслимых* для современного капиталистического общества усилий: *всеобщей и повсеместной* автоматизации и роботизации (от сбора окурков с газонов до возведения высотных домов), избавления от *нужды* в жизненно необходимых материальных благах во всем мире. Пока же, вопреки всем разговорам об «освобождающем» потенциале высоких технологий, человечество скорее топчется на месте, нежели совершает рывок в светлое будущее. Трудно не согласиться с Н. Срничеком и А. Уильямсом, согласно которым «вместо мира космических путешествий, шока будущего, реализации революционного технологического потенциала мы живем во времена, когда единственное, что развивается, – это гаджеты для потребителей»¹⁵⁰. При этом многие современные левые теоретики почему-то не замечают того, что на фоне утопических сценариев построения общества технологического изобилия чисто технологическая же задача обеспечения *прямой электронной демократии* выглядит не просто реализуемой, но *чрезвычайно простой*. По сути, уже сегодня информационно-коммуникационные технологии¹⁵¹ (к примеру, технология *блокчейн*) позволяют создавать цифровые валюты. При этом система шифрования оказывается настолько надежной, что ее попросту *невозможно взломать*¹⁵². Но почему, спрашивается, зашифровать транзакции цифровых валют стоимостью в миллиарды долларов можно, а голоса людей, которые могли бы решать насущные вопросы *без политических посредников* – нельзя? Быть может, левым теоретикам следует сосредоточиться не столько на «критике труда», сколько на способах его демократического «обуздания», на достижении высокой эффективности управления таким трудом и попытках направить его на благо всего чело-

¹⁵⁰ Уильямс А., Срничек Н. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 13.

¹⁵¹ Которые, по всей видимости, единственные активно развиваются в современном капиталистическом обществе, ибо на это есть спрос со стороны финансового капитала.

¹⁵² Базанов С. Можно ли взломать Биткойн? Возможные уязвимости и способы противостояния им. URL: <https://medium.com/bitcoin-review/можно-ли-взломать-биткойн-87c8cae57c4>

вечества? Это, думается, куда более перспективно, чем ожидание, что когда-нибудь капитализм разрушится чуть ли не сам по себе, и все станут учеными или деятелями искусства (на худой конец – гражданскими активистами и т.п.). Пока же существующие утопии о посткапитализме являются скорее свидетельством отказа от решения насущных политических вопросов, ухода от ответственности, а призывы к предельной децентрализации и надежда на технологии говорят о деполитизации левого мышления, его разрыве с *практикой*.

Выводы

Итак, в настоящем разделе мы отметили, что история левой политической мысли второй половины XX – начала XXI века характеризуется постепенным вытеснением левого централизма анархо-локализмом. Были рассмотрены некоторые анархо-локалистские концепции, их генезис и сущность. Мы показали, что рост влияния анархо-локалистских тенденций в левой политической мысли вызван рядом взаимосвязанных факторов: неприятие социально-политических процессов, происходивших в СССР, публикация ранее неизданных работ К. Маркса, осмысление экологических проблем, связанных с масштабными массовым производством, критика метанарративов, расцвет контркультуры и многое другое. Но наиболее значимым фактором вытеснения централизма на периферию левой политической мысли стало развитие информационных и коммуникационных технологий, открывших новые возможности для сетевой кооперации и самоорганизации. Появлялись и новые идеи, которые концептуально расширяли анархо-локалистские концепции: свободного программного обеспечения, коммунизма знаний и многое другое. Поэтому современный анархо-локализм все больше концентрируется на «революционной» роли высоких технологий (социальные сети, 3-D печать, блокчейн и т.п.). «Царство свободы» все чаще мыслится как расширяющееся пространство спонтанной творческой самоорганизации. При этом многие теоретики считают, что поспособствовать «исчезновению» «царства необходимости» смогут выплаты всем без исключения гражданам безвозмездных пособий (безусловный доход). Вместе с тем преобладание анархо-локалистских тенденций в левой мысли мы расценили как свидетельство ее глубокого кризиса. Как было показано, вдохновляемые анархо-локалистскими концепциями общественные движения неспособны оказывать реальное противодействие глобальной буржуазной системе. История анархо-локализма – это длительная последовательность неудач и разочарований.

Однако можно ожидать, что дальнейшее полное рисков и непредсказуемых последствий технологическое развитие общества будет способствовать повышению спроса на левые централистские идеи и концепции. Более того, вряд ли надежды на то, что «царство необходимости» само постепенно «отомрет» в результате автоматизации производства и удовлетворения базовых потребностей всех членов общества оправдают себя. Есть основания считать, что «царство необходимости» в обозримом будущем будет не «исчезать», а только расширяться. Нужда и внешняя целесообразность лишь примут другую форму: стареющее население будет нуждаться в новых средствах продления жизни, новейшие и наиболее эффективные из которых будут доступны только наиболее богатым. Технологический прогресс будет только усугублять негативные последствия социального неравенства, которое будет все сильнее отражаться на продолжительности и качестве жизни. Фактически для многих речь будет идти не просто об отсутствии доступа к роскоши, но об отсутствии «доступа» к дальнейшему существованию. Соответственно, рассуждения о возможном удовлетворении в ближайшем будущем базовых потребностей всех людей носят абстрактный и спекулятивный характер. Остановить отчуждающую людей друг от друга борьбу против нужды сможет только посткапиталистическое общество, осуществляющее централизованный надзор за развитием технологий, концентрацию общественных усилий на борьбе со смертью и муками старости, обеспечении равного доступа ко всем средствам продления и облегчения жизни (реактуализация централистского дискурса «покорения» «царства необходимости»).

Но и избавление от общественно-необходимого труда в развитом обществе невозможно в принципе. Даже его минимизация потребует автоматизации большей части существующих профессий и решение проблемы нехватки материальных благ в общемировом масштабе, что для существующего капиталистического общества является скорее фантастикой, нежели потенциальной возможностью. Мы также попытались показать, что с точки зрения технологической реализуемости, решить проблему недостаточной эффективности и недостаточной демократичности централизованного управления общественно-необходимым трудом было бы гораздо

проще, чем автоматизировать все и вся ради «избавления от труда». Левым теоретикам, соответственно, стоило бы уделять больше внимания именно данному аспекту борьбы за «царство свободы».

Таким образом, мы можем заключить, что централизм сегодня «вышел из моды» совершенно необоснованно. Но на этом, пожалуй, наше критическое рассмотрение анархо-локализма еще не завершено. В следующем разделе мы попытаемся взглянуть на вырисовывающиеся контуры посткапиталистического будущего с другого ракурса. А именно – мы попытаемся показать, что человечество движется к *новой антагонистической общественной формации*. Это приводит к появлению новых острых проблем, решить которые сможет только общество, построенное на принципах централизма.

Раздел II Новая антагонистическая общественная формация

Глава 1 В поисках субъекта перехода к посткапиталистическому обществу

1.1. Дискурс посткапитализма и неизвестный «субъект перемен»

Карл Маркс создал довольно убедительную теорию развития человеческого общества. Согласно Марксу, человеческая цивилизация – это прежде всего результат развития производительных сил, которые определяют социально-классовую структуру общества, политику, особенности культуры и быта людей, их повседневную жизнь¹⁵³. Развитие человеческой цивилизации начинается вместе с возникновением *неравенства*, то есть с выделением господствующего класса. По мере развития производительных сил производственные отношения перестают им соответствовать, и новые могущественные социальные субъекты обрекают на неизбежное поражение сторонников старого миропорядка.

В «Манифесте коммунистической партии» говорится: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»¹⁵⁴. Однако тезис о «революционном

¹⁵³ Что, собственно говоря, не исключает обратного воздействия «надстройки» на «базис». Механизм такого «обратного воздействия» хорошо описан Л. Альтюссером с помощью концепта сверхдетерминации. Как он пишет, «производство и в самом деле – детерминирующий фактор, но детерминирующим он является лишь в “конечном счете”». И далее: «экономическая диалектика никогда не встречается в *чистом виде*, <...> мы никогда не сталкиваемся с ситуацией, в которой эти инстанции, т.е. надстройки, сделав свое дело, почтительно отступают на задний план или исчезают, когда приходит для этого время, как чистый феномен Ее величества экономики, чтобы позволить ей вступить на царский путь диалектики» (Альтюссер Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006. С. 162, 164).

¹⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. URL: <http://www.agitclub.ru/front/mar/manifest.htm>

переустройстве всего общественного здания» как непременном следствии борьбы между угнетающими и угнетаемыми не находит подтверждения. Более того, история показывает, что борьба свободных и рабов, патрициев и плебеев, помещиков и крепостных и т.д. *между собой* никогда не приводила к смене общественных формаций. Переход от сословно-классовой¹⁵⁵ к капиталистической общественной формации, например, был осуществлен под руководством буржуазии, а не крестьян. В данном контексте не соответствующим общей логике исторического процесса представляется и прогноз Маркса относительно того, что именно рабочий класс уничтожит капитализм. Надежды на реализацию этого прогноза уже не раз демонстрировали свою тщетность.

Конечно, особенность современной ситуации заключается в том, что появляется все больше свидетельств в пользу предстоящей смены капиталистического общества посткапиталистическим. Тем не менее вопрос о *социальном субъекте перехода к посткапитализму* остается открытым. Кто может претендовать на эту роль – рабочий класс, прекариат или же, например, «креативный класс»? Далее мы попытаемся в качестве такого субъекта рассмотреть не какой-либо класс и даже не социальную группу, а *личность*. Как будет показано ниже, обращение к концепту личности позволяет не

¹⁵⁵ Автор придерживается точки зрения, согласно которой не существовало отдельных рабовладельческой и феодальной общественных формаций (как и азиатского способа производства). В данном вопросе автор солидарен с В. П. Илюшечкиным, согласно которому «“азиатская” стадия является не более чем мифом, а рабовладельческая и феодальные “стадии” составляют в действительности лишь одну единую сословно-классовую общественную формацию, основанную на докапиталистическом рентном типе частнособственнической эксплуатации и экономической реализации» (Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 113). Сословно-классовая общественная формация базировалась на «природно-обусловленной, натуральной системе производительных сил, для которой были характерны: основанные на ручном труде и очень несложной инструментальной технике рутинное сельское хозяйство в качестве основного занятия подавляющей массы населения, преобладание живого труда над овеществленным в средствах производства, недостаточное развитие товарно-денежных отношений, преобладание обмена между обществом и природой над обменом в обществе, естественного разделения труда по полу и возрасту в производственных ячейках над общественным разделением труда, абсолютное господство таких форм организации труда, которые исключали его кооперацию и комбинирование, преимущественно натуральное и полунатуральное производство, рассчитанное прежде всего на удовлетворение собственных потребностей производителей, и т.д.» (Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 196).

только избавиться от ряда противоречий, которые возникают при попытках использовать классовый анализ в поисках «движущей силы революции», но и более трезво посмотреть на грядущее посткапиталистическое общество, раскрыть его потенциальные «темные» стороны.

Если суммировать современные рассуждения о посткапитализме, выведя за скобки второстепенные моменты, то итог будет мало чем отличаться от того, о чем полтора века назад вели речь классики марксизма. Попробуем собрать воедино существующие представления о тенденциях общественного развития (многие из которых были рассмотрены выше), абстрагировавшись от некоторых несовпадений во взглядах и особенностях методологии отдельных авторов. В результате получится следующая логика:

1. Автоматизация и роботизация производства, а также развитие технологий искусственного интеллекта ведут к закату «общества труда»¹⁵⁶. Значительное число профессий в скором времени исчезнет. Это обостряет проблему «лишних людей» – тех, кому в новых социально-экономических условиях не удастся найти себе высокооплачиваемую работу¹⁵⁷.

2. Наступает эпоха изобилия материальных благ. Развитие цифровых технологий приводит к экспоненциальному росту производственного потенциала. Человечество превращается в огромную социальную сеть обмена и накопления знаний, и новые коммуникационные возможности еще больше ускоряют научно-технический прогресс. Одновременно повышается уровень производства благ с

¹⁵⁶ Как отмечает Р. Кастель, общество труда «не стало однородным, как не стало оно и мирным, но его антагонизмы приняли форму борьбы за должности и место в иерархии, а не борьбы классов. Это общество, в котором наемный труд из пугала превратился в основной способ идентификации» (Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009. С. 417)

¹⁵⁷ См.: Rifkin J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. Los Angeles: Tarcher/ Putnam, 1995; Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются / Дерлугьян Г., ред. Есть ли будущее у капитализма? М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 61–113; Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина Нон-фикшн, 2019; Бриньолфсон Дж., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: Neoclassic, АСТ, 2017.

нулевыми предельными издержками¹⁵⁸. Проблема, однако, в том, что современная рыночная экономика способствует быстрому обогащению так называемых «суперзвезд» высокотехнологичной индустрии, чей успех ставит в сложное положение простых наемных работников, труд которых все активнее заменяется трудом малочисленных сотрудников фирм, возглавляемых «суперзвездами»¹⁵⁹.

3. Основным фактором производства становится знание, отличие которого от капитала и сырья заключается в том, что оно легко обобществляется и при этом не иссякает по мере использования, а скорее обретает еще большую ценность¹⁶⁰.

4. Появляются люди, производящие и распространяющие знания на безвозмездной основе (Free Software Movement, авторы Википедии и др.). Это свидетельствует о движении в сторону общества, в котором труд превратится в наслаждение и цель¹⁶¹.

5. Меняется социальная структура общества. Одной из наиболее влиятельных социальных групп становится «креативный класс», включающий тех, чья деятельность связана с творчеством (ученые, программисты, инженеры, художники и т.п.)¹⁶². Вместе с тем возрастает социальное неравенство, формируется слой людей, не имеющих постоянной занятости и связанных с этим социальных гарантий (прекариат), положение которых будет лишь ухудшаться¹⁶³.

6. Ценности «креативного класса» носят постматериальный характер. Для «креативного класса» важны не столько деньги, сколько самореализация, возможность менять мир к лучшему¹⁶⁴. Помимо

¹⁵⁸ Rifkin J. The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2014.

¹⁵⁹ Бриньолфсон Дж., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: Neoclassic, АСТ, 2017.

¹⁶⁰ См.: Бузгалин А.В. По ту сторону «царства необходимости» (Эскизы и концепции). М.: Экономическая демократия, 1998.

¹⁶¹ См.: Межуев В.М. Маркс против марксизма: Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007; Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010; Бузгалин А.В., Когланов А.И. Глобальный капитал: В 2 т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. М.: Ленанд, 2015; Мейсон П. Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016.

¹⁶² См.: Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

¹⁶³ См.: Стэндинг Г. Прекариат: Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.

¹⁶⁴ См.: Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

прочего, это говорит об угасании протестантской этики, а также других культурных оснований капитализма.

7. Переход к посткапитализму означает постепенное избавление от старых производственных отношений. Все большей популярностью пользуется идея *безусловного базового дохода*¹⁶⁵. В перспективе такой «доход» может утратить денежную форму, трансформировавшись в неиссякаемый источник бесплатных материальных благ, к которому будут иметь доступ все (реинкарнация старого коммунистического принципа «от каждого по способностям – каждому по потребностям»)¹⁶⁶.

Обсуждаются и другие шаги в направлении посткапиталистического будущего: отмена или ограничение авторского права, национализация ведущих банков и государственное регулирование финансовой сферы, развитие так называемого «третьего сектора» как пространства добровольной активности людей, борьба с монополиями, отказ от рыночных отношений в энергетической отрасли и т.д., и т.п. Разные авторы акцентируют различные шаги и их сочетания, разнятся и степень радикализма – от ставки на постепенные реформы¹⁶⁷ до ориентации на масштабное переустройство общества посредством активной политической борьбы¹⁶⁸.

Разумеется, это лишь некая общая канва, и среди соответствующих авторов нет консенсуса относительно конкретных деталей. Более того, некоторые из них (например, Э. Бриньолфсон и Э. Макафи¹⁶⁹ или М. Форд¹⁷⁰) вообще не говорят о желательности исчезновения капиталистических отношений. Вместе с тем они фикси-

¹⁶⁵ См.: Брегман Р. Утопия для реалистов: Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер, 2018.

¹⁶⁶ См.: Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010; Мейсон П. Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016.

¹⁶⁷ См.: Мейсон П. Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016.

¹⁶⁸ См.: Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010.

¹⁶⁹ См.: Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: Neoclassic, АСТ, 2017.

¹⁷⁰ См.: Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина Нон-фикшн, 2019.

руют те же процессы, на которые обращают внимание левые теоретики (А.Горц, Дж. Рифкин¹⁷¹, П. Мейсон и др.).

При всем том одной из существенных проблем современных концепций посткапитализма является отсутствие единого мнения по вопросу о *субъекте перехода к посткапиталистическому обществу*. Предположений на этот счет высказывается несколько, однако все они выглядят малоубедительными.

1.2. Современные представления о субъекте перехода к посткапитализму

Некоторые авторы до сих пор отводят роль социального субъекта перехода к посткапиталистическому обществу *рабочему классу*. Конечно, имеется ряд причин, по которым способность рабочего класса выступить в роли социального субъекта перехода к посткапиталистическому обществу вызывает сомнения. Прежде всего – это постиндустриальные тенденции, отмеченные западными социологами еще в 1970-е гг. (Д. Белл, Э. Тоффлер и другие). Доля рабочего класса в структуре экономики развитых стран планомерно сокращалась. Как отмечал еще в 2002 году Р. Флорида, «длительный период XX века стал свидетелем подъема и упадка рабочего класса, численность которого достигла пика (около 40%) между 1920-ми и 1950-ми, прежде чем начать медленно сокращаться до современного объема (около четверти всей рабочей силы страны)»¹⁷². Скорее всего, «классический» рабочий класс в развитых странах ждет незавидная участь, если учесть ускоряющиеся тенденции автоматизации и роботизации материального производства (хоть и не стоит «радикализировать» данные тенденции – см. выше)¹⁷³.

Однако само представление о рабочем классе постепенно меняется. Теперь это уже не столько «синие воротнички», сколько

¹⁷¹ См.: Rifkin J. The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2014.

¹⁷² Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI. 2007. С. 24.

¹⁷³ См.: Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина Нон-фикшн, 2019.

наемные работники в целом. Как подчеркивает Т. Иглтон, «беловоротничковый класс, точно так же как и промышленный, включает в себя очень много технических, канцелярских и административных работников, лишенных какой бы то ни было самостоятельности или власти... работа в сфере услуг может быть ничуть не менее тяжелой, чем традиционный промышленный труд. Мы должны учитывать не только директоров бутиков и секретарей с Харли-стрит, но и докеров, транспортников, мусорщиков, почтовиков, рядовой медперсонал, мойщиков и работников предприятий питания. Действительно, различия между производящими и обслуживающими рабочими с точки зрения оплаты, организации и условий труда зачастую оказываются почти незаметными. Работающие в колл-центрах, используемых для получения и передачи больших объемов информации, эксплуатируются ничуть не меньше, чем добывающие уголь в шахтах. Такие ярлыки, как “услуги” или “белый воротничок”, служат для маскировки внушительных отличий между, скажем, авиапилотами и привратниками больниц или высокопоставленными госслужащими и горничными отелями»¹⁷⁴.

Протестный потенциал понятого таким образом рабочего класса, который оказывается весьма многочисленным (особенно если исходить из общемировых показателей¹⁷⁵), связывается с тяжелыми условиями труда и отчуждением от его результатов, а также с отсутствием самостоятельности и власти. Критикуя известную книгу

¹⁷⁴ Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М: Карьера Пресс, 2017. С. 202–203.

¹⁷⁵ М. Робертс: «В мировом масштабе число занятых в промышленности рабочих возросло на 46% по сравнению с 1991 г. (490 млн), в 2012 г. оно составило 715 млн, и достигнет более 800 млн к концу десятилетия. Действительно, с 1991 года число занятых в промышленности рабочих выросло на 1,8% каждый год, а с 2004 года на 2,7% каждый год (до 2012 года), что выше чем в секторе услуг (2,6% в год)! В мировом масштабе доля промышленных рабочих в общей численности рабочей силы увеличилась незначительно — с 22% до 23%. Теперь, о так называемых развитых капиталистических странах, где наблюдается деиндустриализация. Численность рабочей силы, занятой в промышленности, сократилось там с 130 млн в 1991 году до 107 млн в 2012 году, то есть на 18%. Во всем мире происходило значительное сокращение не промышленных, но сельскохозяйственных рабочих. Процессы в капиталистической экономике, поглощающие крестьян и агропромышленных рабочих из сельских районов и превращающие их в промышленных городских рабочих, еще не закончены. Доля сельскохозяйственной рабочей силы в общей численности рабочей силы снизилась с 44% до 32%. Следовательно, не должны ли мы тогда говорить о деаграризации — как Маркс в середине 1800-х годов? Это и есть важнейшее мировое явление последних 150 лет.» (Робертс М. Деиндустриализация и социализм. URL: <https://www.rotfront.su/деиндустриализация-и-социализм/>).

А. Горца «Прощай, рабочий класс»¹⁷⁶, А. В. Бузгалин отмечает, «что у класса наемных работников в условиях возникновения пост-индустриальной глобальной экономики и обострения глобальных проблем возникают новые основания для новой борьбы. Этот класс становится (в гораздо большей степени, чем раньше) не столько объектом капиталистической эксплуатации, основанной на присвоении прибавочной стоимости, сколько объектом сложной системы форм отчуждения, порождаемых закатом “царства необходимости” в целом. На первый план все более выходит сонм новых проблем и противоречий, в числе которых – экологические катастрофы, нищета, миграция, угроза войн, идеологическое и политическое манипулирование, культурная деградация и т.д. Эти формы отчуждения вызывают протест и новые формы противодействия со стороны рабочего класса, и формы эти не были описаны в классических марксистских работах и не вытекают прямо из того факта, что пролетарий является объектом, часть труда которого присваивается капиталистом»¹⁷⁷.

Но и в таком случае протестный потенциал рабочего класса может быть поставлен под сомнение. В частности, можно указать на то, что вся история рабочего движения развитых стран – это (за редкими исключениями) история компромиссов с правящим классом. В обмен на улучшение социально-экономического положения рабочих буржуазия обретала стабильность и получала реальный контроль над положением вещей. Политика Р. Рейгана и М. Тэтчер отчетливо вскрыла слабость рабочего движения. Как пишет П. Мейсон, «белые рабочие юга США привели к власти Рейгана; многие квалифицированные британские рабочие, уставшие от хаоса, переметнулись на сторону консерваторов в 1979 г., позволив Тэтчер на десять лет занять должность премьера. Откровенный консерватизм рабочего класса никуда не делся: он всегда хотел порядка и процветания и к 1979 г. уже не верил, что кейнсианская модель может их обеспечить. К середине 1980-х годов рабочий класс развитого мира всего за пятнадцать лет проделал путь от пассивности к забастовкам и полуреволюционной борьбе и потерпел стратеги-

¹⁷⁶ См.: Gorz A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. London: Pluto Books, 1987.

¹⁷⁷ Бузгалин А.В. Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // Свободная мысль. 2014. № 1. С. 142.

ческое поражение. Западный капитализм, на который организованый труд, сосуществовавший с ним почти два столетия, оказал огромное влияние, больше не мог мириться с рабочей культурой солидарности и сопротивления. Перенесение производства за рубеж, деиндустриализация, антипрофсоюзные законы и упорная идеологическая война ее уничтожили»¹⁷⁸. Схожая картина наблюдается и сегодня. Как отмечает В. Межуев, «рабочее движение в наши дни утратило характер политической борьбы за власть и скорее смахивает на экономический торг за более выгодные условия труда. Оно давно не испытывает потребности к объединению во всемирном масштабе, да и сами социалистические партии на Западе менее всего напоминают сегодня политические организации рабочего класса, проникнутые духом пролетарской солидарности и интернационализма»¹⁷⁹. «Необходимо признать, – пишут А. Коряковцев и С. Вискунов, – что во время нынешнего глобального экономического кризиса классовая борьба, ставшая действительно массовой во всем мире, все же направлена не столько против капитализма самого по себе, сколько за восстановление полуразрушенной неолибералами системы перераспределения – за модернизированный кейнсианцами капитализм, точнее, за его “социалистические подпорки”»¹⁸⁰.

Кроме того, включив в категорию «рабочий класс» и большую часть наемных работников, мы начинаем иметь дело «совокупностью весьма гетерогенных протоклассовых образований, основной особенностью которых является отсутствие *классовой солидарности*, наблюдавшейся у «классического» пролетариата (тогда условия труда способствовали объединению масс тружеников в рамках больших производств). Более того, в категорию «наемные работники» входят и люди, в чьих интересах скорее служить буржуазии, нежели бороться с ней (например, менеджеры).

Однако существует и более фундаментальная причина, по которой рабочий класс не подходит на роль социального субъекта пе-

¹⁷⁸ Мейсон П. Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016. С. 289.

¹⁷⁹ Межуев В.М. Маркс против марксизма: Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. С. 96.

¹⁸⁰ Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов. Драма философских идей в 18 главах с эпилогом. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. С. 17.

рехода к посткапиталистическому обществу. Дело в том, что основным мотивом борьбы рабочего класса является *материальная нужда*. Не случайно Т. Иглтон относит к рабочему классу всех тех, кто не *обладает реальной свободой и властью и выполняет тяжёлую работу*. Рабочий класс революционен лишь тогда, когда находится в критическом положении. Но, во-первых, как уже говорилось, это критическое положение можно преодолеть за счет компромиссов. А во-вторых, революция, движимая испытывающими нужду людьми, чревата *разрушением культуры* (может ли быть в достаточной мере культурным человек, который «не обладает реальной свободой»?). Между тем многие исследователи подчеркивают, что переход к посткапитализму – это не просто сбрасывание оков, а в том числе развитие культуры, постепенное освобождение от отчужденного труда. По словам Межуева, «как либерализм означает не уничтожение государства, а его перевод в правовое и конституционное пространство, так и социализм вопреки своим крайним – революционным – версиям призывает не к насильственной ликвидации рыночной экономики и денег, а к постепенному ограничению их власти над человеком. Последнее достигается максимально возможным на данный момент сужением пространства “экономической необходимости” и вытекающим отсюда расширением пространства (“царства”) свободы. Это пространство можно назвать также пространством культуры»¹⁸¹. То есть революция должна быть не столько разрушительной, сколько созидательной, *благородной*. Неудивительно поэтому, что в качестве альтернативного претендента на роль социального субъекта перехода к посткапиталистическому обществу иногда рассматривают «*креативный класс*»¹⁸².

¹⁸¹ Межуев В.М. Маркс против марксизма: Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. С. 101.

¹⁸² См.: Бузгалин А.В. Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // Свободная мысль. 2014. № 1. С. 135–146; Колганов А. И., Бузгалин А. В. Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 120-130; Бузгалин А. В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43-53; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18-28.

Представители «креативного класса», как правило, разделяют постматериалистические ценности, они занимаются творчеством, которое не всегда получает должную оценку в мире товаров и капитала, а потому капитализм может быть для них препятствием. Проблема, однако, в том, что нет никаких данных, которые бы указывали на существенный протестный потенциал «креативного класса» (и в целом, можно ли вообще говорить о креативном классе?). Более того, по заключению исследователей, представители этого «класса» сегодня чувствуют себя гораздо лучше остальных. Уровень удовлетворенности работой у них выше, чем у кого бы то ни было еще, причем труд их неплохо оплачивается¹⁸³. Труд креативщиков вплетен в структуру современной экономики. Как пишет Д. Лэйн, он «прекрасно вписывается в неолиберальные изменения. Элиты в бизнесе, политике, медиа и академических кругах становятся крайне взаимозависимыми и легитимными в неолиберальной идеологии. Высшее образование подчинено рыночным критериям, интеллектуальные продукты оцениваются по их вкладу в экономику. Коммерческие интересы проникают в науку, и права интеллектуальной собственности защищают прибыли собственников изобретений»¹⁸⁴. Есть и другая проблема, на которую обращает внимание, в частности, Р. Флорида: «У креативного класса нет классового самосознания. Рабочий класс индустриальной эпохи формировался на основе прочных связей и был сосредоточен на заводах и в городских районах с высокой плотностью населения. Напротив, креативный класс – это крайне индивидуалистическая и даже разобщенная социальная группа»¹⁸⁵.

Еще одним возможным претендентом на роль социального субъекта перехода к посткапитализму выступает *прекариат* – растущая социальная прослойка людей, не имеющих стабильной работы и трудовых гарантий. Согласно Г. Стэндингу, впервые описавшему эту прослойку, «прекариат не является частью “рабочего класса”, или “пролетариата”», ибо «многие из тех, кого мы называ-

¹⁸³ См.: Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

¹⁸⁴ Лэйн Д. „Посткапитализм“ как новая экономическая система: критика // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 14.

¹⁸⁵ Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 16.

ем прекариатом, ни разу не видели своего работодателя, не имеют понятия, сколько сотрудников на него работают сейчас и сколько еще он намерен нанять в будущем. Прекариат нельзя отнести также и к среднему классу, поскольку у этих людей нет стабильного или предсказуемого жалования, нет статуса и пособий, которые должны быть у представителей среднего класса»¹⁸⁶. По мнению Ж. Тощенко, «прекариат непременно будет искать, сначала стихийными, а в будущем и организованными действиями, выход из неопределенности своего положения. Одна из граней постепенного осознания им такого положения... его возможная роль в ситуациях социальной напряженности. И хотя у прекариата нет еще сознания “класса для себя”, но его обретение может произойти точно таким же образом, как это случилось с пролетариатом, долгое время бывшим “классом в себе”. Современный прекариат использует не только проверенные в прошлые времена инструменты классовой борьбы – забастовки, митинги, стачки и т.п., но и новые непривычные, мало апробированные формы» вроде Европервая в Западной Европе и Японии, когда он «всеми способами и символами демонстрировал свою незащищенность и нестабильность»¹⁸⁷.

Однако и прекариат едва ли годится на роль социального субъекта перехода к посткапиталистическому обществу. Ведь прекариат – это социальная прослойка тех, кто страдает от социальной незащищенности. То есть это «страдающий», а не «творческий» класс. По сути, прекарий – это тот же пролетарий, но с некоторыми новыми особенностями. Он хочет прежде всего относительной социальной защищенности. Но эту защищенность капитализм вполне может ему обеспечить, предоставив доступ к небольшой доле общественного пирога посредством выплаты пособий на существование (нищенская форма безусловного дохода). Это не сильно ударит по кошелькам налогоплательщиков, ибо ввиду научно-технического прогресса минимальный набор материальных благ будет дешеветь¹⁸⁸. Стратегия всеобщего благосостояния, долгое время усмирявшая пролетариат, сменится, таким образом, стратегией распределения общественной *ренды*. Сложившееся в результате *рентное*

¹⁸⁶ Стэндинг Г. Прекариат: Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014. С. 19.

¹⁸⁷ Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 9.

¹⁸⁸ См.: Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: Neoclassic, АСТ, 2017.

*общество*¹⁸⁹, в рамках которого большое значение приобретет борьба различных социальных слоев за ренту, трудно назвать посткапиталистическим, ибо рыночная экономика и прочие атрибуты капитализма при таком сценарии никуда не исчезнут. Капитализм лишь станет менее «благородным»: глобальной буржуазии будет доставаться политическая рента от неограниченного влияния на общество, а «лишним людям» – рента социальная, своего рода подачка.

Кроме того, нужно иметь в виду, что есть и такие, кого «нестабильная» жизнь полностью устраивает. Действительно, как отмечает И. Бусыгина, «существует достаточно серьезная литература, утверждающая, что знаковая фигура современного капитализма – вовсе не “прекариат аномичный и недовольный”, но “прекариат креативный”. Иными словами: ролевые модели современного капитализма – это фрилансеры и контрактники, занятые в сферах искусства, науки, средствах массовой информации, а капитализм XXI в. как раз предоставляет преимущества тем, кто готов к риску и ответственности, гибкой занятости, кто ценит невещественный труд»¹⁹⁰.

Итак, если рабочий класс, «креативный класс» и прекариат не способны привести общество к «посткапиталистической революции», то какая же социальная сила может взять на себя решение этой задачи? Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего, на наш взгляд, нужно отбросить понятие «класс», означающее в марксистской традиции отношение к собственности на средства производства.

В целом, в последнее время есть основания сомневаться в том, что основной социальной силой перехода к посткапиталистическо-

¹⁸⁹ См.: Давыдов Д.А., Фишман Л.Г. Грядущее рентное общество // Свободная мысль. 2015. № 5. С. 151–164; Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. От капитализма к рентному обществу? // Полития: Анализ, Хроника, Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2015. № 1 (76). С. 39–54; Мартьянов В.С. Рентная демократия // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Т. 16. № 3. С. 41–60; Мартьянов В.С. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 141–153; Фишман Л., Мартьянов В., Давыдов Д. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2019.

¹⁹⁰ Бусыгина И.М. Прекариат: новый вызов для современных обществ и его концептуализация (Размышления над книгой Г.Стэндинга) // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 42.

му обществу будет являться какой-либо *общественный класс*. В Предисловии к работе «К критике политической экономии» (1859 г.) Маркс пишет: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации [die ökonomische Gesellschaftsformation]»¹⁹¹. Но здесь возникает вопрос: *почему социальная сила, ведущая за собой человечество к миру свободы (в том числе от материальных ограничений), сама должна определять себя положением в экономической, то есть порождаемой нуждой и материальной целесообразностью, системе?*

В данном месте концепция Маркса начинает противоречить сама себе (хотя, конечно, ни о какой целостной теории общественных формаций у Маркса говорить не приходится). Маркс видел, что смены общественных формаций осуществляли вовсе не «страдающие» классы. Иными словами, смена общественных формаций всегда происходила «под руководством» передовой социальной силы, появлявшейся в недрах старой общественной формации, но всегда «выпадавшей» из нее как нечто чуждое. Воле не угнетаемые крестьяне совершили переход к капитализму, а буржуазия. Но Маркс почему-то не экстраполирует ту же тенденцию на процесс перехода к посткапитализму. Он делает ставку на пролетариат, на «страдающий» в рамках старой системы класс, и искусственно присваивает ему моральный статус передового и освобождающего. Здесь, на наш взгляд, Маркс упустил то, что не мог еще видеть в XIX веке. Он вовсе не мог еще представить себе социальную силу, которая бы не определяла себя в рамках классов. Отсюда и ограниченность марксизма в рамках анализа современных глобальных общественных тенденций.

1.3. Личность как социальный субъект перехода к посткапиталистическому обществу

Таким образом, мы видим, что левая политическая мысль зашла в тупик, ибо не может найти адекватного кандидата на роль

¹⁹¹ Маркс К. К критике политической экономии / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 7.

ведущей социальной силы построения посткапиталистического общества. Поэтому и весьма симптоматичны слова одного из современных марксистов Ш. Сайерса. Он верно отмечает, что «Маркс описывает капитализм, каким тот был 150 лет назад, а по прошествии этих лет он претерпел множество различных изменений. Капитализм сейчас стал глобальной системой. И буржуазия, и рабочий класс сегодня другие. Промышленный пролетариат образца девятнадцатого века, описанный Марксом, серьезно сократился и представлен, главным образом, в Китае, Индии и в других подобных странах»¹⁹². Но далее он признает: «у меня нет ясных и простых теорий на данный момент, которые я бы мог предложить. Я не знаю, откуда могут появиться политические силы, способные свергнуть капитализм, и как они будут зарождаться»¹⁹³.

Поэтому мы попросту вынуждены искать ответы не только за пределами марксистской методологии, но и за пределами современной левой политической мысли в целом. Конечно, Маркс был прав во многом, и не нам его обвинять в том, что он не мог разглядеть ряд тенденций, которые проявятся только спустя 150 лет после написания его ключевых работ. Но марксизм необходимо *дополнить*. В этом отношении, весьма продуктивным будет заимствование ряда теоретических положений из *философии персонализма*.

Под словом «персонализм» часто понимают разные явления в философии. Персонализм можно понимать как совокупность онтологических и гносеологических учений, являющихся реакцией на деперсонализирующие элементы в рационализме Просвещения, пантеизме, абсолютном идеализме Гегеля и т.п. В таком случае персонализм оказывается формой субъективного идеализма, ставящего в центр рассмотрения бытие личности (здесь преуспели американские персоналисты Б.П. Боун, Дж.Х. Ховисон и др.).

¹⁹² Сайерс Ш. Идея коммунизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. № 1. С. 16.

¹⁹³ Там же.

Далее под персонализмом мы будем понимать скорее *социальную философию*, активно развивающуюся в 1920-е – 1950-е годы XX века. Ключевые социально-философские работы, которые смело можно называть персоналистскими, появились в России еще до Октябрьской революции и принадлежат, прежде всего, перу Н.А. Бердяева (хотя можно отметить и имена Л. Шестова, Н.О. Лосского и др.). Только впоследствии своя сильная школа персонализма появится во Франции (да и сам Бердяев туда эмигрирует на знаменитом «Философском пароходе»). Среди французских персоналистов можно отметить Э. Мунье, М. Недонсея, П.-Л. Ландсберга, Ж.-М. Доменака, Ж. Лакруа и др.

В чем сущность персонализма как социальной философии? Прежде всего, это один из вариантов *экзистенциальной философии*. При этом под экзистенциальной философией мы понимаем такую, для которой главными являются экзистенциальные вопросы (о человеческом страдании и наслаждении, подлинности и неподлинности человеческого бытия, о переживании своего бытия в мире и т.п.). В таком смысле, как показывает П.Н. Кондрашов, и философия Маркса – это тоже вариант экзистенциальной философии, ибо «она начинается как философия человеческого страдания и завершается учением об историческом преодолении этого страдания, учением об освобождении»¹⁹⁴.

Персонализм – экзистенциальная философия, ибо обеспокоена характерными проблемами: «заброшенность» человека в мир, его одиночество, страх утраты смысла жизни, отчуждение, превращение человека в часть безликой массы, утрата веры в трансцендентное и вообще кризис веры в Бога, превращение человека в конечное смертное существо и трагедия такого существа. Здесь чувствуется непосредственная связь с экзистенциализмом А. Камю, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса и других. Но экзистенциализм – это субъективистская философия, которая берет в качестве отправного пункта замкнутого-в-себе индивида (для-себя-бытие у Ж.-П. Сартра и т.п.). В этом отношении *марксизм и персонализм – представляют собой противоположные экзистенциализму разновидности экзистенци-*

¹⁹⁴ Кондрашов П.Н. Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 34.

альной философии, которые рассматривают проблемы не замкнутого-в-себе, а *социализированного индивида*.

Появление персонализма было своеобразной интеллектуальной реакцией на перемены, которые происходили с обществом в XX веке. Это: а) утрата веры в Бога и торжество бездушного рационализма; б) дегуманизация в массовом обществе, превращение человека в безликий винтик гигантской «индустриальной машины»; в) распространение буржуазных и мещанских ценностей, превращавших человека в эгоистичное и замкнутое на своих повседневных проблемах существо. Впоследствии французский персонализм, бурно развивающийся в 1930-х гг., станет активно критиковать фашизм и марксизм (здесь имеется в виду скорее «догматический» марксизм сталинского СССР) как две формы радикального коллективизма, подавляющего свободу человека. Однако персонализм станет также непримиримым врагом либерализма и вообще капитализма.

Ключевым термином для философии персонализма является «личность». Чтобы понять, что подразумевают под «личностью» персоналисты, нужно внести ясность в терминологический «контекст». Само слово «личность» крайне многозначно. В русском языке оно имеет, как минимум, три значения. Во-первых, слово «личность» может быть синонимом слова «индивид». Например, если речь идет о «подозрительной личности», то имеется в виду просто «подозрительный человек». В таком значении слово «личность» обозначает человека как единичного представителя вида *Homo sapiens*. Во-вторых, словом «личность» обозначают лицо или конкретные черты наружности данного индивида (например, «опознать личность подозреваемого»). В-третьих, под «личностью» подразумевают не просто индивида, его индивидуальные внешние черты или особенности его психики, но скорее его социальные качества. Именно такое определение личности как совокупности «социальных проявлений» индивида часто встречается, например, в учебниках по обществознанию для школьников. Однако, на наш взгляд, существует еще более узкий подход к определению слова «личность». Проблема в том, что подразумевать под социальными качествами. Например, мы можем охарактеризовать того или иного индивида по совокупности исполняемых им социальных ролей, но при этом так ничего и не скажем о том, что в нем есть такого, что

выделяло бы его на фоне остальных. Человек может быть, например, отличным семьянином, хорошим другом и честным гражданином. Все это, несомненно, его социальные качества, но они не раскрывают присущих только ему черт, не выделяют его из «серой массы». Иными словами, даже в тоталитарном антиутопичном обществе могут быть сотни тысяч отличных семьянинов, хороших друзей и «честных граждан».

Конечно, не обязательно, понятая таким образом личность – это часть толпы или массы. Например, можно взять эпизод из книги Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», в котором главный герой любовно вспоминает своего деда:

«Когда я был мальчишкой, умер мой дед, он был скульптором, а еще добрейшим человеком, с большим запасом любви, которую он отдавал миру; он помог навести порядок в нашем городке, и мастерила для нас игрушки, и вообще переделал в жизни миллион дел. А когда он умер, я вдруг понял, что плачу вовсе не о нем, а о тех вещах, которые он переделал. Я плакал, потому что он больше никогда ничего не смастерит, никогда не сможет резать по дереву, не поможет нам разводить голубей на заднем дворе, не будет играть на скрипке – так, как умеет только он, не будет рассказывать нам анекдоты – так, как тоже умел только он. Он был частью нас самих, и когда он умер, умерли и все его дела, и не было бы никого, кто мог бы делать их так, как он»¹⁹⁵.

Этот пример примечателен тем, что здесь подчеркиваются скорее социально-групповые черты личности, чем социально-индивидуальные. Конечно, речь идет о том, что делал дед главного героя, как «умел только он». Но скорее всего это – просто эмоциональное преувеличение. Здесь то, что «умел только он» индивидуально и неповторимо именно для главного героя. По большому счету индивидуальность деда складывается путем сочетания неиндивидуальных черт. Данную личность можно отнести в группы: тех, кто хорошо мастерила игрушки, режет по дереву, разводит голубей, играет на скрипке и т.п. Здесь нет ничего индивидуально-творческого. Это просто хороший пример good guy – «славного парня», который может быть душой компании, делать то, что нравится другим, но во всем его «творчестве» не будет ничего выдаю-

¹⁹⁵ Брэдбери Р.Д. 451' по Фаренгейту. М.: Эксмо, 2018. С. 221-222.

щегося, того, что оставит культурный след после смерти. Он может, конечно, играть на скрипке по-своему, но вряд ли это едва заметное своеобразие каким-то образом может быть интересно для большого круга людей. Именно поэтому «когда он умер, умерли и все его дела».

Соответственно, в другом случае слово «личность» обозначает уже *социально-индивидуальные* черты человека. *Личность оказывается единственной в своем роде, подлинной индивидуальностью, субъектом творческой деятельности.* Здесь личность – это уже не просто «славный парень», а, скорее, «парень, имеющий славу». Иными словами, личность при таком понимании – *это социально реализованная индивидуальность, тот, кто не просто нашел применение своему творчеству, но сделал нечто полезное, новое и социально признаваемое, а потому делающее его в некотором роде бессмертным.*

Разумеется, если мы взглянем на все четыре возможные значения слова «личность», то наиболее привлекательным с точки зрения видения идеального будущего будет общество личностей именно как состояние, при котором каждый имеет реальную возможность обрести и проявить свои социально-индивидуальные качества. Примерно в таком смысле говорят о *личности* персоналисты.

Но стоит также отметить, что для философов-персоналистов личность – это не отдельный индивид. Персонализм – это не разновидность философии индивидуализма. Более того, персоналисты *всеми силами критиковали буржуазный индивидуализм.* Понятие личности в персоналистском значении также не стоит сводить к понятию «индивидуальность». Индивидуальность – это совокупность отличительных черт той или иной особи, но эти черты могут характеризовать также эгоистического индивидуума (если человек покрывает все свое тело наколками, это еще не делает его личностью в персоналистском значении). Личность в персонализме – *это трансцендирующий, выходящий за свои собственные пределы посредством творчества, преодолевающий ограниченность его, человек.* При этом творчество персонализм понимает не в узко материалистическом смысле «создания предметов и культурных продуктов». Как уже отмечалось выше, персонализм – христианская,

экзистенциальная философия. Личность посредством творчества обретает *смысл жизни*.

Обратим внимание на социально-философскую составляющую философии персонализма. Как уже отмечалось, персонализм противопоставляет себя коллективизму и буржуазному индивидуализму. Личность для персонализма – это состояние гармонии между индивидуальным и общественным, между неповторимым и всеобщим. Личность являет себя миру в творчестве, возвышении, движении к Богу. Но в этом – акт ее *свободы, проявление индивидуальных неповторимых черт и качеств*. Личность – это трансцендирующая индивидуальность, это *вовлеченный, неравнодушный* человек, черпающий свое внутреннее богатство путем *духовного обогащения других в творчестве*. Как нельзя лучше сущность персоналистского понимания личности выразил Э. Мунье: «личность – это духовное существо, конституируемое, как таковое, способом существования и самостоятельностью в своем бытии; она поддерживает это существование посредством принятия некоторой иерархии свободно применяемых и внутренне переживаемых ценностей, посредством ответственного включения в деятельность и постоянно осуществляемого обращения: таким образом, она осуществляет свою деятельность в свободе и сверх того развивает посредством творческих актов свое призвание во всем его многообразии»¹⁹⁶.

Здесь мы приближаемся к проблематике перехода к посткапиталистическому обществу. Дело в том, что общественный идеал философов-персоналистов – это своеобразная форма социализма, ставящая высшей целью построение общества на *личностных началах*. При этом персоналисты не признают того, что пролетариат – это «освобождающая» социальная сила. Они считают, что *революция духовная должна предшествовать революции политической*. Без революции духовной, масса неизбежно поглощает личность, и благие намерения революции трансформируются в беспощадную тоталитарную диктатуру. Для них только *сама личность* может являться движущей социальной силой перехода к посткапиталистическому обществу. Как пишет Бердяев, «мне трудно вполне принять какую-либо политическую революцию потому, что я глубоко

¹⁹⁶ Мунье Э. Манифест персонализма / Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Издательство «Республика», 1999. С. 301.

убежден в подлинной революционности личности, а не массы, и не могу согласиться на ту отмену свобод во имя свободы, которая совершается во всех революциях»¹⁹⁷. Главной ошибкой большевиков персоналисты считали то, что они проблему свободы свели исключительно к проблеме материальной обеспеченности масс. Как отмечает Э. Мунье, «достаточно только посмотреть вокруг, чтобы убедиться в том, что исчезновение элементарных забот и доступ к лучшим условиям жизни с неизбежностью влекут за собой не освобождение человека, а скорее ведут к его обуржуазиванию и духовной деградации»¹⁹⁸.

На наш взгляд, тезис о том, что именно личность (в персоналистском понимании) будет являться движущей силой перехода к посткапитализму, сегодня становится актуальным. Но у персонализма – множество своих собственных уязвимостей. И главная уязвимость – наивный утопический идеализм, который давным-давно разоблачили Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». Социальная и политическая философия персонализма – это наивное спекулирование в духе «как все было бы здорово, если бы все устроилось по нашим благим пожеланиям». Тем не менее философия персонализма прячет в себе пару элементов, которые позволяют ее «приземлить» на почву марксизма и вступить с ним в продуктивный философский синтез.

Как мы видим, марксизм и персонализм придерживаются совершенно разных онтологических концепций. Марксизм – философия атеистическая, материалистическая, в то время как персонализм опирается на христианскую веру. Однако на самом деле у этих двух философских направлений много общего.

Начнем с того, что и сам марксизм нередко представлялся как своего рода религия. Говоря о своем «богостроительстве» в 1909 г., А.В. Луначарский для всеобщего поклонения предлагает бога в новых ипостасях: бог отец — производительные силы, бог сын — пролетариат, дух святой — теория социализма. Как отмечают К.Н. Любутин и С.В. Франц, «Ленин, справедливо подмечая гносеологические промахи Луначарского, не хотел признать справедливость

¹⁹⁷ Бердяев Н.А. Самопознание / Бердяев Н.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 479.

¹⁹⁸ Мунье Э. Манифест персонализма / Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Издательство «Республика», 1999. С. 297-298.

его вывода (сделанного задолго до А. Грамши): массы не могут усваивать философию иначе, как веру»¹⁹⁹. Фактическое изобретение пришедшими к власти марксистами своей гражданской религии – большая тема, которая требует отдельного рассмотрения.

Понятное дело, что «марксистская религия» того же Луначарского – это нечто принципиально другое, нежели то, о чем говорили персоналисты. Но далее стоит отметить, что сами философы-персоналисты никогда не утверждали, будто бы их воззрения – это некая философская *система*. Французские персоналисты допускали, что *возможен персонализм атеистический*. Приведем цитату Ж. Лакруа: «персонализм — это не философия в собственном смысле слова. Или, если угодно, возможно существование не одной, а нескольких философских концепций персонализма, питающихся одним и тем же вдохновением, но выводящих из него различные, во многом несхожие учения: существуют, например, атеистические и христианские концепции персонализма, не говоря уже о многих других»²⁰⁰. Различные версии и оттенки персонализма объединяет концепт личности. Но полагать процесс трансцендирования как момент выхода за свои собственные пределы можно не обязательно путем обращения к Богу. Это может быть проявление *любви к человеку и человечеству, момент единения с человечеством как таковым*. Понятное дело, что персонализм не был бы персонализмом без *момента иррационального, без момента веры, без поиска высшего предназначения человечества, высшего смысла истории*. Но такая вера вполне может заключаться в вере в *самого человека, в его творческие силы*.

Далее мы видим, что в вопросах критики буржуазного общества персонализм, по сути, имеет больше сходств с марксизмом, нежели расхождений. Н.А. Бердяев в молодости был марксистом, но он и в пожилом возрасте с уважением относился к Марксу. Как пишет Бердяев в своей автобиографической книге, «я вполне принимал марксовскую критику капитализма. Марксизм раскрывал возможности победы революции, в то время как старые революци-

¹⁹⁹ Любутин К.Н., Франц С.В. Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. URL:

<http://lunacharsky.newgod.su/issledovania/rossijskie-versii-marksizma/religia-i-socializm/>

²⁰⁰ Лакруа Ж. Персонализм: истоки - основания – актуальность / Лакруа Ж. Персонализм: избранное. М.: РОССПЭН, 2004. С. 15-16.

онные направления потерпели поражение»²⁰¹. Как нам представляется, персоналистам вообще свойственно двойственное отношение к наследию Маркса, которое можно выразить словами Ж. Лакруа: «что касается материализма, метод Маркса является верным в критике капитализма. Он является правдивым отражением наших слабостей и предательств. Однако он выступает также как классовая философия. Эта философия искажает человека, искажая его разум. <...> Марксу недоставало веры в “личность”, в ее формирование и эволюцию – он хотел вверить судьбу человечества пролетариату, а сам пролетариат – неумолимому ходу истории, который пролетариат в состоянии лишь ускорить, но никогда не может изменить его направленность. Нет ничего более расслабляющего, чем идея фатального прогресса»²⁰².

Но отметим, что как раз акцент на революционной роли пролетариата противоречит теоретической *системе* Маркса. Маркс просто не смог найти другого, более подходящего кандидата на роль социального субъекта перехода к посткапиталистическому обществу. Он жил во времена, когда капиталистическая формация еще толком не сформировалась, чего уж говорить о формации посткапиталистической. Если мы примем на роль ведущего социального субъекта перехода к посткапитализму именно *личность*, то в таком шаге не будет ничего противоречащего теоретической логике Маркса. Именно так можно избежать противоречий, возникающих при попытке охарактеризовать субъект будущего общества в категориях общества прошлого. Согласимся с А. Коряковцевым: «Человечность как рабочего, так и буржуа в одинаковой степени проявляется в той мере, в какой они превосходят свой классовый статус. Конечно, отдельные персоны из ремесленной или фабрично-заводской среды могли подняться до высот рефлексии (В. Вейтлинг и И. Дицген), но суть дела заключается в том, что они в этом случае переставали быть рабочими и ремесленниками»²⁰³. Иначе говоря, социальную сущность субъекта посткапиталистического общества

²⁰¹ Бердяев Н.А. Самопознание / Бердяев Н.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 464.

²⁰² Лакруа Ж. Персонализм: истоки - основания – актуальность / Лакруа Ж. Персонализм: избранное. М.: РОССПЭН, 2004. С. 153.

²⁰³ Коряковцев А.А. Революционность рабочего класса: марксистская теория и современная реальность // Социум и власть. 2013. № 4: С. 67.

не стоит определять положением в мире товарно-денежных отношений.

Правда, здесь неизбежно возникает вопрос: не является ли личность в предложенном ее понимании лишь другим обозначением представителя «креативного класса»? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Дело в том, что «креативный класс» – понятие одновременно и слишком узкое, и слишком широкое. Представителя «креативного класса» могут заботить одни только деньги, а личность возможна и в постклассовом обществе. Кроме того, *стремлением к творческой самореализации отличаются не только «креаторы», оно может быть присуще любому человеку – от простого рабочего до политика и бизнесмена.* Это немаловажно, ибо в гипотетической революции личности нельзя недооценивать потенциал тех предпринимателей, которые стремятся скорее к *творческому преобразованию мира*, чем к роскоши (деятельность людей вроде Илона Маска плохо сочетается с привычным образом буржуа как прежде всего эксплуататора наемных работников). Не выглядят убедительными и попытки отыскать в «креативном классе» нечто вроде *по-настоящему революционного крыла*. Такую попытку можно встретить, в частности, у А.В. Бузгалина, который полагает, что вести борьбу за светлое будущее «будут представители “креативного класса”, не подчиненные непосредственно капиталу», ссылаясь «в качестве примера на значительную часть учителей, социальных работников и т.п.», то есть «субъектов по преимуществу творческой деятельности, занятых в бюджетной сфере и проявляющих в последние десятилетия очень большую активность»²⁰⁴. Фактически речь идет об исключении из рассмотрения тех, кто не входит в категорию «бюджетников», что едва ли можно считать обоснованным.

Понятие «личность» в целом не чуждо марксизму. Хотя у Маркса оно встречается довольно редко, само его учение есть, по сути, учение об *освобождении личности*. «На самом деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д. индивидов, со-

²⁰⁴ Бузгалин А.В. XXI век и «провалы марксизма»: в чем был прав и в чем ошибался Маркс? / А.В. Бузгалин, ред. Марксизм: Альтернативы XXI века. Дебаты постсоветской школы критического марксизма. М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 254.

зданных универсальным обменом? – читаем мы в “Очерке критики политической экономии”. – Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т.е. как над силами так называемой “природы”, так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»²⁰⁵.

Относительно близкий к предложенному нами взгляд на искомый субъект можно найти у Э. Фромма. С одной стороны, он пишет о рабочем классе в широком смысле слова как о наемных работниках: «сегодня перспектива создания нового общества привлекает тех, кто страдает от отчуждения, занят наемным трудом и не имеет крупной собственности, то есть речь идет не о меньшинстве, а о большинстве населения»²⁰⁶. С другой стороны, он говорит уже о внутренних мотивах человека, его природном стремлении к «подлинному бытию»: «ориентация на бытие является огромной потенциально силой человеческой натуры. Разумеется, не следует забывать, что в чистом виде принципом обладания руководствуется не слишком много людей, так же точно, как и ориентация на бытие в чистом виде является достоянием сравнительно небольшой группы людей. Большинству людей присущи обе тенденции (в каждом человеке живут и обладательные, и экзистенциальные черты), и какая из них победит – зависит от характера общества»²⁰⁷.

Мы осознаем, что концептуализация личности как социального субъекта перехода к посткапиталистическому обществу может вызывать ряд вопросов. Например, почему именно сегодня можно вести речь о *революционности* личности? На то есть несколько при-

²⁰⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / Маркс К. и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 46, ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. С. 275.

²⁰⁶ Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2017. С. 308.

²⁰⁷ Там же. С. 305.

чин. Во-первых, рост материального благосостояния в развитых странах приводит к ценностным трансформациям. Люди начинают все больше заботиться о своей индивидуальности, задумываться о своем предназначении. Работа перестает быть просто способом заработка, превращаясь в то, что должно приносить удовольствие, способствовать *самореализации*. Выше упоминалось, что для некоторых представителей «креативного класса» *быть кем-то, быть личностью* уже важнее, чем много зарабатывать или много потреблять. Но, что существенно, рост постматериалистических ценностей – явление надклассовое. Здесь можно вспомнить выводы Р. Инглхарта и К. Вельцеля о повышении значимости подобных ценностей в развитых странах²⁰⁸ или, скажем, исследования социальных психологов, показывающие, что современная молодежь больше проникнута ценностями самореализации, чем предыдущие поколения²⁰⁹. Поэтому *революция личности уже идет, но фоном, на уровне трансформации ценностей*.

Но в чем же заключается общность интересов отдельных личностей, стремящихся к самореализации?

NB! Автор данной монографии категорически не согласен с тем, что революционная социальная сила должна быть непременно *сплоченной* (при этом еще и в длительный промежуток времени), сливаться в единую политическую силу-массу и т.п. Это было бы как раз исключением из правил. Ни одна ведущая к смене общественной формации революция не осуществлялась сплоченными социальными силами-классами (представители которой альтруистичны по отношению друг к другу, солидарны и т.п.). Напротив, земельные собственники сословно-классовой формации постоянно друг с другом враждовали. В антагонистических отношениях друг к другу находились и находятся и представители класса буржуазии (которые ведут ожесточенную конкурентную борьбу). Это не исключает ситуативных объединений, временной «солидаризации» по отдельным вопросам.

²⁰⁸ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

²⁰⁹ См.: Twenge J.M. Generation Me: Why Today's Young Americans Are More Confident, Assertive, Entitled – and More Miserable Than Ever Before. New York: Atria Books, 2014.

Начнем с того, что мы не отрицаем участия представителей рабочего класса, прекариата или «креативного класса» в процессе перехода к посткапиталистическому обществу. Им всем может быть присуще неприятие капитализма. Однако в основе такого неприятия должны лежать прежде всего ценности личности. Рабочего может не удовлетворять низкая зарплата или отсутствие свободного времени, но речь о его подлинной посткапиталистической субъектности будет идти только тогда, когда материальные средства и свободное время будут нужны ему для творчества, а не для еще большего потребления. Прекарий может быть недоволен нестабильностью своего социального положения, но говорить о его посткапиталистической субъектности правомерно лишь в том случае, если социальная защищенность рассматривается им как условие саморазвития и самореализации (а не прожигания жизни в праздности). Аналогичным образом обстоит дело и с «креатором» – только наличие у него по-настоящему гуманистических устремлений будет свидетельствовать о его *посткапиталистической субъектности*.

Однако будет ли переход к посткапиталистическому обществу походить на духовное движение, которое стремится к «возрождению» личности, к духовному богатству, росту творческих проявлений человека, его подлинной свободе и т.п., как о том говорили философы-персоналисты? Думается, такой спекулятивный идеализм необходимо отбросить, вернувшись к диалектической методологии Маркса.

Стоит отметить, что в своих рассуждениях мы довольно близко подошли к той трактовке субъекта перехода к посткапитализму, которую предлагает А.В. Бузгалин. «Точно так же как буржуазные революции и реформы осуществляли не основные классы феодального общества (не сеньоры, не крепостные), а выросшие из их разложения новые общественные силы (по генезису преимущественно представители... “третьего сословия”), – пишет он, – так же и социалистические преобразования будут осуществлять не буржуа, не наемные работники как таковые, а выросшие из их разложения (и по генезису преимущественно наемные работники) *субъекты ассо-*

циированного социального творчества»²¹⁰. Вместе с тем Бузгалин не идет дальше гипотезы о том, что движение к посткапитализму будет в своей основе результатом самоорганизации творческих людей. Он *идеализирует* творческого индивида. По его мнению, этот индивид должен стремиться к «снятию» капитализма, чтобы освободиться от оков капиталистических отношений. Однако есть основания полагать, что дело обстоит несколько сложнее. «Личность» – категория сложная и противоречивая.

Словосочетание «творческая личность», как правило, имеет положительные коннотации. В нашем языке все, что связано с творчеством, со стремлением к самосовершенствованию и т.п. окрашено в позитивные тона. Соответственно, общество творческих личностей автоматически рассматривается как своего рода идеал, где каждый по-настоящему свободен, располагает достаточным свободным временем для саморазвития, стремится к чему-то благому, занимается любимым делом. Но проблема в том, что невозможна масса личностей. Поиск своего «я» – это всегда поиск своего «социального я», «я», которое чем-то отличается от *других*, превосходит и оттеняет их. Об этом хорошо высказался Н.А. Бердяев, всю жизнь писавший о личности: «без общественного разделения труда никогда личность не могла бы подняться, не могла бы выделиться из первоначального коммунизма равной тьмы. Индивидуальность, личность человеческая не дана изначально в природном и историческом мире, она в потенциальном состоянии дремлет в хаотической тьме, в зверином равенстве и освобождается, поднимается и развивается лишь путем трагической истории, путем жертв и борьбы, через величайшие неравенства и разделения, через государства и культуры с их иерархическим строем и принудительной дисциплиной»²¹¹. Таким образом, личность сильна там, где есть (а) некая «трагическая история», которая позволяет ей подняться из хаотической тьмы путем освобождения и борьбы, и (б) некоторое количество вдуманных людей, готовых воспринимать ее идеи, почитать или любить ее. Личности нужно как-то определять, *находить саму себя*. «Неравенство, – отмечает Бердяев, – есть основа всякого космиче-

²¹⁰ Бузгалин А.В. По ту сторону «царства необходимости» (Эскизы и концепции). М.: Экономическая демократия, 1998. С. 131.

²¹¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010. С. 68.

ского строя и лада, есть оправдание самого существования человеческой личности и источник всякого творческого движения в мире. Всякое рождение света во тьме есть возникновение неравенства. Всякое творческое движение есть возникновение неравенства, возвышение, выделение качеств из бесконечной массы»²¹². Личность, согласно Бердяеву, рождается в *момент отрицания*. «Всякое творческое движение, – пишет Бердяев, – есть возникновение неравенства, возвышение, выделение качеств из бескачественной массы»²¹³. Русский философ мыслит *диалектически*. Высшее бытие личности заключается в постоянном *отрицании зла, отрицании обиденности, мещанства, безликости*, но без всего этого не будет и личности. И это означает также, что чем больше в мире зла, тем сильнее стремящаяся к единению с Богом личность проявляет именно свои *личностные* качества.

Соответственно, вполне вероятно, что процесс перехода к посткапитализму вызовет к жизни *новые социальные противоречия*. Разумеется, некоторая часть современного «креативного класса», рабочего класса и прекариата – потенциальные союзники. Представители «креативного класса» тоже нередко находятся в стесненных обстоятельствах. Более того, среди «креативного класса» есть немало тех, кого можно прямо отнести к прекариату. Речь идет о так называемых фрилансерах. Как признает Р. Флорида, «в действительности работа фрилансера сопряжена со значительными рисками. Найти подходящую работу не так уж легко, особенно в период глубокого экономического спада, и она не всегда хорошо оплачивается»²¹⁴. Поэтому нас не удивит, если часть «креативного класса» выступит под единым антикапиталистическим флагом с представителями других «опасных» классов.

В то же время необходимо иметь в виду, что *яркая личность – враг посредственности*. Именно деятельность наиболее яркого звена «креативного класса» приводит к тому, что тысячи людей по всему миру ежегодно лишаются работы²¹⁵. Именно «креаторы» со-

²¹² Там же. С. 61.

²¹³ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. С. 61.

²¹⁴ Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 102.

²¹⁵ См. Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

здают роботов и программное обеспечение, которые делают «лишними», бесполезными для общества и экономики целые профессии. И если капитализм перестанет существовать, ситуация вряд ли в корне изменится. Всегда будут десятки (или сотни) людей, которые опережают тысячи, находят новые идеи, совершают технологические прорывы и научные перевороты. И всегда будут те, чей труд оказался невостребованным или напрасным. И чем дальше (особенно с учетом экспоненциального развития технологий²¹⁶), тем меньшее количество людей будет производить потребительные стоимости, тогда как многие миллионы не смогут найти себе применение, которое они сами рассматривали бы как достойное. В каком-то смысле их положение может быть еще хуже, чем при капитализме, ибо капиталистическая экономика (особенно «золотых времен» государства всеобщего благосостояния) постоянно создавала новые рабочие места, чего не скажешь с уверенностью о сферах приложения человеческого труда в высокотехнологическом будущем.

NB! Отметим, что здесь нет никакого противоречия с одним из тезисов первой части монографии, утверждающим, что потребность в общественно-необходимом труде никогда не исчезнет. Прежде всего речь идет о том, что тенденция к росту численности «лишних людей» неизбежна для современного капиталистического общества, постепенно превращающегося в рентно-сословное²¹⁷. «Лишний человек» – это тот, кто не может найти себя в мире «ускоряющихся перемен», у которого не хватает ни материальных средств, ни навыков, ни образования, ни каких-то социальных лифтов, чтобы перейти в «высшую» страту востребованных и высокооплачиваемых творческих наемных ра-

²¹⁶ См.: Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: Neoclassic, АСТ, 2017.

²¹⁷ См.: Фишман Л., Мартьянов В., Давыдов Д. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2019. Как отмечает М.Г. Делягин, «человечество возвращается к некоему новому феодализму, в котором огромные массы «лишних» людей будут жить под жестким и не осознаваемым ими информационным контролем на социальных пособиях в условиях генерируемых коллективных эмоций и поддерживаемой для обеспечения контроля искусственной напряженности. В определенных ситуациях они могут уничтожаться, хотя в целом их популяция будет поддерживаться для порождения талантов, нужных руководящей элите для обеспечения комфорта, а также участия в управлении и внешней конкуренции» (Делягин М.Г. Чего мы не знаем? // Свободная мысль. 2015. №1 С. 49).

ботников, крупных менеджеров или капиталистов. Разумеется, посткапиталистическое общество сможет с этим бороться (об этом мы поговорим ниже). Однако процессы роботизации, развитие технологий искусственного интеллекта и т.п. могут стать дополнительной угрозой для тех, кто стремится к творческой самореализации. В конце концов, в сфере общественно-необходимого труда человек, скорее всего, будет «востребован» еще очень долгое время, но совершенно не факт, что он сможет *найти себя как творческая личность*.

Дело осложняется тем, что *развитие производительных сил в современных условиях влечет за собой сужение пространства для самореализации*. Парадоксальным образом рост ценностей личности сочетается с появлением огромного числа объективных препятствий на пути самореализации. По сути, речь идет уже о создании *машин, способных к творчеству*. «У думающей машины будут все преимущества современных компьютеров, включая способность выполнять вычисления и обрабатывать информацию со скоростью, которая просто немыслима для нас, – прогнозирует М. Форд. – ...Это неизбежно поставит нас в ситуацию, когда нам придется делить планету с чем-то совершенно беспрецедентным: абсолютно чуждым нам – да еще и превосходящим нас – интеллектом»²¹⁸.

Конечно, «лишние люди», вероятнее всего, не останутся без куска хлеба или крыши над головой. Ведь в конце концов личность нацелена на изменение мира к лучшему. Однако это едва ли будет достаточным условием для счастливой жизни большинства. Революция личности – это скорее революция «надежды на светлое будущее» без капитализма, *борьба за идеалы личности без гарантий успеха для каждого*.

Таким образом, ни рабочий класс, ни прекариат, ни «креативный класс» не годятся на роль социального субъекта перехода к посткапитализму. Этим субъектом может выступить личность – человек, ставящий на первое место ценности творчества и самореали-

²¹⁸ Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. С. 309.

зации. Это отнюдь не значит, что переход к посткапитализму осуществят отдельные индивиды. Это значит, что по-настоящему революционная борьба возможна лишь как (ситуативное) политическое единство той части человечества (охватывающей представителей всех классов – от рабочего класса до буржуазии), для которой капитализм есть существенное препятствие на пути к *самореализации*.

NB! Несомненно, личность была основной движущей силой любых общественных и политических перемен с начала времен. Однако речь здесь идет не столько о феномене личности как харизматическом лидере *массового* движения, сколько о своеобразном «массовом» распространении самого личностного «модуса»: когда ценности личностной самореализации начинают вытеснять ценности сугубо материального насыщения/обогащения.

Но какой бы благой ни была идея личности, нас, похоже, ждет новый виток общественной борьбы. Личность – явление сложное и противоречивое, а снятие капитализма не означает снятия всех преград, стоящих на пути самореализации. Да, может быть, в будущем и не будет больше классовой борьбы, поскольку материалистические ценности постепенно (правда, с переменным успехом) вытесняются ценностями развития личности. Однако уничтожение капитализма не оправдывает всех надежд.

NB! Важно отметить, что автор не желает принижать значение борьбы рабочего класса и его союзников за «равенство и братство» (за более справедливую систему перераспределения материальных благ, за государство всеобщего благосостояния и т.п.). Данная борьба может серьезно ускорить переход к постматериалистическим ценностям самореализации, ибо нужда и неравенство отбрасывает общество назад к материалистическим ценностям²¹⁹. Этот процесс стоит рассматривать лишь как довольно важный элемент создания благоприятной среды для вызревания *подлинно революционного социального субъекта* – личности.

²¹⁹ См.: Давыдов Д.А. Концепция постматериализма Р. Инглхарта в критической перспективе // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. № 3. С. 86–102.

Не исключено, что для посткапитализма, к которому мы движемся, будет характерна социальная напряженность, отчужденность между теми, кто преуспел, и теми, кто в результате деятельности преуспевших, лишился шансов на успех. Причем речь может идти не только о частных случаях неудач, преодолимых, например, путем смены сферы деятельности. *Вполне возможно общество, абсолютное большинство членов которого глубоко несчастны из-за осознания тщетности своих попыток создать что-то свое, быть не просто потребителями, а творцами, личностями.* Ключевая задача прогрессивных политических проектов будет заключаться в том, чтобы во времена ускоряющегося научно-технического прогресса, развития технологий искусственного интеллекта, роботизации и т.п. человек не утратил веру в себя (и в идею личности), сохранил чувство свободы и независимости, ощущал себя полноценным гражданином.

Однако было бы ошибкой считать, что в посткапиталистическом обществе будут «страдать» исключительно «творческие неудачники». Само по себе творчество – далеко не всегда приносит одно удовольствие, но вполне может привести к новым «социальным терниям», которые потребуются преодолевать *всему обществу.*

Глава 2 Творческая деятельность и посткапиталистическая субъектность

2.1. Творчество: источник новых социальных противоречий?

Как мы уже отметили многие современные левые теоретики считают, что человек будущего будет иметь возможность не только освободиться от рутинной, тяжелой, неприятной работы, но также посвятить всю свою жизнь творческой деятельности²²⁰. Ключевым драйвером прогресса станет производство знания не ради денег, а ради наслаждения результатами творческой деятельности – самореализации. «Настоящим обществом знания, – пишет А. Горц, – был бы некоторый коммунизм знания, в котором создание богатства было бы равнозначно свободному всестороннему развитию человеческих способностей, включая способность к досугу и наслаждению. Свободный способ производства знания вылился бы в общинную экономику, где социальные отношения были бы противоположны товарно-денежным отношениям стоимости и политэкономии капитализма»²²¹. Становится популярной идея коммунистического общества, в котором преодолены противоречия между человеком и обществом, торжествует «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние»²²².

Однако, как мы заключили в первой главе настоящего раздела, не стоит идеализировать будущее человечества и считать, что нас

²²⁰ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010; Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43-53.

²²¹ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010. С. 107.

²²² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. С. 101.

ждет эпоха социальной гармонии, жизнь без социально-политических потрясений и отчуждения. Поэтому мы пытаемся показать, что общество, в котором творчество становится главным способом самореализации, может оказаться не менее противоречивым, чем капиталистическое.

На самом деле многие современные марксисты признают, что коммунистическое общество будет иметь свои противоречия. В конце концов, и классики марксизма не рисовали никаких подробных утопических картин будущего. Сегодня довольно часто приводят цитату К. Маркса и Ф. Энгельса из «Немецкой идеологии»: «коммунизм не есть состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»²²³. Под действительным движением Маркс и Энгельс понимали снятие классовых противоречий.

Но помимо классовых противоречий возможны и многие другие. Как отмечает Т. Иглтон, «зависть, агрессия, доминирование, собственничество и конкуренция все еще будут существовать, просто они не смогут проявляться в таких формах, какие принимали при капитализме»²²⁴; «что марксизм действительно обещает, так это разрешение тех противоречий, которые в настоящее время останавливают историю от дальнейших шагов вперед, во всей их непредсказуемости и разнообразии»²²⁵. А.В. Бузгалин отмечает другой немаловажный аспект: свободное творчество может приводить к опасным для всего общества последствиям. Причем речь должна идти не только об опасности различного рода научных экспериментов, но и о «свободной творческой деятельности в сфере педагогики, образования, воспитания или в сфере художественного творчества, где влияние тех или иных новых художественных течений может приводить к довольно сложным и крайне противоречивым социальным последствиям»²²⁶.

²²³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 415.

²²⁴ Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М.: Карьера Пресс, 2017. С. 110.

²²⁵ Там же. С. 112.

²²⁶ Бузгалин А.В. По ту сторону царства необходимости (эскизы и концепции). М.: Экономическая демократия, 1998. С. 36.

Тем не менее стоит отметить, что сторонники идеи коммунизма *либо вообще не говорят о возможных противоречиях посткапиталистического общества, либо говорят о них мало и с соответствующим оптимизмом*²²⁷. Например, Т. Иглтон считает, что при коммунизме «барьеры неравенства будут разрушены, но главным результатом этого станет обеспечение каждому человеку возможности максимально полно развернуть свой потенциал как личности»²²⁸; «коммунистический строй в целом и общем позволит воспитывать более положительных людей, нежели мы можем наблюдать сейчас»²²⁹. Еще более оптимистическую точку зрения излагает М.И. Воейков. Он отмечает, что в коммунистическом обществе «равных возможностей» конкретный человек может оказаться, например, неудачным спортсменом или музыкантом, что может стать причиной его личной трагедии. «Но в таком обществе это смягчается или облегчается многими обстоятельствами. Во-первых, нет никаких экономических препятствий к перемене вида деятельности и среды общения. В любом случае его материальное положение не понижается, его экономическое благополучие гарантировано обществом. Во-вторых, что более существенно, в таком обществе, в отличие от нашего, значительно расширяются сферы деятельности человека, расширяется набор социальных ролей, которые человек может и захочет исполнить. Слабый спортсмен может стать прекрасным спортивным журналистом или комментатором, педагогом, дизайнером, путешественником, писателем и т.д. Наконец, он может стать просто хорошим товарищем и помощником других спортсменов и добиться высокого социального статуса как незаменимый друг и помощник выдающихся спортсменов»²³⁰.

²²⁷ Ю.К. Плетников: «Полный социализм – общество развитой социалистической демократии, качественно нового уровня социальных завоеваний трудящихся, их свобод, прав и ответственности во всех областях общественной и личной жизни. Совершенствуются и закрепляются в качестве простых норм нравственности и справедливости условия раскрытия человеческой индивидуальности – задатков, способностей и талантов. *Окончательно уходят в прошлое все остаточные явления отчуждения человека труда от собственности, власти и культуры* (курсив мой – Д.Д.)» (Плетников Ю.К. Материалистическое понимание истории и проблемы теории социализма. М.: Альфа М, 2008. С. 325).

²²⁸ Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М.: Карьера Пресс, 2017. С. 128.

²²⁹ Там же. С. 114.

²³⁰ Воейков М.И. Два лика русского марксизма: Бердяев и Межуев versus Ленин и Славин / А.В. Бузгалин, ред. Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма). М.: URSS, 2009. С. 204.

В целом же представления о предполагаемых противоречиях посткапиталистического общества сводятся к тому, что а) некоторые пороки человеческой природы неискоренимы, то есть невозможно общество без зависти, агрессии и т.п.; б) какие-то несчастные случаи все равно будут происходить как случайно, так и по вине самих людей; в) возможны личные трагедии и неудачи. Однако эпоха коммунизма представляется как *более счастливое время*²³¹, в котором каждому предоставлены большие возможности для самореализации. Люди будут заниматься преимущественно творческой деятельностью, что будет обогащать их внутренний мир и способствовать совокупному прогрессу человечества. А если речь идет о человеческих пороках, то есть надежда, что, в конце концов, общество сможет преодолеть и их по мере борьбы за воплощение нравственных идеалов.

Однако автор сих строк считает, что ситуация вполне может сложиться куда более неблагоприятным образом. И основная проблема заключается не столько в пороках человека, сколько в *творчестве* как сущностной черте субъекта посткапиталистических общественных отношений. Примечательно, что сегодня много рассуждают о творчестве, о том, что благодаря творчеству человек обретает духовное богатство, смысл жизни, преобразует мир к лучшему и т.д.²³² Но мало кто обращает внимание на то, что творчество само по себе может приводить к сильнейшему отчуждению и несчастью, что сам процесс самореализации, становления личности через творчество, чреват многочисленными противоречиями, могущими иметь существенные социальные последствия. К осознанию этих противоречий, думается, ближе всего подошли философы-персоналисты, сделавшие творческую личность предметом для всестороннего изучения.

²³¹ В.П. Илюшечкин, например, говорит о возможных противоречиях коммунистического общества следующее: «можно лишь с большой уверенностью предположить, что эти противоречия не будут иметь антагонистический характер и смогут преодолеваются бесконфликтно, точнее – без разного рода катаклизмов» (Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996).

²³² См.: Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43-53.

Выше мы уже обращались к философии персонализма, характеризуя личность как возможного социального субъекта перехода к посткапиталистическому обществу. Но стоит также раскрыть еще один аспект персоналистского понимания творческой самореализации личности. Персоналисты, несмотря на всю специфику их религиозного философского бэкграунда, продвинулись в понимании сущности творческой личности гораздо дальше самого Маркса и его многочисленных последователей. Персоналисты, хоть и рассматривали личность в качестве нормативного идеала, все же признавали многочисленные проблемы, которые имманентно присущи самому процессу творческой самореализации. Для них становление, взросление личности было само по себе проблемой, которую невозможно решить средствами экономики. И эта проблема наиболее остро вставала, когда речь заходила о перспективах общества личностей, о стремлении сделать так, чтобы как можно больше людей были активными творцами, то есть в творчестве уподоблялись Богу.

Философы-персоналисты утверждают, что гармония личности в любой момент может разрушиться. Личность всегда рискует перейти в состояние эгоистической замкнутости или, напротив, потерять себя в массе, пойти у нее на поводу. «Человек, — пишет Ж. Лакруа, — довольно скоро погружается в эгоизм, его любовь превращается в себялюбие, персонализм так или иначе вырождается в индивидуализм»²³³. Это характеризует саму творческую деятельность, которая есть активное самоопределение в этом мире. Творчество есть выражение человеческой индивидуальности, человеческого «Я». Но всякое самовыражение рискует переродиться в эгоцентризм и даже нарциссизм. Парадокс личности проявляется, в том, что «личность оказывается местом, в котором пересекаются, борются, взаимодействуют напряжение и пассивность, обладание и дарение»²³⁴. Обратная тенденция — это поглощение личности коллективом. Как отмечает Лакруа, «индивид и сообщество — это две антитетические взаимодополняющие категории, которые с необхо-

²³³ Лакруа Ж. Персонализм: истоки — основания — актуальность / Лакруа Ж. Персонализм: избранное. М.: РОССПЭН, 2004. С. 107.

²³⁴ Мунье Э. Манифест персонализма / Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 311.

димостью используют личность, чтобы существовать и осуществлять себя. Наибольшей опасностью для нее является использование лишь одной из них; вместо того чтобы сохранять себя, испытывая воздействие плодотворного напряжения, она утрачивает себя, отдавая власти либо сугубо индивидуального, либо чисто социального»²³⁵. Тогда творческая личность начинает стремиться угодить примитивным запросам массы, торжествует безвкусица и китч.

Но становление и бытие «хорошей», одобряемой персоналистами, творческой личности — это не просто балансирование между безднами эгоцентризма и массовой социальности. Творческая личность стремится к *экстатической напряженности*. Но это также означает, что триумф личности происходит только в момент исторических потрясений. Личности чуждо комфортное стационарное существование, пресловутая стабильность. Она чахнет в мирном потоке идиллической безмятежности. Э. Мунье пишет: «Целостной жизни соответствует радость, но в равной мере ей сопутствует и страдание, и оно не только не убывает с прогрессирующим движением жизни, но набирает силу и становится более ощутимым по мере того, как личность обогащает свое существование»²³⁶. И если следовать этой логике, то чем более драматичным образом разворачивается ход истории, тем сильнее расцветает творческая личность, ищущая вдохновения в пылу сражений, преодолевающая сложнейшие препятствия, воспевающая новые идеалы и т.п. В целом персоналисты понимают творчество как совокупность *испытаний*, проходя через которые личность становится сильнее и духовно богаче. «Под творчеством, — пишет Н.А. Бердяев, — я все время понимаю не создание культурных продуктов, а потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию»²³⁷. Но какова будет эта иная, высшая, жизнь для сытых и живущих в мире и комфорте людей предполагаемого коммунистического общества?

²³⁵ Лакруа Ж. Персонализм: истоки — основания — актуальность / Лакруа Ж. Персонализм: избранное. М.: РОССПЭН, 2004. С. 30.

²³⁶ Мунье Э. Персонализм / Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 512.

²³⁷ Бердяев Н.А. Самопознание / Бердяев Н.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 545.

Само по себе творческое становление личности не терпит никакого мирного и спокойного существования. Личность сильнее всего расцветает во времена мировых потрясений. Но и в эти времена творческой личности свойственно нарушать всякую гармонию, равновесие между индивидуальным и социальным. Гармония личностей быстро разрушается возвышением наиболее успешных, ярких и сильных представителей рода человеческого. Однако это возвышение может приводить к эгоцентризму, а то и вовсе к стремлению угодить вкусам и устремлениям масс. В диалоге личностей невозможна настоящая гармония. И стоит согласиться с Ж. Лакруа, который считает, что «агрессивность составляет часть человеческого бытия. Диалог лишь направлен на то, чтобы облагородить ее, а не уничтожить»²³⁸.

2.2. Отчуждение творчества

Но и вышесказанным проблемы не исчерпываются. Само по себе творчество — это по большому счету процесс возвышения «Я» над безликой массой. Но если творческая самореализация возможна только как возвышение «Я» над массой, то личности *нужна* масса. Масса личностей — это оксюморон. И если личности нужна масса, то она эту массу вольно или невольно удерживает именно в состоянии массы, оттеняя потенциальных конкурентов. Утвердившаяся личность обладает набором ценнейших преимуществ, которых лишены все остальные: вниманием, славой, популярностью, выдающимися достижениями, именем в истории, слухами и сплетнями вокруг своей особы и многим другим.

Однако было бы ошибкой считать, что «звезды» творческой деятельности избегают всяких проблем. Само по себе творчество связано с многочисленными формами *отчуждения*.

К. Маркс, характеризуя феномен отчуждения, писал, что оно возникает тогда, когда предмет, производимый трудом рабочего, «противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зави-

²³⁸ Лакруа Ж. Персонализм: истоки — основания — актуальность / Лакруа Ж. Персонализм: избранное. М.: РОССПЭН, 2004. С. 145.

сящая от производителя»²³⁹. Рабочий своими руками создает то, что он не в состоянии контролировать, то, что отнимает все его время, поглощает всю его жизненную энергию. Рабочий продает свою рабочую силу капиталисту, и с тех пор не может распоряжаться своими возможностями, видеть результат своего труда. Торговля, автоматизация производства и разделение труда фрагментируют процесс производства, разделяют его на совокупности рутинных операций. В этих условиях рабочий превращается в придаток машины. Соответствующим образом меняется и его сознание. Маркс называет такой труд *скотским*. Рабочий фундаментально несвободен, его внутренние (собственно, человеческие) потенции не раскрыты, он не чувствует себя творцом чего-то *своего*. Напротив, все усилия его направлены на удовлетворение природных потребностей посредством труда, принадлежащего не ему. Как пишет Маркс, «производство производит человека не только как товар, не только человека-товар, человека с определением товара, оно производит его, сообразно этому определению, как существо духовно и физически обесчеловеченное»²⁴⁰. Рабочий всего лишь придаток чуждого ему мира капитала, в котором правят корысть и погоня за сверхприбылями.

Позже определение термина «отчуждение» несколько расширилось. У представителей Франкфуртской школы отчуждение характеризует не только труд, но и культуру. У Э. Фромма²⁴¹ отчужденный человек – это потребитель, стремящийся к *обладанию*. Потребитель идентифицирует себя с вещами, его самость немислима без потребляемых предметов. Вне этих предметов человек *никто*. Отсюда вытекают перманентные депрессии и ощущение бессмысленности, пустоты. Товарный фетишизм порождается капитализмом, ибо капитализм немислим без расширения потребления. С самого рождения человек погружается в среду, в которой господствуют средства массовой информации, нацеленные на навязывание новых потребностей.

²³⁹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 325.

²⁴⁰ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/marxk01/index.htm>

²⁴¹ Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2009. 448 с.

Концепту отчуждения противопоставлен концепт полноценной свободной творческой *личности*. К. Маркс считал, что человек может быть по-настоящему счастлив только тогда, когда в деятельности проявляет свою индивидуальность (*praxis*)²⁴². В свою очередь, всякая деятельность предметна, то есть праксис имеет «свой материальный или идеальный объект, на который направлена деятельность и который создается человеком в целях удовлетворения потребностей путем опредмечивания своих представлений и вовлечения природных элементов в сферу своей деятельности»²⁴³. Личность реализует свой *внутренний* потенциал в обществе. Э. Фромм, как мы поняли, полагает, что личность определяется не потреблением, а *бытием*, то есть активностью, созиданием, творением. Творческий человек сам ставит цель, сам ищет средства ее достижения. Представляя свои труды обществу, человек как бы преодолевает свою природную ограниченность, заявляет о своей *целостности*.

Каков рецепт избавления от отчуждения? Для марксистов он в общих чертах универсален: это преодоление капитализма, а вместе с этим и потребительства, построение общества, цель которого – способствовать полноценному развитию человека. И сегодня, как правило, говорят о свободном творчестве как сфере, в которой человек возвращается к самому себе, проявляет свою родовую сущность («царство свободы»). Но можно ли вообще избавиться от отчуждения? На наш взгляд, *отчуждение не исчезнет ни после ликвидации частной собственности, ни после отмирания государства, ни даже после того, как ценности самореализации восторжествуют, и каждый будет обеспечен уймой свободного времени и материальных благ*.

Маркс и Энгельс рассматривали отчуждение преимущественно как феномен, обусловленный экономическими отношениями. Но это слишком сильно ограничивает представление о самом феномене отчуждения. Ф. Юнгер, например, обращает внимание на от-

²⁴² См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 303-359.

²⁴³ Кондрашов П.Н. Онтология историчности в философии Маркса // Логос. 2011. № 2. С. 84.

чуждающий характер техники как таковой²⁴⁴. Мир технического прогресса (который как раз обеспечивается многочисленными творческими людьми) – это мир бесконечных изменений, под которые вынужден подстраиваться человек (пусть даже творческий). Благодаря технике человек научился точно измерять время, но это привело к тому, что он потерял, собственно, *свое время*. Теперь время подчиняет его своему ускоряющемуся темпу. Техника здесь представлена не только как элемент производственных отношений, но также и как нечто само по себе влияющее на жизнь индивидов, связанных с созданием и обеспечением функционирования новой сложнейшей техники.

Тем не менее, на наш взгляд, *сама суть творческой деятельности неизбежно ведет к отчуждению*.

Начать стоит с того, что творчество — это всегда создание чего-то нового (произведения, теории, гипотезы, чертежа и т.п.). Нет никакого смысла в изобретении велосипеда заново. И если в сфере материального производства товар худшего качества можно сбывать подешевле или найти ему какое-то другое применение (например, в быту), то результат творческого труда обесценивается моментально, если он оказывается лишь повторением уже открытого, изложенного, изобретенного и т.п. Иными словами, творец *отчужден от того, кто определяет потребность в его труде*. Конечно, стоит учитывать, что раньше не значит лучше, и только конкурентное сопоставление выявит лучшее, а многие результаты творчества уникальны и потому несопоставимы. Но данная проблема особенно актуальна для науки, стремящейся к избавлению от всякого субъективизма.

Творец также *отчужден от самого объекта творчества*. В условиях капиталистического производства рабочий хоть и не является собственником объекта своей деятельности, но, по крайней мере, манипулирует им непосредственно (станком, комбайном, краном, кирпичами, нефтью и т.п.). А если взять самого буржуа или, например, ремесленника сословно-классовой эпохи, то они непосредственно владеют объектом. Человек в материальном производстве господствует над объектом деятельности. Материя покорно движется вслед за движениями мышц, механизмов, автома-

²⁴⁴ Юнгер Ф. Г. Совершенство техники. СПб.: Владимир Даль, 2002.

тических систем и т.п. Творческой же личности редко предоставляется такая возможность. Он чаще имеет дело не с пассивной материей, а с активным человеком, которому свойственно сопротивляться стремлениям творца вмешаться в его духовную жизнь. И если ученому в этом смысле проще, хотя и он сталкивается с необходимостью что-то обосновывать, доказывать, подтверждать и т.д., то деятелю искусства приходится непосредственно иметь дело с духовным миром человека. Деятель искусства, создав картину, скульптуру, музыкальное произведение и т.п. как нечто материальное, еще не создал никакой культурной ценности. По-настоящему эти картина, скульптура, музыкальное произведение и т.д. становятся культурными ценностями тогда, когда будут восприняты определенным образом некоторым количеством людей. Но именно здесь, как правило, появляется неизбежный разрыв между изначальными целями создания художественного произведения и их конечным восприятием. Это и есть *момент отчуждения творца от результатов его деятельности*. В этот момент он может находить непонимание, открытое неодобрение (и еще неизвестно, что хуже) или вовсе и то и другое. *Творчество, таким образом, – это нередко безмолвное противостояние творца и его аудитории* (читателей, зрителей, пользователей программного обеспечения и т.п.).

Наконец, субъект творчества неизбежно сталкивается с *отчуждением от своих собственных творческих сил*. Дело в том, что результат творческой деятельности невозможно предсказать. Невозможно, к примеру, в запланированное время, ровно в 18:55, придумать идею для шедеврального романа. Как отмечает Т.Ю. Сидорина, «лучшие идеи приходят на ум в самых, как кажется обыденных ситуациях, казалось бы, далеких от атмосферы лаборатории и научного поиска, тогда, когда их не ждешь, а не во время размышлений и поисков за письменным столом. Но, конечно же, догадки не пришли бы в голову, если бы этому не предшествовали именно размышления за письменным столом и страстное вопрошание. ... Можно быть превосходным работником и ни разу не сделать важного открытия»²⁴⁵. Творчество не планируется и, что важнее, не поддается полному (само-)контролю. Разумеется, можно

²⁴⁵ Сидорина Т.Ю. Труд: его кризис и будущее в контексте трендов мирового цивилизационного развития // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 331-332.

пытаться создать шедевр искусства или вывести отличную теорию, но конечный результат редко зависит от самих усилий творца²⁴⁶. Важная идея может прийти в голову совершенно случайным образом. Многие годы напряженного труда могут вообще оказаться напрасными. Мы, таким образом, не знаем (и вряд ли в ближайшее время узнаем), что точно творится у нас в голове, когда мы изобретаем, пишем музыку или, например, сочиняем стихи. Стало быть, сам творческий процесс — это во многом игра случая, некоей нашей внутренней, неподвластной нам стихии.

В целом творческая деятельность нередко связана с *отчуждающей конкурентной борьбой*. Конечно, нам можно возразить, будто бы пределов человеческой изобретательности нет, и вместо бесконечного роста творческой конкуренции в каких-то областях желательно быстрое расширение самого пространства деятельности (то есть появление новых культурных ниш). Однако мы не считаем, что истин и смыслов беспредельное множество, а значит творческий процесс подразумевает постепенную специализацию и детализацию в закономерно возникающих направлениях. Но, чем больше деталей, тем они мельче, а потому теряется та фундаментальность (и даже сакральность), которую мы приписываем классикам и первооткрывателям. Не бесконечно (в обозримых перспективах) количество теоретических позиций и высказанных точек зрения. Есть предел творческого воображения и изобразительного чувства в конкретных областях. Поэтому человек, вступающий в мир *усиливающейся творческой конкуренции*, неизбежно оказыва-

²⁴⁶ Этот феномен хорошо описал П.И. Карпов: «Творческий процесс нередко авторами принимается за стороннюю работу, так как они говорят, что творчество, в которое они впадают периодами, является столь высоким, что оно не присуще им, когда они находятся в состоянии обыкновенного мышления. Творчество создает ценности выше их обычных понятий, кроме того, руководствуясь личными переживаниями, они утверждают и вполне искренно, то, что они никогда не работали над тем, что явилось само в их сознании. Между тем способность в готовом виде выявлять решения в потоке бодрственного сознания причиняет им радостные переживания. Поэтому среди творцов до самого последнего времени прочно живет идея о том, что к ним прилетают музы, и слуха их касаются звуки, то слетающие с волшебных арф, то нашептываемые им сладостным голосом этих муз; поэтому многие творцы говорят, что они не являются действительными творцами, а что они есть не что иное, как проводники, через которые передается воля высших существ живущим на земле людям» (Карпов П.И. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. Л.: Государственное издательство, 1926. URL: <http://www.psychiatry.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/2606/Karpov.pdf>).

ется перед выбором: пассивно плыть по течению или попытаться создать что-то новое. Однако помимо нас, познающих что-то новое, существуют другие такие же познающие, «покушающиеся» на нашу новизну. В итоге познанная нами истина с опережением становится уже не нашей истиной, словно бы мы продавали аналогичный продукт, который в любом случае возникает в скором времени и без наших усилий.

Здесь можно усомниться: не является ли такое представление о творческой личности как о борце за свои идеи еще в некоторой степени обусловленным «буржуазной оптикой», в которой все видится конкурентным или отчуждающим? Конечно, возможно представить общество, где сложилась культура, в рамках которой индивиды не хотят выделять себя из толпы – они занимаются тем, что им «просто нравится». Можно допустить, что лицемерие своих трудов, даже если о них не написано в учебниках и о них не слагают легенды, и есть уже достаточное условие *достойной жизни*. Однако проблема именно в том, что в условиях «массового самовыражения» очень трудно будет найти что-то, соотносящееся с неразрывным бытием личности, нечто *свое-оригинальное*. Личность невозможна без собственной истории, которую она рассказывает сама себе или ближайшему окружению. Немногие счастливицы выигрывают отчасти по стечению обстоятельств и выдадут что-то, что еще хоть как-то можно назвать выдающимся. Но разве об этом идея коммунизма?

Мир идей – это мир безмерного трудолюбия, в котором выживает наиболее талантливый и усердный. Более того, у рабочего, который, как мы считаем, отчужден, продает рабочую силу и тратит большую часть дня на нелюбимую работу, все же остается хоть какое-то его личное время. Какой бы отвратительной его работа ни была, чем в большей степени отчуждена от его работы его «личность», тем проще ему в свободное время не думать о ней, расслабиться и отдать всего себя тихому созерцанию или, например, общению с семьей. Напротив, если речь идет о творчестве, то оно, как правило, всецело «захватывает» человека, а потому разгромное поражение на творческом поприще может оказаться тем, что очернит все *время* творческой личности вплоть до возможного решения о *самоубийстве*. Чем более отчужденным этот мир будет, тем боль-

шее количество людей начнут ощущать свое *бессилие*. При этом отторжение вызовет не только бессилие, но и *бессмысленность* бесконечной погони за новыми идеями, которая в итоге скатывается в «проституирование» своим в большем числе случаев посредственным творчеством, попытками обозначить своим именем нечто возникающее в результате *стихийной коллективной деятельности*.

Но если отчуждение свойственно творческому процессу, то почему сегодня многие его идеализируют²⁴⁷? Можно предположить, что сам общественный дискурс о творчестве порождается именно состоявшимися личностями, которые хоть и могли испытывать существенные трудности на своем пути, но все же достигли успеха и поэтому удовлетворены. Вряд ли у тех, кто так и не смог достичь успеха в творчестве, вообще имеются какие-то возможности влиять на общественное мнение.

NB! Здесь нам могут возразить, что мы следуем за логикой оппонентов. Можно допустить, что посткапиталистическое общество – это общество, в котором основной деятельностью является именно исследование, *research*. Мир, где все были бы жи-

²⁴⁷ В данном контексте трудно не согласиться с К. Фрумкиным, который отмечает: «На самом-то деле, такой феномен, как «творческий труд», с научной точки зрения мало изучен. Многочисленные мыслители, уповающие, что он преобразит социальный строй — от Оскара Уайльда до Владислава Иноземцева, пользуются примерно теми же представлениями о творчестве, которые были заложены еще романтиками в начале XIX века. А представления эти во многом представляли собой идеологию нарождавшегося и осознававшего свою автономию сословия представителей творческих профессий. Писатели, художники и философы не только зарабатывали своим ремеслом, но и создавали сказку о себе как о бескорыстных, гипермотивированных и готовых на чудеса самопожертвования «сверхтружениках». Да, это не было чистой ложью, и множество наблюдений за творческими людьми подтверждает правомерность этой «сказки». Но из этого еще не следует, что мы имеем право на универсальные выводы о человеческой природе.

Какому проценту населения доступны радости творческого труда? В какой степени эта склонность к творчеству предопределена наследственностью? В какой степени мотивация к творческому труду связана с материальным вознаграждением? В какой — с удовлетворением честолюбия? В какой степени творческий труд обладает теми свойствами, которыми он обладает именно потому, что функционирует в контексте иного, в частности, наемного, капиталистического труда? Ответов, выходящих за пределы бытовых наблюдений и беллетристических штампов, нет, серьезные социологические, психологические и экономические исследования творческого труда неизвестны, во всяком случае, они не находятся в «обороте» у занимающихся посткапитализмом авторов» (Фрумкин К. Г. Что будет после капитализма?

Попытки ответа на старый вопрос // Новый мир. 2013. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/2/f10.html.

вописцами, поэтами и писателями не просто невозможен, он был бы отвратительным. С другой стороны, современная наука – в отличие от классических моделей – деятельность исключительно коллективная и в этом смысле общественная. Однако данную критику мы можем развернуть в обратную сторону. Творческий аспект из науки никто не выбрасывал, и наука является и будет являться одной из основных областей творческой самореализации и конкурентной «борьбы за имя» (в противном случае все монографии и статьи писались бы анонимно). Более того, это еще и довольно институционализированная область «запечатлевания личности в истории» (ориентация на повышение цитируемости публикаций, на продвижение «имени» в международных научных базах данных и т.п.).

Но можно посмотреть на феномен отчуждения творчества с другого ракурса. Например, в медицинском академическом сообществе уже сравнительно давно обсуждается вопрос о непосредственной связи креативности и различного рода психологических и психических проблем. Еще в конце XIX века Ч. Ломброзо указал на многочисленные примеры гениальных людей, которые страдали теми или иными расстройствами психики (Т. Тассо, Дж. Свифт, Н. Ленау, А. Шопенгауэр, Н. Гоголь и др.). Более того, Ломброзо находит много общего между проявлениями гениальности и умопомешательством, хоть и признает, что из первого не обязательно вытекает второе²⁴⁸. К похожим выводам пришел один из первых российских исследователей творчества душевнобольных П.И. Карпов (он один из первых увидел возможности рисования как средства лечения). Он прямо пишет: «творцы в области науки, искусства и техники почти все страдают нервной неуравновешенностью, характеризующейся отвлекаемостью и способностью обобщения на основе недостаточного количества признаков. Вышеприведенные симптомы могут не доводить субъекта до больницы, но образ его мышления имеет все свойства, присущие циркулярному психозу (по-современному – биполярному расстройству – Д.Д.). Больные и другими формами душевного заболевания также могут создавать

²⁴⁸ Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М.: Азбука, 2016.

новые ценности...»²⁴⁹. Примечательно, что именно биполярное расстройство сегодня как раз и находят у многих творческих личностей современные исследователи (см. ниже). В знаменитой книге Карпова рассматривается множество примеров, когда самые необычные, *творческие*, рисунки больные создавали именно в периоды обострения психических расстройств (например, при так называемом «сумеречном состоянии» больных эпилепсией²⁵⁰, при паранойе или циркулярном психозе (биполярном расстройстве)). Иногда творческие способности вовсе «пробуждались» только после того, как тот или иной человек «заболевал»²⁵¹.

К сегодняшнему дню научной литературы на этот счет накопилось много²⁵². Исследователи сравнивают представителей творческих профессий с представителями контрольных групп на предмет различного рода диагнозов. Например, в одном исследовании 100

²⁴⁹ Карпов П.И. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. Л.: Государственное издательство, 1926. URL:

<http://www.psychiatry.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/2606/Karpov.pdf>

²⁵⁰ Об одном пациенте Карпов говорит следующее: «Если творчество данного субъекта высоко в период заболевания, по замыслу и выполнению ставит его на уровень незаурядного художника, то в период выздоровления все это как будто куда-то исчезло. Больной стал рисовать так, как рисует самый обыкновенный маляр» (Карпов П.И. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. Л.: Государственное издательство, 1926. URL: <http://www.psychiatry.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/2606/Karpov.pdf>).

²⁵¹ П.И. Карпов описывает историю одного пациента: «До 43-летнего возраста он не интересовался искусством, но в 43 года заболел паранойей, и интересы и работа его совершенно изменились. У больного вспыхнул яркий бред преследования. Он у себя в квартире запирает свою комнату несколькими замками, а когда ложился спать, то баррикадировал дверь вещами, стоявшими у него в комнате; к ножкам кровати привязывал веревки, концы которых прикреплял к ручкам двери и окон с тем, что если бы кто-нибудь открыл дверь или окно, то благодаря движению кровати больной должен был проснуться и принять меры против предполагавшегося нападения. Помимо отрицательного творчества, у больного выявилось и другое, высокое, положительное творчество. У больного проявилось свойство, никогда ранее у него не наблюдавшееся. Он начал робко рисовать в той книге, в которой вел свои повседневные домашние расходы, и вначале его рисунок представлял из себя простое штрихование; но в дальнейшем больной стал при помощи формы и красок давать удивительные рисунки как по содержанию, так и по выполнению. Удивительнее всего то обстоятельство, что больной ранее никогда живописи не учился и никогда ею не интересовался» (Карпов П.И. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. Л.: Государственное издательство, 1926. URL: <http://www.psychiatry.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/2606/Karpov.pdf>).

²⁵² См., например: Andreasen N.C. The Relationship between Creativity and Mood Disorders // Dialogues in Clinical Neuroscience. 2008. Vol. 10. № 2. Pp. 251–255; Taylor C.L. Creativity and Mood Disorder: A Systematic Review and Meta-Analysis // Perspectives on Psychological Science. 2017. Vol. 12. № 6. Pp. 1040–1076.

работников творческих профессий показано, что они являются большими интровертами, более восприимчивы к неврозам и расстройствам психики, испытывают более сильное чувство *отчужденности*, чем население в целом²⁵³. Многие исследования указывают на то, что люди творческих профессий чаще страдают от различных расстройств психики, нередко посещают психотерапевтов, а также злоупотребляют алкоголем или наркотиками и т.п. Может также показаться парадоксальным, что все это свойственно и профессиональным юмористам. В статье «Психотические черты у комиков» в «Британском журнале психиатрии» отмечается, что комики «демонстрируют более высокий уровень психотических характеристик, связанных как с шизофренией, так и с маниакальной депрессией»²⁵⁴. Как отметил в интервью ВВС один из авторов статьи Г. Клэридж, «творческие элементы, необходимые для создания юмора, поразительно похожи на те, которые характеризуют когнитивный стиль людей с психозом – как с шизофренией, так и биполярным расстройством»²⁵⁵.

Конечно, до сих пор ведутся дискуссии о методологии данных исследований, о том, что считать креативностью или расстройством психики. Имеет место, по всей видимости, существенная разница между творчеством как хобби, которое позволяет расслабиться и отстраниться от повседневных забот, и творчеством как основным видом деятельности. Есть и различные оценки того, сколь значителен творческий потенциал той или иной профессии. Другая сложность: человек может иметь творческую профессию (например, быть фотографом), но его труд не будет продуцировать ничего нового, прорывного, имеющего культурную ценность. Поэтому и не все исследования показывают прямую корреляцию между творческой деятельностью и психическими проблемами. Вполне возможно, что расстройствами психики страдают в основном гении, те, чья бурная мозговая деятельность позволяет отбросить в сторону закосневшее и привычное. Важна и специфика творческой деятель-

²⁵³ Mohan J. & Tiwana M. Personality and Alienation of Creative Writers: A Brief Report // Personality and Individual Differences. 1987. Vol. 8. № 3. P. 449.

²⁵⁴ Adno V., Claridge G., Clark K. Psychotic Traits in Comedians // The British Journal of Psychiatry. 2014. Vol. 204. № 5. Pp. 341-345.

²⁵⁵ Comedians have “high levels of psychotic traits”. URL: <https://www.bbc.com/news/health-25747068>

ности. Поэты, писатели-прозаики и художники страдают расстройствами психики гораздо чаще ученых. Это, возможно, связано с тем, что труд ученого имеет более предсказуемые результаты и легче подвергается всякого рода формализации. Творчество же поэтов — наиболее образно, лирично, «метафизично», склонно схватывать чувства и внутренний мир страдающего человека. Сегодня даже отмечается закономерность, названная «эффектом Сильвии Плат», согласно которой женщины-поэтессы (женщины, по всей видимости, как более эмоциональный и чувствительный пол) в наибольшей степени склонны к психическим заболеваниям²⁵⁶.

Совершенно не факт, конечно, что причина корреляций между креативностью и расстройствами психики — отчуждение творчества. Возможно, творческие профессии попросту привлекательны для людей с нестандартным мышлением. Однако и такой расклад не изменяет ситуацию принципиальным образом: либо творчество может способствовать возникновению депрессии, биполярного расстройства и других неприятных проблем, либо успех в творчестве сопутствует наиболее нестандартно мыслящим людям, которым, правда, нередко от этого не легче.

Биографический метод позволяет уточнить некоторые нюансы. В своей книге «Измученные артисты» видный журналист К. Зара рассматривает биографии выдающихся артистов, писателей и художников и замечает, что в жизни каждому из них приходилось сталкиваться с теми или иными «демонами»: трудное детство, сложные семейные обстоятельства, нищета или какое-то другое травмирующее психику событие (А. Хичкок, П. Пикассо, К. Боу, Дж. Кэш, Э. Уорхол, М. Джексон, В.А. Моцарт, М. Шелли, И. Берлин, А. Миллер, М. Брандо); безумная или несчастная любовь (Данте А., Дж. Остин, У. Йейтс, Ч.М. Шульц, Л. Брюс); сильная творческая конкуренция, предательство или боль от утраты чего-либо важного, приводящая зачастую к депрессии или к одержимости (Микеланджело, М. Каллас, У. Дисней, Дж. К. Роулинг, Д. Кэмерон); столкновения с предрассудками или несправедливостью общественной системы (Э. А. По, О. Уайлд, Э. Шиле, Г. Уэлс, Д. Паркер, Ч. Берри); очень тяжелое в психологическом плане творче-

²⁵⁶ Kaufman J.C. The Sylvia Plath Effect: Mental Illness in Eminent Creative Writers // The Journal of Creative Behavior. 2011. Vol. 35. № 1. Pp. 37–50.

ское сотрудничество (Д. Марти и Дж. Льюис, У. Гильберт и А. Салливан, Л. Болл и Д. Арназ, Джо и Джонни Рамоны, А. и Т. Тернеры, В. Херцог и К. Кински). Разумеется, упоминает в своей книге Зара и судьбы творческих деятелей, которых буквально сгубили алкоголь и наркотики (Дж. Моррисон, Дж. Гарленд, Ч. Паркер, Дж. Белуши, Х. Леджер, Э. Уайнхаус, Дж. Хендрикс и др.). Многих знаменитых творческих деятелей душили сразу несколько «демонов», что приводило к безумию и самоубийству (М. Монро, С. Плат, К. Кобейн, В. Ван Гог)²⁵⁷. Мы можем упомянуть и относительно недавние громкие случаи. В 2014 году покончил жизнь самоубийством знаменитый актер Р. Уильямс, который долгое время страдал от депрессии и алкоголизма. В 2017 г. совершил суицид солист группы «Linkin Park» Ч. Беннингтон в день рождения своего друга К. Корнелла, фронтмена группы «Soundgarden», который также прибегнул к суициду двумя месяцами ранее аналогичным способом — через повешение. В 2019 г. совершил самоубийство солист группы The Prodigy Кит Флинт, страдавший от депрессии после расставания с женой.

Конечно, биографический метод «грешит» своей избирательностью. Однако он позволяет показать, что обогащающее человеческую культуру творчество — это, как правило, мучительный процесс, связанный с многочисленными конфликтами (как внутренними, так и внешними). Творца постоянно сопровождают страхи потери контроля над своей жизнью и утраты «дара» или «таланта»²⁵⁸, за ним нередко следят назойливые папарацци, его могут не понимать или в буквальном смысле устраивать ему или ей травлю (как это было, например, с Даной Плато, которая вскоре после прямого эфира на одной из телепередач, покончила жизнь самоубийством). Встречаются в сфере творческой деятельности и вовсе жуткие феномены. Например, М. Хэмингуэй (1954–1996), знаменитая американская модель и актриса, страдала от депрессии, булемии, эпилеп-

²⁵⁷ Zara C. *Tortured Artists: From Picasso and Monroe to Warhol and Winehouse, the Twisted Secrets of the World's Most Creative Minds*. Avon, Massachusetts: Adams Media, 2012.

²⁵⁸ Это ощущение неуверенности в своих силах следующим образом описывает И. Ильф: «Меня всегда преследовала мысль, что я делаю что-то не то, что я самозванец. В глубине души у меня всегда гнездилась боязнь, что мне вдруг скажут: послушайте, какой вы, к черту, писатель, занимались бы каким-нибудь другим делом!» (Шаргунов С. «Смерть ходила за ним по пятам...». Глава из новой книги Сергея Шаргунова. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2871701>).

сии и дислексии. В конце концов, она приняла не совместимую с жизнью дозу фенobarбитала. Но это еще было бы «в порядке вещей», если бы она не была внучкой Э. Хэмингуэя (1899–1961), который мучился депрессией и в итоге застрелился. Примечательно, что его младший брат Л. Хэмингуэй тоже был писателем и тоже застрелился.

В целом, деятельность творческой личности — это нередко творческая «сублимация» своей несчастной судьбы. И, что важно, в большинстве случаев, по всей видимости, не обходится без охарактеризованного выше *отчуждения творчества*²⁵⁹. Примечательный и очевидный пример: Джон Кеннеди Тул безуспешно пытался опубликовать свой сатирический роман «Сговор остолопов» в издательстве «Саймон энд Шустер». После того как он спустя несколько лет получил окончательный отказ от издательства, Тул впал в глубокую депрессию и вскоре покончил с собой. А десятилетие спустя ему посмертно присудили Пулитцеровскую премию за тот же роман, который удалось опубликовать его матери.

Конечно, различные сферы творческой деятельности обладают разной степенью «разрушительности». Выше было сказано о разнице между поэтами и учеными. Поэзия «опаснее» не только науки, но и художественной прозы. Одно исследование показало, что продолжительность жизни у поэтов на 7,4 лет меньше, чем у прозаиков, а у поэтесс — на 8,6 лет, чем у писательниц. Прозаики обоего пола чаще доживают до 90 и 100 лет, в то время как среди поэтов и поэтесс долгожители очень редки²⁶⁰. Подобное разделение можно найти в музыке. Профессор психологии Университета Сиднея Д.Т. Кенни сравнила среднюю продолжительность жизни музыкантов разных жанров со среднестатистической по населению в целом (по США). Оказалось, что представители джаза, блюза, кантри и госпе-

²⁵⁹ Причем иногда такое отчуждение принимает форму болезненной самокритики и неприятия своего же творчества. К примеру, Н.В. Гоголь сжигал свои книги и рукописи. В 1829 году «огню был предан весь готовый тираж его первой книги – поэмы “Ганц Кюхельгартен”, опубликованный под псевдонимом В. Алов и подвергшийся жесточайшей критике со стороны “Московского телеграфа”. А потом, в конце жизни, когда писатель с ужасом понял, что невозможно в слове оживить ни одну из умерших душ, был отправлен в огонь, готовый к изданию второй том великого произведения» (Век А. Великие неудачники. Все напасти и промахи кумиров. М.: ВКТ, АСТ, Астрель, Времена 2, 2011. С. 90).

²⁶⁰ Черных Е. Поэты живут на 7 лет меньше писателей. URL: <https://kp.ua/life/553206-poety-zhyvut-na-7-let-menshe-pysatelei>.

ла жили столь же долго, сколько и средний американец (60–65 лет). У музыкантов в жанрах соул, R&B, поп, фолк и этнической музыки продолжительность жизни сократилась до 55–60 лет. А вот рокеры уже в среднем жили около 45 лет, металлисты — 40 лет, панки — 35 лет, а рэперы и вовсе — 30²⁶¹. Здесь стоит вспомнить и печально известный «Клуб 27», который представляет собой список музыкантов, значительно повлиявших на развитие музыки в стилях рок и блюз и умерших в 27 лет (Р. Джонсон, Б. Джонс, Дж. Хендрикс, Дж. Джоплин, Дж. Моррисон, К. Кобейн, Э. Уайнхаус).

2.3. Диалектика отчуждения

Вышесказанное отнюдь не означает, что творчество обязательно связано с расстройствами психики. Вполне можно испытывать чувство отчужденности и без каких-либо психических проблем. Способность испытывать ощущение чуждости, враждебности, скорее всего, имеет естественное происхождение и важное эволюционное значение.

Более того, можно взглянуть на феномен отчуждения творчества *диалектически*. Сегодня многие левые теоретики считают, что цель перехода к посткапиталистическому обществу – это «снятие» вообще всякого отчуждения, человек будто бы будет жить в гармонии с собой и окружающими. Как пишут А. Коряковцев и С. Вискунов, «поскольку диалектика основана на обнаружении различия в конкретном тождестве, то категории *отчуждение* и *самоотчуждение* выражают специфику этого различия: *саморазорванность* тождества, его *самораспад* и вместе с тем, наличие и воспроизводство его внутреннего единства, то есть – его частичную деформацию. В диалектической традиции эти понятия обретают смысл только когда предполагается их противоположность – неотчужденное состояние данного предмета или, говоря языком Гегеля, *нечто, существующее в соответствии со своей сущностью*»²⁶². Но где здесь диалектика? По сути, речь идет о банальном возвращении предмета

²⁶¹ Удинцев Н. График дня: сколько живут музыканты разных жанров. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/experience-news/213015-genres>

²⁶² Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов: Драма философских идей в 18 главах с эпилогом. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. С. 422.

к своему *изначальному* «неотчужденному состоянию», что есть (критикуемый самими же Коряковцевым и Вискуновым) *рационализм тождества*, не имеющий к диалектике никакого отношения. А. Коряковцев и С. Вискунов говорят, что у человека есть некая *сущность*, которая при определенных условиях отчуждается от него и при «снятии» отчуждения, человек как бы возвращается «сам к себе».

Думается, именно в этом моменте А. Коряковцев и С. Вискунов не замечают того, что как раз должны были заметить: даже у самого Маркса диалектический смысл отчуждения оказался нераскрытым, он просто зафиксировал некое состояние человека в условиях капиталистического способа производства, но дальше этого не пошел. А потому и логика Маркса оборвалась на констатации того, что, если убрать «нужду и внешнюю целесообразность», то человек *вернется к самому себе*, «эмансипирует» свою родовую сущность. Подлинно свободное состояние он ассоциировал с творческим субъектом, который оказывался причиной самого себя. Маркс пишет, что неотчужденное состояние конкретного человека характеризуется тем, что «все предметы становятся для него *опредмечиванием* самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, *его* предметами, а это значит, что предмет становится им самим»²⁶³. Но это несколько диссонирует с (отметим – более поздней) формулировкой Маркса, согласно которой сущностью человека является *ансамбль общественных отношений*. По сути, Маркс отождествляет отчуждение с плохими общественными отношениями, в то время как «хорошие», коммунистические, общественные отношения ведут к свободному проявлению творческих сил. Коммунизм как бы превращает человека в *самотождественное* существо, которое, конечно, выходит за свои собственные пределы, но только чтобы внутренне обогатиться и обогатить окружающий мир, не утрачивая при этом свою индивидуальную сущность. Похожую логику, только с более явными изъянами, мы находим у А. Коряковцева и С. Вискунова, которые пишут, что содержание неотчужденной деятельности «определяет не разделение труда, не эконо-

²⁶³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 350.

мические факторы и не какая бы то ни была внешняя целесообразность, а, прежде всего, внутренняя потребность реализовать себя, воплотить внутреннее содержание своей личности. Впрочем, в творческом процессе так же возможно разделение труда, но оно здесь строится на *гармонии внутренних целесообразностей индивидов* (курсив мой – Д.Д.)»²⁶⁴. Иными словами, марксизм в интерпретации А. Коряковцева и С. Вискунова попросту превращается в монадохологию: речь идет о неких повисших в вакууме монадах-деятелях, субъектах-в-себе, неотчужденное состояние которых как раз и связано с тем, что они «свободны» от внешней целесообразности, то есть порождают сами себя.

В этом, собственно, и заключается недоработка Маркса: он не учел того, что отчуждение, по сути, встроено в диалектику творческого становления. Но А. Коряковцев и С. Вискунов не замечают этого и повторяют мысль Маркса о том, что неотчужденная деятельность – есть свободная творческая деятельность, то есть та, которая не обуславливается нуждой и внешней целесообразностью. В таком случае мы упираемся в спекулятивную сущность концептов и понятий, которыми оперируют авторы. Что здесь подразумевается под свободой? Возможна ли абсолютная свобода? Если абсолютной свободы не существует, то каков же элемент необходимости в неотчужденной деятельности? И здесь мы сталкиваемся с большой проблемой. Если мы полагаем некоего свободного субъекта, то должны также полагать его ценности, его цели, его представления о мире, в общем все то, что составляет его *субъективность*. Но в этом и заключается суть проблемы: как найти истинное «Я»? Маркс вообще не задается этими вопросами. Но именно в этом коренится одна из его больших недоработок. Он не идет дальше утверждения о том, что избавление от нужды и внешней целесообразности означает возвращение человека к его истинному бытию. Именно поэтому марксизм сегодня и топчется на месте, не находя смелости заглянуть за пределы старых концептуальных схем. Там, где современный капитализм, казалось бы, все более эффективно удовлетворяет различные потребности и дарует многим людям большую свободу досуга, продолжают искать «внеш-

²⁶⁴ Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов: Драма философских идей в 18 главах с эпилогом. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. С. 545.

ную целесообразность», постоянно откладывая пришествие «истинного» бытия на какую-то «истинно свободную эпоху». «Истинное» состояние всеобщей самореализации превращается поэтому в недостижимый идеал, а любое «неудобное» проявление человеческой самореализации в условиях капиталистической системы автоматически шельмуется как «неправильное» и «отчужденное».

Маркс связал отчуждение с проблемами скорее материальной обусловленности. Для него отчужденное «не-Я» обуславливается навязанными правилами игры в обществе, которое отчуждает от человека результаты его труда. Только впоследствии некоторые марксисты придут к осмыслению отчуждения именно как растворения «Я» в «не-Я». Такова, к примеру, концепция Э. Фромма²⁶⁵. Но Фромм также не видит диалектики отчуждения, ассоциируя его с конкретными общественными формами. Он рассуждает о некоем подлинном раскрытии личностных сил в социалистическом обществе. *Истина же состоит в том, на наш взгляд, что любое становление личности подразумевает сложные диалектические отношения с «не-Я».* Это может происходить почти незаметно (например, если этот процесс занимает очень много времени). Это может вообще не происходить (и тогда человек просто «принимает» внешнее «не-Я»). Но иногда это может вытекать в конкретное ощущение отчужденности, враждебности, насущной потребности противопоставления «Себя» всему окружающему миру.

Думается, основная проблема здесь «унаследована» еще от Фихте, который начинал свою знаменитую «диалектику» «Я и не-Я» именно с «Я», *в то время как начинать нужно с «не-Я».* Человек изначально представляет собой скорее «не-Я» – существо без имени и конкретного предназначения. «Я» появляется лишь впоследствии, постепенно вытекая из особенностей конкретного индивида, вступающего в активное взаимодействие с окружающей средой, все больше и больше становящегося взаимодействием активным – преобразующим. Но коль скоро сущность человека есть «ансамбль» (возьмем это слово в кавычки!) общественных отношений, то изначальная «родовая» часть «не-Я» так или иначе обусловлена чуждой, навязанной извне субъективностью. Не только нужда в материальных благах деперсонализирует, но само общество посто-

²⁶⁵ См.: Фромм Э. Здоровое общество. М.: Издательство АСТ, 2015.

янно угрожает поглотить любую индивидуальность. *Поэтому становление личности – это своеобразное прохождение через тернии непонимания, игнорирования, искажения, стирания различий, забывания (например, заслуг). Личность (как нечто социальное) не принадлежит человеку, это не предмет, которым можно владеть. Напротив, она находится за пределами человека как физического существа, в изначально чуждом ему пространстве социального восприятия. В противном случае речь бы шла о личности Робинзона.*

Что примечательно, диалектичность данного процесса заключается в том, что чем сильнее эта враждебность «Я» по отношению к «не-Я» (и «не-Я» по отношению к «Я»!), тем сильнее порыв личностного становления, ибо в таком случае личность знает, с чем она борется, что она преодолевает, кем она не хочет являться, от чего она хочет себя *отличать*²⁶⁶. Поэтому в посткапиталистическом обществе, скорее всего, отчуждение никуда не исчезнет, и стоит ожидать появления *новых (возможно, даже куда более «драматичных» – см. выше) форм отчуждения.*

Как уже было отмечено выше, *отчуждение и становление в качестве личности – это две стороны одной медали, единство в противоречии.* Проблема в том, что, двигаясь в сторону «духовного», то есть постепенно удовлетворяя свои физиологические базовые потребности, человек переходит в состояние, когда ответить на вопрос о том, кто же такой «Я» становится только труднее. Удовлетворение базовых потребностей всегда подразумевает некую очевидность, непосредственное осознание своих «примитивных» потребностей. Боль или голод, *страдания* воспринимаются как органически присущие *самому индивиду.* А потому утоление боли или насыщение рассматриваются как непосредственное блаженство,

²⁶⁶ Схожим образом можно рассуждать о любви, если под ней понимать взаимодополнение личностей. Фромм высказывает интересную мысль, которую, правда, затем практически не развивает: «пока ребенок не осознает мир как объект, он не может охватить его мыслью и восстановить единство с ним. Человек вынужден отчуждаться, чтобы затем преодолеть этот раскол в деятельности разума. То же самое верно применительно к любви. До тех пор, пока ребенок не отделил себя от внешнего мира, он остается его частью и, следовательно, не способен любить. Чтобы я полюбил “другого”, он должен стать мне чужим; в акте любви чужой перестает быть мне чужим и становится мною самим. Любовь предполагает отчуждение – и в то же самое время преодолевает его» (Фромм Э. Из плена иллюзий. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 73).

непосредственное удовлетворение. Здесь индустриальный рабочий или, скажем, крестьянин сословно-классовой эпохи точно знают, каковы они, каковы цели их деятельности, каковы возможные способы эти цели достичь. Все совершенно по-другому, если мы имеем дело с теми, кто освобожден от, условно говоря, «нужды и внешней целесообразности». Они уже не выживают, но вместе этим преодолением тесной зависимости от всего физического, теряется и тесная связь с тем, что определяло точные или хотя бы примерные координаты нахождения их личности в мире объективно существующих вещей. Они действительно становятся свободнее в определении своего «Я», но свобода эта только кажущаяся, ибо любое определение «Я» непредставимо без хотя бы небольшого числа изначальных *внешних* импульсов. А потому бытие творческой личности неизбежно начинается именно с *во многих отношениях несвободного, отчужденного* инкорпорирования в структуру «Я» внешнего для него содержания. К примеру, чтобы у того или иного человека появился литературный вкус, он для начала должен перечитать очень много книг *других авторов*. Чтобы противопоставить «себя» «другому», «Я» должно сначала включить это «другое» в «себя», «примерить» его в структуре своего «Я». Это означает, что на некоторое время это «другое», это «не-Я» неизбежно вторгается в «Я». Поэтому личностное становление – это сложный диалектический процесс *становления «Я» через «не-Я»*. «Я» появляется как единство с «не-Я» и борьба с ним же, *которая порождает синтез – развитие*. И этот процесс в любой момент может пойти не в пользу «Я», которое может принять за свое «подлинное» бытие – бытие чего-то внешнего. И дело здесь не только в капитализме, а в самой сути деятельности социализированных индивидов. Иными словами, в этом процессе также трудно найти грань между поиском «себя» и слепым копированием культурного опыта и творчества «других». В конце концов, сегодня часто можно встретить фанатов современных музыкальных исполнителей или, например, актеров, полностью утрачивающих «себя» и живущих жизнью своих кумиров (так называемый *celebrity worship syndrome*). Можно, конечно, предположить, что утрата многими «себя» в пользу обожаемых «других» является проявлением коммерциализированной поп-культуры, полностью выстроенной на манипуляции массовым сознанием. Однако

это пока остается лишь догадкой, и нужно будет еще выяснить, насколько феномен поклонения кумирам является обусловленным современным капитализмом, и что из этого присуще природе человека, склонного восхищаться достижениями других людей и перенимать опыт другого.

Но это еще полбеда, ибо творчество – это нередко выход за пределы «Я» в *чуждую* среду. Но если больше нет общего для всего человечества набора «объединяющих» черт вроде боли и нужды (что, видимо, и являлось основой для христианского универсализма), если есть полная свобода духовного самоопределения, то с чего мы должны заключить, что освобождение от «нужды и внешней целесообразности» приведет к единству человечества (коммунизму)? Как раз все большее «освобождение», «отпускание» человека в свободное творческое плавание, в пространство «самоконструирования» идентичностей (самодеятельности) и социальных сущностей является прямой предпосылкой для того, чтобы всякое общественное единство и гармония постоянно нарушались. В таком случае выход за пределы своего «Я» будет все чаще оборачиваться *непониманием* людьми друг друга, а то и *непримиримой конфронтацией*.

Стоит отметить, что сегодня пока еще наблюдается сравнительно слабая конкуренция в мире творчества. Творчество пока остается скорее привилегией тех, у кого достаточно на это времени. Лишь мизерный процент населения занимается исключительно творческой деятельностью и не вынужден при этом зарабатывать на хлеб насущный нетворческим трудом. Сегодня налицо скорее нехватка творческих людей в экономике, политике, социальной сфере и т.п. Им пока еще есть, где развернуть свою деятельность, осуществить многие свои мечты. Однако автора сих строк настораживает перспектива общества, в котором материальное производство постепенно автоматизируется, и огромному количеству людей остается выбирать между праздностью и стремлением к творческой самореализации. Учитывая сказанное о специфике творчества и отчуждении, можно предположить, что праздность, бездумная жизнь

в кайфе и наслаждении, а потому умственная и духовная деградация, окажутся неизбежной участью многих из тех, кто не смог выиграть в борьбе за творческую самореализацию. И тенденции развития технологий говорят о том, что соблазнов будет великое множество: от не вызывающих привыкание «наркотиков» и компьютерных игр до секс-роботов и «заменителей» реальности. Но в таком случае получается, что посткапиталистическое общество (если в нем доминирующей является субъектность творческого человека) не менее (а то и более!) противоречиво, чем общество капиталистическое. Все это очень не похоже на «подлинное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»²⁶⁷. Быть может, мы движемся к новой антагонистической общественной формации?

²⁶⁷ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 344.

Глава 3 **Контурь** **посткапиталистического** **общества**

3.1. Новый общественный антагонизм

Итак, выше мы попытались показать, что сам по себе процесс формирования посткапиталистических общественных отношений в корне противоречив. Деятельность наиболее креативных людей, в которых усматривают главную социальную силу движения к посткапиталистическому будущему, будет способствовать росту темпов автоматизации и роботизации производства, лишая тем самым трудовой субъектности тех, кто находится внизу социальной иерархии (а скорее – просто приведет к дальнейшему расширению социальной прослойки прекариата). Возрастающая творческая конкуренция породит отчуждающую борьбу за творческую самореализацию. В целом, творчество – это не только получение удовольствия от совершенствования мира, но и болезненный, «тернистый» процесс, нередко связанный с психическими расстройствами.

Нам могут возразить, что все вышесказанное пока не актуально, есть проблемы поважнее. Сегодня миллиарды людей находятся за чертой бедности, а глобальный капитал продолжает господствовать во всем мире. Однако сложность мировой истории заключается в том, что невозможно четко отделить проблемы сегодняшнего дня от проблем дня завтрашнего. В конце концов, как было отмечено выше, уже сегодня деятельность выдающихся инженеров и изобретателей (создающих роботов и ведущих разработки в области искусственного интеллекта) подчас приводит к тому, что обесценивается труд огромного количества людей. Это также приводит к тому, что планка требований к потенциально востребованным обществом субъектам творческой деятельности постоянно повышается. Современное общество оказывается попросту неспособно предотвратить рост социальной прослойки «лишних людей», кото-

рым не остается ничего другого, как бороться за общественную ренту (например, в форме безусловного дохода). Как отметил еще в 1997 году В.Л. Иноземцев, «в условиях информационной революции человек практически не сможет в течение всей жизни компенсировать раз допущенное отставание в образовании, приходится признать: значительная часть населения оказывается отодвинутой на обочину социально-политического прогресса без всякой надежды быть в него когда-либо инкорпорированной»²⁶⁸. С этим утверждением трудно не согласиться и сегодня, хотя нужно учитывать «капиталистический контекст» происходящего (мы еще вернемся к этому вопросу далее).

Все это наталкивает на мысль, что вслед за капитализмом возникнет новая антагонистическая общественная формация. Общество будущего вполне вероятно будут раздирать противоречия и конфликты. Только антагонизм рабочих и буржуазии сменится антагонизмом выдающихся личностей и всех тех, кто не смог найти себя в одобряемой обществом *деятельности*.

Однако прежде чем попытаться обрисовать возможное антагонистическое общество будущего, необходимо ответить на ряд вопросов, которые могут возникнуть еще до обсуждения ключевого вопроса. Например, зачем вообще говорить об антагонизме применительно к обществу, которое еще только маячит где-то далеко за горизонтом, если еще антагонистические отношения капиталистического общества не нашли своего разрешения? Однако таким вопросом задается только тот, кто придерживается чрезмерно упрощающих реальность взглядов: сначала будто бы разрешаются противоречия старого общества, которое достигает качественно нового состояния, а потом, конечно, в этом качественно новом состоянии могут возникать новые противоречия, но там будут замешаны совершенно другие субъекты. Но проблема в том, что в истории так никогда не было. Новая общественная система всегда «вращалась» в старую. Капитализм, к примеру, словно опухоль, разрастался по те-

²⁶⁸ Иноземцев В.Л. Экспансия творчества — вызов экономической эпохе // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 119.

лу сословно-классового общества и, в конце концов, завладел всем организмом²⁶⁹. При этом никто не говорит о том, что для становления капитализма было необходимо, чтобы сначала крестьяне свергли феодалов, а уже затем на почве постфеодальных отношений родился капитализм. Напротив, последний появлялся изначально как система в системе вместе со своими собственными противоречиями. Возникает закономерный вопрос: почему мы должны считать, что переход к посткапиталистической формации будет представлять собой исключение в виде революции пролетариата (как о том говорил Маркс), который сначала позаботится о принципиальном «улучшении» общества? Может ли быть так, что новая антагонистическая общественная формация (в своем «зачаточном» состоянии) уже сравнительно давно «вшита» в капитализм, но мы ее не замечаем, рассматривая ее противоречия как часть противоречий капиталистического строя? Если мы утвердительно ответим на последний вопрос, то для нас нет никаких препятствий рассуждать о посткапиталистическом обществе, ибо сам предмет рассмотрения уже наличествует (хоть и не в развернутом виде) в современном обществе. Как отмечает А.В. Бузгалин, «если на время абстрагироваться от товарно-денежных форм оценки и учета движения благ (а эти формы были даже в плановой экономике СССР, они присутствуют в деятельности любой некоммерческой организации), то окажется, что в странах с социально ориентированной моделью капитализма (Скандинавия, Австрия и др.) вне отношений товарного производства лежит создание и потребление едва ли не половины всех благ. Это касается большей части дошкольного, школьного и высшего образования; медицины; фундаментальной науки и значи-

²⁶⁹ В.П. Илюшечкин: «процесс перехода на межформационную ступень развития начинается с возникновения новых форм организации производства еще на старой технической базе. Так, переход от первобытности к сословно-классовому обществу начался в сфере производительных сил с переходом от примитивного мотыжного земледелия к ручному пашенному земледелию с применением деревянных ручных орудий труда наподобие сох, копалок, бороздильных палок, а также с утверждением земледельческих общин. Процесс перехода от сословно-классовой к капиталистической стадии развития начался с возникновения и развития простой капиталистической кооперации и ранних форм мануфактуры еще на базе старой ремесленной техники добуржуазной эпохи. Точно также и процесс перехода от капитализма к коммунизму в сфере производительных сил начинается в возникновении социалистических форм производства на базе техники капитализма» (Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 208-209).

тельной части прикладной науки; деятельности общественных организаций и волонтеров; значительной части информационной деятельности (бесплатные библиотеки, Интернет и, в частности, Википедия) и др.»²⁷⁰.

Однако именно эти изменения в структуре современной экономики порождают ложные представления о будущем после капитализма, ибо сегодня многие исследователи склонны видеть в посткапиталистических отношениях в основном только несомненно положительные стороны, а во всем негативном обвинять капитализм. Оттого будущее рассматривается как своего рода идиллия: весь рутинный труд берут на себя машины и роботы, а человек довольствуется свободной творческой деятельностью. При этом творчество рассматривается как нечто во всех смыслах положительное и приятное. При этом даже не допускается, что творческий труд может приводить к новым формам отчуждения, что именно в творчестве имплицитно содержится «зло», которое спешит вырваться наружу и побудить большие массы людей к новому витку «классовой» борьбы (хотя здесь еще нужно будет подумать, насколько применим термин «класс» для будущего общественного антагонизма).

Следующий момент, который следовало бы прояснить – разница между противоречием и антагонизмом. В Советской энциклопедии говорится, что «антагонизм» — это одна из форм противоречий, характеризующаяся острой непримиримой борьбой враждующих сил, тенденций²⁷¹. В.И. Ленин отмечает, что «антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»²⁷². К противоречиям социалистического общества в советской науке относили следующее: противоречия между производительными силами и производственными отношениями; между пролетариатом и непролетарскими слоями населения; между советскими производственными отношениями и мелко-

²⁷⁰ Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 47-48.

²⁷¹ Антагонизм – Советская Энциклопедия. URL:

https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/67/%D0%90%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%93%D0%9E%D0%9D

²⁷² Ленинский сборник. XI. Под ред. Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, М.А. Савельева. М., Л.: Государственное издательство, 1929. С. 357.

буржуазным сознанием значительной части населения и т.п. Иными словами, социализм прекращает непримиримое противостояние классов, остаются локальные противоречия, которые должны разрешаться по мере движения к коммунизму. Как отмечается в «Истории марксистской диалектики», «неантагонистические противоречия социализма коренным образом отличны от антагонизмов капитализма. Если последние основаны на непримиримой враждебности классовых интересов, то первые покоятся на коренной общности интересов дружественных классов и социальных групп»²⁷³. При этом в представлении советских марксистов коммунистическое общество практически лишается противоречий. Совсем, конечно, без противоречий нельзя, ибо так остановится развитие, но принимают они скорее не-социальную форму: «удвоение основных производственных фондов в стране, качественное изменение и усложнение самого производства (если иметь в виду прежде всего объективную сторону процесса, хотя имелись также недочеты и ошибки в планировании) породили противоречие между новым уровнем общественного производства и устаревшими формами хозяйствования»²⁷⁴. Подобное мы находим о Мао Дзэдуна, согласно которому в обществе, «где перестанут существовать классы, никогда не прекратится борьба между новым и старым, между правильным и ошибочным»²⁷⁵. Короче говоря, с переходом к бесклассовому обществу, разрешение противоречий превращается в совокупность управленческих задач.

Здесь также стоит прояснить разницу между антагонистической конкуренцией и неантагонистическим социалистическим соревнованием. И.В. Сталин отмечает: «Иногда социалистическое соревнование смешивают с конкуренцией. Это большая ошибка. Социалистическое соревнование и конкуренция представляют два совершенно различных принципа. Принцип конкуренции: поражение и смерть одних, победа и господство других. Принцип социалистического соревнования: товарищеская помощь отставшим со стороны передовых, с тем, чтобы добиться общего подъема. Конкурен-

²⁷³ Курсанов Г.А. (ред.) История марксистской диалектики. Ленинский этап. М.: Мысль, 1973. URL: <https://leninism.su/books/4066-lenin-kak-filosof.html?showall=&start=12>

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Мао Цзэдун Маленькая красная книжица. М.: Алгоритм, 2007. С. 133.

ция говорит: добивай отставших, чтобы утвердить свое господство»²⁷⁶.

Все это мы отметили, чтобы показать: будущее будет совсем не таким, каким его представляют сторонники неантагонистического посткапитализма.

Каковы основные черты антагонистической общественной формации? Думается, можно выделить две:

- а) наличие господствующего социального слоя, чье господство и вообще «высшее» положение обусловлено «низшим» положением противостоящего ему социального слоя (класса, сословия и т.п.);
- б) вражда между представителями «вышестоящих» и «нижестоящих» социальных слоев, периодически выливающаяся в акты физического насилия.

Выше мы уже отметили, что посткапиталистическое общество сегодня нередко представляется как своего рода идиллия всеобщего творчества.

NB! И хотелось бы отметить, что мы опираемся далеко не только на труды неоднократно здесь цитируемых А.В. Бузгалина и А.И. Колганова. Помимо А. Горца, В.М. Межуева и других неоднократно упоминаемых в настоящей монографии авторов о важнейшей «революционной» роли творчества и субъекта творческой деятельности говорят и такие левые авторы, как Д.Б. Джабборов²⁷⁷, А.В. Шубин и многие другие. А.В. Шубин, к слову, куда более честен и прямолинеен в своей характеристике творческого субъекта, которая во многом пересекается с нашей. Но теоретическая позиция А.В. Шубина хорошо укладывается в охарактеризованный нами тренд анархо-локализма. К примеру: «социально активные индивиды всегда будут стремиться к тому, как-то выделиться из массы, превзойти окружающих, победить в конкуренции за различные блага»; «новый социальный идеал может основываться не на коллективизме, а на дальнейшей социальной атомизации общества» (!); «новое

²⁷⁶ Сталин И.В. Соревнование и трудовой подъем масс. URL: <https://petroleks.ru/stalin/12-19.php>

²⁷⁷ Джабборов Д.Б. Рынок и государство в контексте развития креативного труда // Вопросы экономической теории. 2018. № 6. С. 150-160.

общество сможет дать людям право на свободную творческую самореализацию, самоактуализацию, самовыражение» и т.п.²⁷⁸

Но проблема в том, что, когда сегодня говорят о росте творческих возможностей человека, почему-то не видят того, что этот процесс в корне противоречив. Как мы отметили, нередко рост творческих сил одних приводит к обесценению творческих сил других. Именно деятельность творческих людей приводит к созданию продвинутых машин, роботов, искусственного интеллекта, которые не просто лишают многих людей рабочих мест, но, по сути, их трудовой и творческой субъектности. И здесь мы вновь рискуем попасть в ловушку, обвиняя во всех грехах капитализм. Дескать, если проблема «лишних людей» и существует, то это вина капитализма, который не в состоянии развить в каждом его творческую личность, найти каждому применение²⁷⁹. Отчасти это действительно так, но суть проблемы от этого не меняется: если общество будет способствовать личностному и творческому развитию каждого, то мы просто столкнемся с ситуацией, когда все больше и больше людей будут создавать передовые технологии, которые будут только еще более быстрыми темпами обесценивать труд «среднестатистического» человека.

А проблема обесценения труда человека сегодня рассматривается весьма серьезно. Сегодня говорят о том, что не только рутинный труд будет рано или поздно автоматизирован, но и некоторые аспекты творческой деятельности. В конце концов, уже сегодня искусственный интеллект в состоянии писать симфонии или рисовать картины. Вполне возможно появление алгоритмов-изобретателей, а еще позже – «сильного» искусственного интеллекта, чьи когнитивные способности будут на много порядков опережать человеческие²⁸⁰. Вот что пишет на этот счет израильский историк Ю.Н. Харари: «где гарантия того, что художественное творчество также не покорится алгоритмам? Откуда в нас уверенность, что компьютеры

²⁷⁸ Шубин А. Путь информалиата / Фрумкин К. (сост.) Сингулярность. Образы постчеловечества. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. С. 202, 206, 210.

²⁷⁹ Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производственных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 17.

²⁸⁰ Курцвейл Р. Эволюция разума. Как расширение границ нашего разума позволит решить многие мировые проблемы. М.: Издательство «Э», 2016.

никогда не станут сочинять музыку лучше? С точки зрения естественных наук искусство является продуктом не вдохновенного духа или трансцендентной души, а органических алгоритмов, распознающих математические модели»²⁸¹.

Конечно, в подобных суждениях есть свои преувеличения. Но даже если роботы и искусственный интеллект не обесценят человеческий труд полностью, трудно отрицать, что ускорение темпов технологического прогресса (тем более в условиях еще действующей капиталистической системы!) приведет к росту социальной прослойки «лишних людей», которые не смогут постоянно адаптироваться к меняющейся реальности. Более того, чем больше людей будут высвобождаться из сферы рутинного труда, тем сильнее будет становиться конкуренция в различных сферах творческой деятельности.

И мы здесь должны подчеркнуть слово «конкуренция», ибо не стоит идеализировать творчество как таковое. Конечно, можно получать наслаждение от самого процесса созидания, духовного развития и т.п. Но творчество, как мы убедились выше, непредсказуемо, почти не поддается тренировкам, его нельзя искусственно пробудить (как нельзя запланировать на ту или иную неделю/месяц/год написание литературного шедевра). Соответственно, человек может всю жизнь заниматься творческой деятельностью, но оказаться непонятым, а то и вовсе осуждаемым. Но если в будущем людям останется только творческая деятельность, то разве не окажется творческая неудача фатальной? Разве не будет человек, многократно испытавший неудачи в своих творческих начинаниях, чувствовать себя ничтожным? Стоит помнить, что мы живем в секулярную эпоху, когда «Бог умер», и мало кого убедишь в том, что наш мир – это всего-навсего промежуточный этап, который нужно пережить. И когда машины и роботы сделают бесполезным рутинный труд, смогут ли найти смысл жизни миллиарды выброшенных на обочину жизни людей?

Здесь возникает встречный вопрос: *разве не представим мир, в котором нет культа успеха и всеобщей погони за утверждение себя в этом мире в качестве неповторимых творческих личностей?* Но проблема в том, что культивирование ценностей творческого

²⁸¹ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. С. 376.

развития, самореализации, больших достижений, само почитание добродетелей, свойственных талантливому и гениальным людям, «меняющим мир к лучшему», будет попросту *необходимо*. Мы это обоснуем в следующем параграфе, когда речь пойдет о возможной роли государства в будущем.

3.2. Судьба государства в посткапиталистическом обществе

Подавляющее большинство современных левых теоретиков могут согласиться друг с другом касательно судьбы государства – оно должно быть *ликвидировано*. Правда, на этом «консенсус» кончается и начинаются довольно принципиальные расхождения. Анархисты, как известно, противостояли марксистам разных мастей. Причем именно в вопросе о том, как следует обращаться с государством, и проходит разграничительная черта между анархизмом и марксизмом. Разница заключается в том, что, если анархисты видели (и видят) в качестве врага «№1» государство как таковое, то у марксистов государство является врагом «№2», в то время как враг «№1» – это *класс буржуазии*. Так, анархист М. А. Бакунин в книге «Государственность и анархия» видит *главную* опасность в государстве как бюрократической машине, стремящейся к военной экспансии, служащей интересам различных привилегированных меньшинств и уничтожающей всякую свободу и автономию посредством повсеместной централизации. Сама же государственная власть приводит к неизбежному моральному разложению тех, кто изначально берет ее в свои руки из благородных побуждений. Бакунин пишет: «государство именно и значит *насилие*, господство посредством насилия, замаскированного, если можно, а в крайнем случае – бесцеремонного и откровенного»²⁸². А потому подлинной альтернативой рабству может быть только «федеральная организация снизу-вверх рабочих ассоциаций, групп, общин, волостей и, наконец, областей и народов»²⁸³. В схожем ключе рассуждает П.А. Кропоткин: «возможность достигнуть коммунизма,

²⁸² Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т. 1. Государственность и анархия. Петербург-Москва, 1919. С. 85.

²⁸³ Там же. С. 96.

т.е. владеть сообща всем нашим общественным наследием и производить сообща все богатства, [можно] только путем уничтожения государства, завоевания полной свободы личности, добровольного соглашения и совершенно свободного соединения в союзы и федерации союзов»²⁸⁴.

Соответственно, в отличие от анархистов, Маркс, Энгельс²⁸⁵ и их последователи считали, что сперва нужно уничтожить «диктатуру буржуазии», а затем способствовать постепенному «отмиранию» государства. Само же государство на первых порах даже послужит важнейшим инструментом, обеспечивающим «диктатуру пролетариата» до окончательного и бесповоротного уничтожения «буржуазных пережитков» и становления «царства свободы». Как отмечает Маркс в «Критике Готской программы», «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»²⁸⁶.

²⁸⁴ Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 127.

²⁸⁵ Ф. Энгельс: «Государство было официальным представителем всего общества, оно объединяло его в одной видимой организации, но оно исполняло эту роль лишь постольку, поскольку было государством того класса, который сам являлся представителем всего современного ему общества: в древности-государством граждан-рабовладельцев; в средние века — феодального дворянства; в наше время — буржуазии. Сделавшись, наконец, действительным представителем всего общества, оно станет излишним. Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества, — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-по-малу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не “отменяется”, оно отмирает» (Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 292).

²⁸⁶ Маркс К. Критика Готской программы / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 27.

Но, что примечательно, и марксисты видели коммунистическое общество (вернее – его «завершенный вариант») как своеобразную социальную гармонию, в которой нет надобности в каком-либо надзоре, контроле, принуждении и т.п. Как пишет А. Бебель, «в будущем всякое водительство и руководство общества волей отдельных лиц совершенно исключается. Тогда общество будет демократией, которая познала тайну своей сущности, открыла законы собственного развития и целесообразно применяет их для своего дальнейшего развития»²⁸⁷. П. Лафарг отмечал, что «в коммунистическом обществе не будет привилегированных классов. Там будут только трудящиеся, люди с равными правами и равными возможностями. Поэтому там не будет необходимости в государстве, так как не будет классов, нуждающихся в защите...»²⁸⁸. В.И. Ленин в «Государстве и революции» указывает на то, что в коммунистическом обществе поддержание общественного порядка попросту войдет в привычку и будет осуществляться самими трудящимися: «все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль туенядцев, баричей, мошенников и тому подобных “хранителей традиций капитализма”, – тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие – люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой»²⁸⁹.

Здесь стоит обратить внимание на *главную причину*, по которой анархисты и марксисты считали, что государство рано или поздно будет уничтожено. Государство «отмирает» именно как *политиче-*

²⁸⁷ Бебель А. Будущее общество. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 21.

²⁸⁸ Лафарг П. За и против коммунизма. Собственность и ее происхождение. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 34.

²⁸⁹ Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 102.

ский инструмент подавления одного класса другим²⁹⁰. При этом подразумевается, что в посткапиталистическом обществе *не будет необходимости в централизованной структуре, имеющей монополию на применение насилия*. В буржуазном обществе основная функция государства – это все же *защита частной собственности* (как от внешних врагов, так и от «врагов» внутренних – прежде всего представителей пролетариата). Но, если, собственно, больше нет частной собственности, а все потребности в материальных благах своевременно удовлетворяются (скажем, благодаря автоматизации и роботизации производства), то и не нужен никакой «аппарат принуждения», ибо все люди становятся друг другу «братьями», наслаждающимися подлинным *равенством*. Как пишет А. Бебель, «в будущем строе не известны ни политические, ни уголовные преступления, так как не станет больше частной собственности, и каждый в состоянии будет в новом обществе с легкостью и удобством удовлетворять свои потребности трудом. Точно также не будет более “босяков” и “бродяг”; они – продукт общества, основанного на частной собственности, и исчезнут вместе с этой последней»²⁹¹. Разумеется, отдельные социальные *эксцессы* неизбежны и при коммунизме, но они будут быстро пресекаться «вооруженным народом». При этом то, чем люди будут заниматься в будущем, как считали сторонники идеи «отмирания государства», способствует укреплению общественной *солидарности и равенства*. «Товарищ, –

²⁹⁰ Нам кажется нерелевантной такая трактовка государства как именно инструмента классового господства, ведь исторически существовали другие, не-классовые, формы государства: сословные, жреческие и т.п. Конечно, Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии отмечают, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» (<https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>). Но в «Манифесте» Маркс и Энгельс, очевидно, слишком сильно расширяют значение термина «класс». Маркс и Энгельс вполне осознавали, что существовали другие формы общественных антагонизмов. К примеру, в «Нищете философии» Маркс пишет: «условие освобождения рабочего класса есть уничтожение всех классов; точно также, как условием освобождения третьего сословия, буржуазии, было уничтожение всех и всяческих сословий» (Маркс К. Нищета философии. М.: Издательство «Э», 2016. С. 152). Но если так, то возможны и другие – неклассовые – формы господства и антагонизмов, а потому и «пост-классовое государство». Следовательно, как будет показано далее в тексте, проблематика отмирания государства не сводится к отмиранию специфически-классового господства, а помимо осуществления этого господства, у государства есть и другие функции, отмирание которых в будущем не столь очевидно.

²⁹¹ Бебель А. Будущее общество. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 93.

пишет А. Богданов, – дорог товарищу, как гармонично с ним действующая сила в общей борьбе, как частичное живое воплощение общей цели. Каждый успех в этой общей борьбе, каждый шаг к этой общей цели служит богатым источником той общей радости, к которой взаимные выражения счастливых переживаний усугубляют товарищество и усиливают их радостный характер»²⁹².

Разумеется, левая мысль эволюционировала, и сегодня то, о чем говорят многочисленные и многообразные левые, сильно отличается от того, о чем говорили Маркс или Бакунин. Но какого бы «оттенка» (от умеренных социал-демократов до радикальных автономов) современный левый мыслитель ни был, он, скорее всего, будет *придерживаться старой концепции, согласно которой одна из основных задач всех левых должна заключаться в уничтожении государства*, хотя, как и прежде, способы достижения этого состояния предлагаются совершенно разные (от сквоттинга до установления демократического контроля над государством и способствования его дальнейшему «отмиранию» уже в посткапиталистическом «состоянии»). Можно даже сказать, что к сегодняшнему дню количество сторонников идеи моментальной «ликвидации» государства стало только больше относительно сторонников его постепенного «отмирания». Да и сроки «отмирания» все чаще видятся сокращенными, ибо, в отличие от ситуации вековой давности, задача «обуздания» «царства необходимости» (то есть развития производительных сил в «обобществленном» состоянии до пришествия всеобщего изобилия материальных благ) теперь уже видится куда более простой (ибо прогресс развития науки и техники только ускоряется, и совсем близка якобы всеобщая автоматизация производства).

При этом практически неизменной осталась картина «неантагонистического» будущего. Предполагается, что при отсутствии нужды в материальных благах (и избытке свободного времени) люди будут заниматься преимущественно *наукой и искусством*. Например, в 1878 г. А. Бебель пишет, что будущее общество «...будет располагать учеными и художниками всякого рода в неисчерпаемом количестве, но каждый из них будет известную

²⁹² Богданов А. А. О пролетарской культуре: 1904 – 1924. Л.; М.: Издательское товарищество «Книга», 1924. С. 67.

часть дня физически работать, а остальное время предаваться своим занятиям и искусствам, а также общаться с людьми»²⁹³. При этом имплицитно подразумевается, что в обществе ученых и художников вряд ли потребуется государство. Занятия наукой и искусством признаются чем-то исключительно благородным и даже спланивающим. То же самое мы находим у одного из видных современных марксистов А. В. Бузгалина. Творчество, по его мнению, есть нечто объединяющее, взаимно обогащающее²⁹⁴. «Результатом творческой деятельности, – пишет А.В. Бузгалин, – является не только культурная ценность (и, может быть, даже в первую очередь не культурная ценность), а саморазвитие человека в процессе творческой деятельности. Здесь изменяется само содержание труда. Последний превращается в деятельность по созиданию (и саморазвитию) человека»²⁹⁵. Такую же «гармонизирующую» трактовку посткапиталистического общества как общества солидарно взаимодействующих ученых, деятелей искусства и всех тех, кто занимается «производством человека», мы находим у В. М. Межуева: «общественное производство в границах свободного времени – это производство индивидами всей полноты связей и отношений с миром и другими людьми. Все остальное имеет для них подчиненное значение. Даже

²⁹³ Бебель А. Будущее общество. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 49.

²⁹⁴ А.В. Бузгалин: «творчество – это не просто создание нового. Это (1) деятельность, соединяющая в себе (1.1) распределение культурного феномена, когда вы не потребляете некоторый ресурс (физическое потребление средств производства есть в лучшем случае предпосылка, но не содержание творческой деятельности), а используете его как культурный источник (информации, смысла, вдохновения) и (1.2) созидание нового культурного феномена – идеального в диалектико-материалистическом смысле . Отсюда такие свойства этого результата творческой деятельности, как (1.3) неограниченность и (1.4) потенциальная общедоступность: поскольку вследствие действия механизма распределения издержек затраты на тиражирование культурных благ стремятся к нулю их можно раздавать, не теряя. (2) Результат творчества, однако, многогранен: это и (2.1) культурный феномен (художественное произведение, научный или конструкторский продукт, чему-то научившийся ученик или ставший более здоровым физически и нравственно человек), и (2.2) новые творческие качества самого субъекта творчества (создавая новый творческий результат, вы растете и обогащаетесь в самой этой деятельности). Вследствие последнего творческая деятельность характеризуется (2.3) свойством самомотивации (творческий труд перестает быть обременением и превращается в потребность)» (Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 45).

²⁹⁵ Бузгалин А.В. По ту сторону царства необходимости (эскизы и концепции). М.: Экономическая демократия, 1998. С. 47.

производство материальных благ имеет здесь не просто потребление, но такое, которое соответствует запросам и вкусам общественно развитой личности»²⁹⁶. Соответственно, какое может быть государство, если между людьми наблюдается гармония и «полнота связей»? На самом деле, такой взгляд на посткапиталистическое будущее «без государства» является общераспространенным, свойственен не только отечественным марксистам²⁹⁷. Но не заблуждаются ли левые теоретики, не слишком ли они оптимистично настроены относительно «общества всеобщей творческой самореализации»?

Авторы многих концепций посткапиталистического будущего упускают немаловажные детали. Творческая деятельность, которой будут заниматься люди «светлого посткапиталистического будущего», как мы уже убедились, берется как нечто исключительно положительное, приятное, способствующее самореализации и т.п. Однако, как мы поняли, имеются основания считать, что творческая самореализация связана с самыми разными проблемами. Поэтому стоит детальней взглянуть на то, в каком случае общество «всеобщей творческой самореализации» могло бы обойтись без государства. Для этого необходимо, чтобы:

1. *Всякая творческая деятельность имела равный «вес», значимость и одинаково оценивалось обществом.* В таком случае не было бы оснований для социального расслоения на «успешных» и «лишних» («творческих неудачников»). Соответственно, не было бы нужды в силовом аппарате государства для урегулирования возможных конфликтов между людьми. Однако это, очевидно, невозможно. Все указывает на то, что творческая деятельность в разных случаях имеет разную общественную полезность и значимость. Например, учитель, каким бы креативным он ни был, за свою жизнь имеет дело с несколькими тысячами учеников (и это в современных условиях «поточного» массового образования), в то

²⁹⁶ Межуев В.М. Так что же такое коммунизм? // Альтернативы. 2009. № 1. С. 257-258.

²⁹⁷ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010; Мейсон П. Посткапитализм: гид по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

время как выдающийся писатель или ученый может существенно повлиять на жизнь миллионов, а то и *миллиардов* людей. Более того, как мы уже увидели, возможен и творческий труд, вообще *не имеющий никакого общественного признания*, а то и вызывающий *отторжение* (при этом, разумеется, совсем не факт, что этот труд сам по себе плох, и его результаты в дальнейшем не будут переоценены). Поэтому вполне представимой видится ситуация, *когда существует «страта» творческой верхушки и противостоящие ей творческие «низы»*²⁹⁸. Но там, где есть существенное неравенство, вполне возможна и зависть, ощущение несправедливой «общественной оценки» результатов творческой деятельности, связанная с этим *агрессия*.

2. *Далее, необходимо, чтобы творчество во всех случаях способствовало дальнейшему общественному развитию и взаимному «духовному обогащению».* В таком случае не было бы нужды в государстве, которое бы осуществляло надзор за творческой деятельностью и вовремя *запрещало* ту или иную неблагоприятную для всего общества активность. Но здравый смысл подсказывает, что это также невозможно. Как мы уже отметили в первом разделе настоящей монографии, всегда будут «нездоровые» идеи и попытки их воплотить в жизнь. Только *вместе с увеличением свободного времени и ростом творческих возможностей масс этих «нездоровых» идей будет становиться больше.* Кроме того, преобладание творческой деятельности над областью материального производства все серьезно усложнит. В сфере материального производства в большинстве случаев невозможно достичь успеха, разрушая (если речь не идет, например, об утилизации отходов или сносе старых домов). Но творческая самореализация вполне возможна *чисто*

²⁹⁸ Здесь можно привести критику В.Ф. Шелике концепции А.В. Бугалина: «Дело в том, что в массовом сознании понятие «творчество», как правило, увязывается с пониманием его как особого дара (от природы, бога, черта или еще чего-то) к созиданию чего-либо нового, имеющего общечеловеческую ценность, но дара, который достается, однако, не каждому. И в таком ракурсе общество творцов невольно приобретает характер общества избранных (природой, богом, чертом или еще чем-то), но не общества, в котором комфортно жить и не-творцам (в обыденном смысле этого понятия). Опасность такого толкования А.В. Бугалин пытается преодолеть, отводя не-творцам роль садовников (охранников природы) или пытаясь в любой деятельности найти хоть крупицу нового» (Шелике В.Ф. Незнанный Маркс и некоторые проблемы современности. Ч. 2 // Философские науки. 2013. № 4. С. 99).

негативным способом. Нужно учитывать, что стремление к самореализации может выражаться в стремлении выразить себя любой ценой, пусть даже это насильственные действия, организация экстремистских группировок, а то и вовсе – каких-либо сект, ведущих подрывную деятельность ради построения совершенно другого, правильного-с-их-точки-зрения мира. В конце концов, общественная память довольно долго хранит информацию о серийных маньяках («творческим образом» расправлявшихся со своими жертвами), «незаурядных» террористах и диктаторах, изобретателях оружия, полководцах и т.п. В конце концов, М.Д. Чепмен, убийца Дж. Леннона, так и заявил, что убил своего любимого певца «просто из желания самоутвердиться»²⁹⁹. Перед человечеством неизбежно встанут проблемы, связанные с перспективами изменения природы человека, с масштабными научными экспериментами, выходящими из-под общественного контроля творческими силами и т.п. В этом смысле «распыление» общественного дискурса может обернуться хаосом. *Поэтому возникнет потребность в сочетании прямой демократии с расширением контролирующих и управленческих функций государства* (именно государства, ибо само оно никуда не исчезнет в антагонистическом обществе).

3. *Наконец, и это главное, необходимо, чтобы всякие результаты творческого труда полностью отчуждалось от личности, то есть становилось «общественным достоянием», к которому имел бы доступ каждый, и каждый мог бы им пользоваться как ему заблагорассудится.* В таком случае не нужно было бы защищающее «авторские права» государство. Стоит отметить, что именно за это большинство левых и выступают, когда говорят о необходимости уничтожить авторское и патентное право, а также «обобществить» результаты творческой деятельности (антикопирайт)³⁰⁰. Конечно, эти авторы вовсе не выступают за всеобщую анонимность. Они просто считают, что память о выдающихся заслугах, уважение и признание будут возникать сами собой. Однако все же нужно иметь в виду, что «среднего не дано». Либо речь должна идти о *полной анонимности творчества*, а потому – о пол-

²⁹⁹ Самый известный убийца. URL: <http://www.newlookmedia.ru/?p=12785>

³⁰⁰ Stallman R. Bill Gates and other communists. URL: <https://www.cnet.com/au/news/bill-gates-and-other-communists/>

ном безразличии к авторству, либо следует признать необходимость «защиты авторства». В первом случае мы бы выступали за творчество «умной толпы», во втором – за творчество *персонализированное*, устремленное к выражению *индивидуальности человека* (когда само по себе творчество не является целью, оно необходимо ради ощущения радости от общественного признания творчества).

Но во втором случае все же без государства не обойтись, ибо *результаты творческого труда нуждаются, быть может, даже в еще большей защите, чем материальное богатство*. Последнее, по крайней мере, еще нужно постараться *отнять* у владельца. *Результаты же творчества (будь то музыкальное произведение, поэма или, к примеру, научная теория) изначально даны в «восприятии» обществом (сообществом, публикой, аудиторией и т.п.)*. Поэтому с «беззащитными» результатами творческой деятельности может происходить довольно много неприятных для самого творца вещей: их могут исказить или намеренно коверкать при воспроизведении, их могут использовать в антиобщественных целях (тем самым «очерняя» память о творце), их могут «присваивать» и выдавать за свои «достижения» и т.п.

Такие ситуации будут еще более неприятными, если в посткапиталистическом обществе отбор на наиболее ответственные должности будет производиться именно *по заслугам*. Более того, скорее всего, такой отбор станет *насущной необходимостью*, ибо дальнейшее «технологическое усложнение» общества (см. выше – контроль над негативными проявлениями творческой деятельности) потребует незаурядных управленческих способностей. Поэтому посткапиталистическое общество будет попросту *нуждаться в неискаженных представлениях о заслугах и морально-нравственных качествах отдельных людей*. Соответственно, будет необходима *государственная система защиты и учета творческих достижений* каждого человека постольку, поскольку каждый будет иметь право занять соответствующее своим талантам и заслугам положение в обществе.

Здесь мы, разумеется, в своих предположениях о будущем несколько оторвались от изначальной интуиции левых теоретиков, согласно которой посткапиталистическое общество – это *общество равных*. Фактически мы все ближе подходим к рассмотрению

посткапиталистической общественной формации как *антагонистической*. Только социальные антагонизмы данного общества перестают носить черты классовой борьбы и все больше связываются с *конкурентной личностной самореализацией*. «Обладание личностью» в таком обществе становится важнейшим «стратегическим ресурсом» и источником наслаждения, но в то же время требует постоянной «защиты» со стороны государства, которое следит за тем, чтобы заслуги тех или иных выдающихся деятелей не очернялись, а результаты их творческой деятельности не «присваивались» кем-то в свою пользу³⁰¹.

Конечно, идея государственной системы регистрации и учета заслуг может показаться антиутопической. Однако при должном развитии институтов прямой демократии данная система может служить эффективным инструментом действительного отбора лучших представителей человечества. Она также могла бы давать каждому ощущение непосредственного «принятия» обществом его заслуг (пусть даже эти заслуги относительно скромны). В таком случае даже самый скромный творческий деятель, результаты которого оказались применимы в обществе, был бы уверен, что прожил жизнь не зря (не просто *существовал*, но как бы «*опредметил*» свою личность).

На фоне этого анархическая картина анонимизации творческого труда и полного «обобществления» результатов творческой деятельности могла бы выглядеть куда менее привлекательной. При таком сценарии каждый человек оказывался бы перед *творческим хаосом*, в котором совершенно не понятно, будут ли чьи-либо заслуги вообще кем-либо учтены и зафиксированы без каких-либо искажений.

В принципе, о «творческих толпах» говорят уже сегодня. Причем многие авторы признают, что «творческая толпа» (то есть большое множество рассредоточенных и независимых деятелей,

³⁰¹ А в истории примеров «заимствования заслуг» можно найти довольно много. К примеру, заслугу изобретения пенициллина и его антибактериальных свойств приписывают А. Флемингу, хотя на самом деле этот антибиотик был обнаружен гораздо раньше доктором Э. Дюшеном. Он создал препарат на основе пенициллина, но не потрудился получить на него патент. Похожая ситуация была с итальянцем А. Меуччи, который перебрался в Америку и там изобрел телефон, но не смог выделить из скудного бюджета 10 долларов на оплату патента. Два года спустя А. Белл запатентовал этот аппарат, получив деньги и известность.

среди которых много неспециалистов) может вполне эффективно решать те или иные творческие задачи. Уже сегодня «творческие толпы» используются различными корпорациями. Э. Бриньолфсон и Э. Макафи отмечают, что даже сложные научные задачи могут выполняться «толпой» более эффективно, чем это делают крупные институты, состоящие из узких специалистов. Как они отмечают, «любые проблемы решаются проще, если увеличить число и разнообразие занимающимися ими людей. Это продемонстрировал конкурс по секвенированию генома: ни одно из тех решений, которые оказались одновременно точнее и быстрее эталона, не было предложено специалистами по вычислительной биологии»³⁰². Но нас здесь смущает *потенциал обезличивания в «творческой толпе»*.

Фактически это означает, что огромное количество людей будут тратить свое время впустую, в то время как все лавры победителя будут доставаться только одному человеку или группе. Такая ситуация сама по себе неприятна для подавляющего большинства людей, которые становятся безликими винтиками «эффективной машины решения творческих задач». Поэтому вряд ли благоразумно устроенное посткапиталистическое общество будет порождать «творческие толпы». Но даже при использовании «творческих толп» память о победителе могла бы где-то фиксироваться в качестве незаурядного достижения. Полная же анонимизация творчества попросту приведет к тотальной обезличенности, превратит творческую деятельность в неблагодарный и не особо приятный процесс *избавления от скуки*. Произойдет своеобразное слитие людей в большой копошащийся «творческий алгоритм», в котором единичные победы быстро забываются, и движение постоянно возобновляется с новой силой. Но является ли это *желанным* будущим? Какой смысл в творчестве ради творчества? Смогут ли люди, добровольно принеся в жертву свою личность в пользу равенства, найти смысл в *обезличенной жизни*?

Так или иначе, вышесказанное позволяет заключить, что вполне представимо и даже может быть желанным посткапиталистическое общество, в котором государство сохраняется. Да, оно в таком случае уже не будет инструментом господства какого-либо

³⁰² Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 222.

класса. Оно вообще потеряет свою «классовую» сущность и сильно видоизменится (например, путем введения институтов электронной прямой демократии). Но оно все же останется инструментом, условно говоря, «господства личности».

Кроме того, культивирование ценностей творческого развития, самореализации, больших достижений, само почитание добродетелей, свойственных талантливым и гениальным людям, «меняющим мир к лучшему», будет необходимо по следующим причинам:

Во-первых, человечество еще долгое время будет нуждаться в выдающихся творческих личностях. По мере удлинения продолжительности жизни люди будут всячески бороться со скукой, а это будет порождать большой спрос на результаты творческого труда. Но важнее то, что люди будут стремиться к бессмертию, а его реальное достижение, по всей видимости, потребует усилий огромного числа талантливых и гениальных людей. (Более того, и само творчество можно рассматривать как путь к бессмертию – только в памяти потомков о выдающихся деяниях).

Во-вторых, обществу будут нужны ценностные ориентиры, которые можно было бы противопоставить процессам морального разложения и деградации. А это будет наблюдаться повсеместно, ибо легкая альтернатива борьбе за творческую самореализацию – это «прожигание жизни», уход от реальности в виртуальность. При этом именно в результате творческой деятельности будут появляться новые виды наркотиков и прочих средств личностной деградации. Иными словами, всякое мещанское мирозерцание, выражающееся в стремлении к «обычному человеческому счастью» будет лишь означать капитуляцию перед поглощающей личностью обыденностью, перед соблазнами ничегонеделанья, погоней за новыми дозами одурманивающего кайфа.

При этом главной функцией государства было бы предоставление веского слова *самым достойным представителям человечества*. Дело в том, что массы сами по себе не способны создавать политическую повестку дня. Для упорядоченного и единого политического курса необходим *порядок дискурса*. Иными словами, вместо миллиардов перекрикивающих друг друга голосов, люди должны иметь доступ к ограниченному количеству структурированных дискурсов, между которыми могла бы вестись конкурент-

ная борьба и которым можно было отдавать предпочтение в зависимости от конкретной ситуации.

Думается, для того чтобы дискурс себя структурировал, даже не нужно будет придумывать каких-либо специальных механизмов отбора. Возвышение личности (пусть даже самой лучшей, доброй, настроенной на всеобщее благо) – это всегда процесс становления-ярким-на-фоне, выделения-на-фоне-остальных. *Дискурсивное господство* – это власть над ментальным пространством, а *известность* – важнейшее «средство производства» личности, которого лишены остальные.

Однако сама по себе личность непредставима без того, кто за ней идет, без того, кто ее слушает и понимает. Поэтому здесь наблюдается своего рода «эксплуатация»: выдающаяся личность возвышается над остальными, но без них непредставима. Творческая личность непредставима без публики. Но публика – это далеко не всегда бессубъектный фон или совокупность пассивных людей, по головам которых ходят великие. Напротив, публика – это совокупность воспринимающих субъектов. Без их восприятия, оценки, благодарности и т.п. невозможна никакая творческая субъектность. Поэтому у рядовых граждан останется моральное право требовать от выдающихся личностей соответствующих действий, направленных на качественное улучшение жизни всех. Но проблема в том, что выдающиеся личности всегда будут восприниматься «неличностями» как *враги*. Рядовой гражданин, стремящийся к своей собственной самореализации всегда будет стремиться сбросить с вершины всех тех, кто на ней находится. Господствующая элита будет периодически обвиняться в неспособности обеспечить личностное развитие каждого, в бездействии, в *ошибочности их убеждений*. Вполне возможно, что для носителей новых истин и ценностей «захватчики дискурса» часто будут восприниматься как *экзистенциальные враги*, узурпаторы, необоснованные «владеющие» общественным вниманием. Возможны и обострения данных конфликтов, доходящих до непосредственной *вражды с применением физического насилия*.

Здесь, разумеется, у читателя могут возникнуть вопросы о возможной «одномерности» нашего понимания антагонистической формации. Разумеется, если существует антагонизм, значит господ-

ство высшей социальной прослойки не абсолютно и встречает значительное сопротивление. Поэтому, конечно, мы бы не стали рассматривать государство будущего исключительно как инструмент «господства». Оно вполне может выполнять и «социальные» функции. К примеру, оно могло бы следить за тем, чтобы каждое достижение того или иного человека не пропадало зря, а учитывалось специально созданной системой контроля и учета достижений. Такая система давала бы человеку наглядное представление о полезности (не-абсурдности) его творческих усилий. Данное государство также стремилось бы вовремя пресекать всякие деструктивные «творческие» устремления. Разумеется, не обошлось бы и без урегулирования конфликтов, связанных с «неоднозначным» и неравнозначным восприятием обществом тех или иных результатов творческой деятельности. Однако данную проблему, думается, вполне по силам решить такому обществу, которое нацелено на достижение одной из самых амбициозных задач за историю человеческой цивилизации – сделать так, чтобы каждый ощущал себя частью единого прогрессивного «проекта», устремленного в будущее. Поэтому, вероятно, посткапиталистическое государство будет обладать еще и такой важнейшей функцией как придание смысла индивидуальному творчеству (альтернатива «творчеству ради творчества»). По крайней мере, для ряда творцов оно будет ставить глобальные задачи, выполнение которых возможно только путем единения и сплочения в один большой общественный организм³⁰³. Об этом мы поговорим в следующем параграфе.

3.3. Совладать с личностью?

Историю развития коммунистических идей можно рассмотреть, как историю вечной «дилеммы личности», стоящей перед идеологами коммунистического общества. В так называемом «первобытном коммунизме» вообще не существовало предпосылок для выявления индивидуально-социальных качеств отдельного человека.

³⁰³ Добавим, что некоторые творческие увлечения подразумевают масштабность: их результаты нельзя осуществить иначе, чем с привлечением огромных ресурсов, доступных только таким большим субъектам, как государство.

Только с разделением труда возникают реальные предпосылки вызревания *личностного* в человеке. Как отмечают К. Маркс и Ф. Энгельс «...в ходе исторического развития, – и как раз вследствие того, что при разделении труда общественные отношения неизбежно превращаются в нечто самостоятельное, – появляется различие между жизнью каждого индивида, поскольку она является личной, и его жизнью, поскольку она подчинена той или другой отрасли труда и связанным с ней условиям»³⁰⁴. Однако это вызревание личностного имело своей предпосылкой насилие и эксплуатацию человека человеком. В древнем мире личность строила себя на костях воинов и рабов. Человек как творческий субъект «начинания нового» (Х. Арндт) был возможен только как рабовладелец, то есть эксплуататор, который перекладывает бремя заботы о повседневных благах на других. Поэтому идеал древнегреческого гражданина, который в своей политической деятельности соприкасается с вечностью и посредством славных дел обретает бессмертие, омрачается реальными социальными предпосылками самого своего существования.

Таким образом, с самого своего появления личность является порождением социального зла. Великие герои, полководцы, философы, политики, музыканты, поэты и прочие заметные персоны были «побочным продуктом» различного рода систем эксплуатации, и если и напрямую не служили их поддержанию (или даже в революционном порыве отрицали наличное бытие), то все равно были непредставимы без этих систем эксплуатации как представители «праздного» труда. Поэтому не удивительно, что первые зачатки коммунистических идей, наблюдавшиеся в так называемом древнехристианском коммунизме, ассоциировали стремление к самореализации личности с такими грехами, как алчность, тщеславие, гордыня и т.п. Это, в сущности, и сегодня присутствует в христианстве. Например, на одном из православных порталов был задан вопрос: «Хотелось бы узнать ваше мнение по поводу того, что такое гордость, и когда она становится гордыней, а когда просто чувством собственного достоинства! Легко спутать все это!». На что

³⁰⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 470.

дается развернутый ответ с цитатами из Библии: «Судя по тому, что я вижу в Библии, любой вид гордости: будь то самая чуточка тщеславия, т.е. радости за себя, любимого, или торчащая изо всех щелей гордыня, – ведет к падению и возможной гибели».

Прит.11:2 Придет гордость, придет и посрамление; но со смиренными – мудрость.

Прит.16:18 Погибели предшествует гордость, и падению – надменность.

Прит.21:4 Гордость очей и надменность сердца, отличающие нечестивых, – грех.

Прит.29:23 Гордость человека унижает его, а смиренный духом приобретает честь.

Пс.100:5 гордого очами и надменного сердцем не потерплю.

Иак.4:16 вы, по своей надменности, тщеславьтесь: всякое такое тщеславие есть зло»³⁰⁵.

Но то, что написано в Библии, можно трактовать по-разному. Именно поэтому эпоха «христианского коммунизма» в средние века сменяется эпохой доминирования католической церкви со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде того же тщеславия и алчности римских пап и представителей церковной иерархии. Против этого впоследствии и будут выступать многочисленные сообщества еретиков, пытавшихся построить своеобразные «коммунистические» общины. В них также не было места личности. К. Каутский, например, так характеризует общины анабаптистов в XVI веке: «у прогрессирующих высших классов можно было найти жизнерадостность, сознание собственной личности, для дальнейшего развития которых были даны все условия – “индивидуализм” и ненависть ко всякому стеснению. Коммунисты из третируемых и угнетенных низших классов во время этой борьбы могли до известной степени держаться только благодаря тому, что совершенно подчиняли свою личность общине. Для этих элементов с их мрачным аскетизмом половое, а также всякое другое наслаждение было чем-то таким, что не заслуживает никакого внимания, а выставле-

³⁰⁵ Тщеславие, гордость, гордыня. URL: <http://www.bible.com.ua/answers/r/36/318303>

ние своей личности было не только греховно, но и предосудительно»³⁰⁶.

Неоднозначное отношение к личности мы находим в утопическом социализме. Так, в знаменитой «Утопии» Т. Мора вообще не встречается ни одного упоминания о стремлении утопийцев к социальной «презентации» своей индивидуальности. Возникает впечатление, что идеал Мора – это грамотно организованное общество гедонистов-ремесленников. Главная цель жизни утопийца – испытать как можно больше удовольствия: как телесного, так и духовного. Телесное удовольствие достигается, во-первых, приемом пищи и питья. Во-вторых, «когда удаляется то, обилие чего переполняет тело: это бывает, когда мы очищаем внутренности испражнениями, совершаем акт деторождения, успокаиваем зуд какого-либо органа трением или почесыванием. Иногда же удовольствие возникает без всякого возмещения того, чего требуют наши члены, и без освобождения от страданий, но все же при очевидном движении оно щекочет, поражает и привлекает к себе наши чувства какой-то скрытой силой; это, например, доставляет нам музыка»³⁰⁷. Примечательно, что духовное удовольствие достигается не путем созидания чего-то нового, а путем созерцания (например, истины) или просто наслаждения от добродетельного образа жизни³⁰⁸. Однако уже у Мора мы видим хоть и скрытую, но апологию личности, способной созидать нечто новое. К примеру, именно «профессия» ученого дает возможность быть посланцем, представителем духовенства и, наконец, главой государства³⁰⁹. Мор, таким образом, ставит профессиональных креаторов (творцов) в привилегированное положение, несмотря на весь социалистический пафос его произведения. Заканчивает свое произведение Мор указанием на возможную причину того, что в мире до сих пор нет подобных «утопий». Он пишет: «этому противится одно чудовище, царь и отец всякой гибели, – гордость. Она меряет благополучие не своими удачами, а чужими неудачами. Она не хотела бы даже стать богиней, если бы не оста-

³⁰⁶ Каутский К. История социализма: Предтечи новейшего социализма. М.: Академический проект, 2013. С. 341.

³⁰⁷ Мор Т. Утопия / Мор Т. Утопия; Кампанелла Т. Город Солнца; Бэкон Ф. Новая Атлантида. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 97.

³⁰⁸ Там же. С. 97.

³⁰⁹ Там же. С. 71.

валось никаких несчастных, над которыми она могла бы властвовать и издеваться; ей надо, чтобы счастье сверкало при сравнении с их бедствиями, ей надо развернуть свои богатства, чтобы терзать и разжигать их недостаток»³¹⁰. По сути, это есть указание на одно из свойств личности: успех одного наиболее ярок на фоне поражения остальных. Для людей быть лучше, чем остальные, является самоценностью. Соответственно, процесс приобретения личности является как бы корнем всех социальных бед, так как неизбежно трансформируется в гордыню. Люди просто не хотят жить в утопии, ибо «уравнительная» утопия лишает их права на самореализацию.

Несколько другая картина представлена в трудах Маркса и Энгельса. Для них «кормовая» основа жизнедеятельности личности – это вовсе не социальный паразитизм и эксплуатация человека человеком, а сфера добровольного производительного труда-деятельности. Подспорьем к освобождению личности является развитие производительных сил, автоматизация производства, освобождение от принудительного труда, наличие продуктивного досуга. Согласно Марксу, человек обретает свою сущность только путем преобразования окружающей действительности. В неотчужденной деятельности человек проявляет свою индивидуальность, когда «все предметы становятся для него опредмечиванием самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, его предметами, а это значит, что предмет становится им самим»³¹¹. Дискурс Маркса персоналистичен, он во многих местах ставит акцент на индивидуальности выражения сущностных сил человека. Так, в «Заметках по поводу книги Джемса Милля» Маркс пишет, что в условиях подлинной свободы «в труде я поэтому утверждал бы мою индивидуальную жизнь и, следовательно, собственное своеобразие моей индивидуальности. Труд был бы моей истинной, деятельной собственностью»³¹². В конце концов, завершая «Немецкую идеологию» Маркс и Энгельс пишут, что «пролетарии, чтобы

³¹⁰ Там же. С. 147.

³¹¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 350.

³¹² Маркс К. Заметки по поводу книги Джемса Милля / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 384.

отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие своего собственного существования...» и «должны низвергнуть государство, чтобы утвердить себя как личности»³¹³. Здесь, разумеется, возникает вопрос о том, что конкретно подразумевают под словом «личность» Маркс и Энгельс. Однако, учитывая то, что оба классика марксизма вполне осознавали перспективу полной автоматизации сферы материального производства, под словом «личность» они имели в виду именно творческую личность, проявляющую свои индивидуально-социальные качества. По крайней мере, такая личность виделась им конечной целью движения к коммунизму.

Казалось бы, в теории все выглядело стройно. Личность – это трансцендирующий, то есть выходящий за пределы своей эгоистической замкнутости, индивидуум. В коммунистическом обществе продуктивная деятельность становится главной потребностью, люди в процессе творческой деятельности не просто изменяют природу, но изменяют сами себя. Творчество приносит удовольствие как таковое. Однако Маркс и Энгельс не стали выстраивать долгосрочных прогнозов, не разрабатывали рецептов построения коммунистического общества. А потому то, что в теории выглядело просто, в реальности оказалось гораздо более сложной проблемой, перед которой встали уже большевики.

Революция 1917 г. поставила перед большевиками целый спектр фундаментальных проблем. Среди них была и проблема формулирования дискурса о личности. С одной стороны, необходимо было увязывать официальный партийный дискурс с марксистским дискурсом о преодолении отчуждения, об освобождении личности. С другой стороны, перед большевиками стояла тяжелейшая задача сплочения общества в единую сначала *антиконтрреволюционную*, а затем и антифашистскую силу. Соответственно, возникали многие дискуссии, зачастую затрагивавшие

³¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 472.

проблематику конструирования дискурса о личности. Стоит ли приносить личность настоящего в жертву славному коммунистическому будущему? Имеет ли человек право на базовые политические свободы в условиях первой фазы коммунизма? Должен ли человек подчиняться строгой партийной иерархии? Ответы на эти вопросы появлялись самые разные. Чего только стоит полемика К. Каутского³¹⁴ и Л. Троцкого³¹⁵ о коммунистическом терроре. Стоит упомянуть и критику подавляющего личность советского коммунизма представителями русской религиозной мысли, среди которой наиболее яркая и последовательная принадлежит перу Н.А. Бердяева³¹⁶.

При этом и до революции были предложены самые разные решения «проблемы личности». Например, в знаменитом утопическом романе «Красная звезда» А. Богданов рисует идеальное коммунистическое общество марсиан, которое при этом отличается весьма специфическим отношением к личности. Отношение к гениям-творцам весьма двойственное. С одной стороны, они «двигают общество вперед». С другой стороны, они – лишь часть коллективного целого. Их нельзя прославлять и возвеличивать, а их имена стоит как можно скорее *забыть*. Один из марсиан задает вопрос главному герою: «Разве в руках Мэнни (одного из выдающихся деятелей марсиан – Д.Д.) не находится весь опыт предыдущих поколений и современных ему исследователей и разве не исходил из этого опыта каждый шаг его работы? И разве не природа предоставила ему все элементы и все зародыши его комбинаций? Человек – личность, но дело его безлично. Рано или поздно он умирает с его радостями и страданиями, а оно остается в беспредельно растущей жизни. В этом нет разницы между работниками; неодинакова только величина того, что они пережили, и того, что остается в жизни»³¹⁷. И после того, как главный герой спрашивает рассказчика о том, сохраняется ли имя великого творца после его смерти, тот отвечает: «Имя каждого сохраняется до тех пор, пока живы те, кто жил с ним и знает его. Но человечеству не нужен мертвый символ

³¹⁴ Каутский К. Терроризм и коммунизм. Берлин: Т-во И. П. Ладыжникова, 1919.

³¹⁵ Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. URL:

<https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1920/terr.htm>

³¹⁶ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010.

³¹⁷ Богданов А.А. Красная звезда: Роман. М.: ТЕРРА, СПб.: Северо-Запад, 2009. С. 43.

личности, когда его уже нет. Наша наука и наше искусство безлично хранят то, что сделано общей работой»³¹⁸.

Можно предположить, что в СССР на долгое время возобладал дух «железного» коллективизма, и весы сильно качнулись в сторону подавления личности массой. В конце концов, как и Библию, тексты Маркса и Энгельса, можно трактовать совершенно по-разному, а потому дискурс коллективизма на какое-то время взял верх. Однако вожди СССР выбрали другую политику. Личность они не стали насильно втискивать в рамки коллективного «целого».

Начнем с того, что обращение к великим творцам и героям стало одним из способов конструирования официального дискурса: героям должны были подражать рядовые партийцы. Примеры часто брались из дореволюционного прошлого, как гении описывались не только борцы за свободу и прочие революционеры, но утверждалось, что во всей истории можно найти примеры подлинно человеческого, достойного воспроизведения и подражания и т.д. Коммунизм как бы себе присваивал все лучшее в истории (как учил Ленин), в том числе и истории становления личности (при всех оговорках насчет «классовой и исторической ограниченности»).

Во время партийных чисток каждый должен был обличить себя – то есть произнести публичный доклад, который бы подтверждал коммунистическую сознательность того или иного партийца в конкретных делах. На самом деле, если копнуть глубже, то можно прийти к выводу, что тот же сталинский режим не просто не уничтожил до конца автономию личности. *Он в какой-то степени эту личность создал.* Как отмечает О.В. Хархордин, «сталинский режим заставил каждого коммуниста, а несколько позже и каждого гражданина обличить себя делами, сделать наличие личности очевидным. Требование проявить себя было обязательным для всех, и режим неустанно присматривал за тем, чтобы это требование выполнялось. Таким образом, сталинский режим не только сделал возможным массовое словоупотребление слова “личность”, он также научил население, как признавать и распознать эту личность в себе. В этом смысле режим дал “личность” массам, он дал возможность каждому человеку стать отдельной, а иногда и исключитель-

³¹⁸ Там же.

ной, личностью. В терминах Хайдеггера можно даже сказать, что режим “освободил” личность для существования»³¹⁹.

Однако именно в этих практиках таилась скрытая угроза режима, скрытое противоречие. Диалектическое равновесие между развитием коллектива и утверждением индивида было сложно поддерживать на практике. «С одной стороны, – пишет Хархордин, – социалистическое общество должно было со временем породить блистательные личности. С другой стороны, тех, кто слишком пытался привлечь внимание к примерам ярких индивидуальностей, могли заподозрить в принижении революционного коллектива»³²⁰.

Но стоило железной хватке режима несколько ослабнуть, как личность всюду начала противопоставлять себя коллективу. Практики обличения превратились в практики индивидуализации через *отличие*. Советские граждане продолжали соблюдать различного рода ритуалы, демонстрирующие преданность коллективному началу Советского Союза, но фактически это все больше превращалось в лицемерную демонстрацию «работы над собой». В коллективе люди носили одну маску, но на кухне в кругу семей или в узких группках диссидентов демонстрировали противоположное поведение. В конце концов, партия потеряла власть над личностью. В обществе зрела стихийная революция людей, «наделенных личностью». Все хотели выделиться, иметь индивидуальный стиль, слушать запрещенную музыку и т.п. Партия также не смогла направить практики индивидуализации в сторону именно творческой самореализации. Фактически данные практики превратились в практики погони за дефицитными вещами. Личность окончательно деградировала до индивида-потребителя, приученного равняться на Америку, которую, в свою очередь, все время пытались догнать и перегнать. И «вместо того чтобы долго мучиться в процессе написания уникальной книги и добиться отличия столь сложным путем, стало можно отличиться очень просто – продемонстрировав пораженным гостям уникальную библиотеку, книги которой, возможно, никогда не читались»³²¹. Фактически СССР во многом и разрушила личность: вернее неспособность партии направить ее стремление

³¹⁹ Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002. С. 288.

³²⁰ Там же. С. 238

³²¹ Там же. С. 454.

выделиться в русло общественно востребованного творчества, а также неспособность ее обеспечить людям своего рода «эрзац-самореализацию» посредством роста экономики потребления. И когда СССР достиг кризиса потребления (заметим – в экономике в целом еще никаких катастроф не происходило), не стало и самого СССР.

Таким образом, СССР не смог совладать с личностью. Он ее породил, но укротить не смог.

Можно ли сделать здесь какие-либо предварительные выводы? История показывает, что идею личности и идею коммунизма не так просто совмещать. Для многих борцов за равенство и братство личность была постоянным источником гордыни и тщеславия. Процессу самореализации свойственно перетекать в процесс поиска выгодных отличий от других. В конце концов, наиболее яркие личности – это всякого рода полководцы и политики, вершившие свои «великие дела» на горах трупов «маленьких людей». Возможно, что стремление выделиться – это даже нечто встроенное в генетику человека, то, что ответственно за естественный отбор. И хотя вся марксистская теория всячески сопротивляется сведению сущности человека к некоторым биологически обусловленным характеристикам, трудно спорить с тем, что существует ряд биологически заданных «программ», которые так или иначе воздействуют на поведение человека, каким бы могучим общественным «супер-эго» на него не давили.

Здесь, разумеется, возникает огромное множество вопросов. В конце концов, мы лишь обращались к предыстории коммунизма. Нас могут упрекнуть в том, что в будущем все будет совершенно по-другому, так как не будет тех пережитков буржуазного общества, которые наблюдались в том же СССР, а будет более благоприятная технологическая и социальная среда. Тем не менее есть резон предположить, что те проблемы, с которыми сталкивались сторонники идеи коммунизма ранее, не потеряют своей актуальности.

Например, неизбежно возникнет вопрос о том, какую личность общество будущего будет воспитывать. Нужно ли будет стремиться преодолеть всяческий эгоцентризм, или стремление к самореализации посредством утверждения «я» в обществе – это высшее благо?

Стоит ли следовать рекомендации А. Богданова и забывать имена великих, чтобы не создавать идолов? Как нащупать тонкую грань между выявлением в том или ином человеке индивидуальных особенностей, представляющих его в выгодном свете на фоне остальных, и восхвалением «избранных», которые рискуют при этом превратиться в нарциссов? Личность оказывается крайне проблематичным «объектом» социального творчества, ибо тонкие психологические черты каждого человека труднодоступны для всеохватного изучения и преобразования.

Как было показано выше, самому процессу творческой самореализации присущи внутренние противоречия. Это, с одной стороны, процесс, в котором происходит взаимное культурное «обогащение» людей, диалог между творцами во времени и пространстве. С другой стороны, это процесс, в рамках которого единицы неизбежно выделяются и начинают затенять остальных своими достижениями. Сам «диалог» творческих личностей всегда начинается вовсе не как диалог равных с равными, а как процесс постижения, «усвоения» культурного наследия прошлого человеком, пытающимся найти «себя». В конце концов, существование звезд и обожествляемых «идолов» попросту необходимо. Без жесткого отбора, беспощадно отбрасывающего на периферию творческой жизни различного рода «непонятых гениев», не было бы никакого нормального функционирования системы производства, распределения и потребления продуктов творческой деятельности. От появления на сцене под многотысячные овации до «красной дорожки» и автограф-сессии – всюду формируется соответствующая система «возвышения» звезды или героя. Без этого «порядка личности» производство и потребление продуктов творческой деятельности превратилось бы в какофонию, перекрикивания тысяч людей, пытающихся стать яркими и выдающимися певцами, рок-исполнителями, художниками, поэтами и т.п. Нам нужны яркие личности, чтобы не потеряться в хаосе потоков звуков, цветов, красок. Нам, в конце концов, нужны яркие имена и образы, чтобы иметь примеры, ориентироваться в истории, черпать вдохновение и т.п.

И, скорее всего, драматический разрыв между «звездами» и остальной массой будет усиливаться процессами вытеснения людей из сферы физического и рутинного труда. Соответственно, возни-

кает вопрос: нужны ли обществу многие миллионы творческих людей? Кто будет «потреблять» их творчество? Успеет ли человечество переварить все это творческое многообразие? И это касается не только искусства. Еще в 70-х гг. XX века говорили о «шоке будущего»³²², о возможных проблемах, связанных с тяжелой психологической адаптацией к ускоряющемуся научно-техническому прогрессу. Сегодня же научное творчество ведет к состоянию сингулярности, в рамках которого научно-технический прогресс станет настолько быстрым и сложным, что окажется недоступным пониманию³²³. Но здесь сразу же возникает вопрос: каков смысл в таком не доступном пониманию прогрессе? Нужен ли прогресс ради прогресса? И нужны ли усилия многих творческих личностей, чтобы этот прогресс ускорять в неизвестном направлении?

Тем не менее мы не считаем, что все необходимо оставлять на самотек и уже сегодня признавать, что с ростом численности социальной прослойки «лишних людей» ничего не поделаешь. Да, выше мы отметили, что ситуация парадоксальна: чем больше общество будет вкладываться в личностное, творческое развитие людей, тем быстрее будут создаваться «средства обесценения» труда многих миллионов людей и усиливаться творческая конкуренция. Однако это не значит, что следует отказаться от попытки развития неповторимой личности как можно большего числа людей. Скорее речь идет о том, что движение к нему поставит перед «строителями коммунизма» множество трудноразрешимых социально-политических и технологических задач. Проблема личности сохранится, но уже в новой форме. Думается, главной будет проблема достижения равновесия между развитием отдельных личностей и поддержанием единого коллективного целого. С одной стороны, нужно будет создавать героев, перенастраивать общественные институты на поиск талантов и всестороннее развитие личностей. С другой стороны, всяческое прославление личности будет подстегивать конкуренцию за самореализацию, что неизбежно приведет к

³²² См.: Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002.

³²³ Виндж В. Технологическая сингулярность. URL: <https://old.computerra.ru/think/205650/>

бегству от реальности тех, кто окажется на периферии творческой деятельности или вовсе столкнется со стеной непонимания и отторжения. Для этих людей могут создаваться (причем, скорее всего, ими же самими) свои виртуальные «резервации» с неисчерпаемыми потоками удовольствия, но неизбежно приводящие к деградации личности, возвышение которой невозможно в условиях безмятежного комфорта.

Частным проявлением данной проблемы является проблема избытка различных форм *досуга, мешающего развитию человека как личности*. Стоит признать, что сам по себе досуг – это то, без чего невозможны ни труд, ни творчество. Однако сегодня усиливающаяся конкуренция на рынке труда приводит к необходимости в непрерывном образовании и саморазвитии. И вряд ли эта проблема исчезнет в посткапиталистическом обществе, ибо в условиях повсеместной информатизации и автоматизации как-то проявить себя сможет только тот, кто будет способен конкурировать с растущими способностями машин и других людей. В свою очередь, среди детей и подростков распространяются разного рода зависимости: интернет-зависимость, игромания, зависимость от социальных сетей. Стоит отметить, что в 2008 г. правительство Китая провозгласило интернет-зависимость угрозой здоровью населения, а в июне 2018 года ВОЗ включила зависимость от видеоигр в перечень болезней³²⁴. Иными словами, ситуация двойственна: с одной стороны, становление личности – это глубоко индивидуальный процесс, в который не стоит чрезмерно вмешиваться. С другой стороны, налицо тенденция к очевидному перепроизводству (самими самореализующимися личностями!) развлечений. Возникает ситуация, когда существует слишком много соблазнов *ничего не делать*. В Японии, например, есть специальный термин «хикикомори», обозначающий людей, которые стремятся к предельной изоляции, живут на иждивении у родственников и целые дни (или ночи) прово-

³²⁴ Процесс излечения от интернет-зависимости в Китае описывается следующим образом: «центры, обычно негосударственные, представляют собой синтез армии, тюрьмы и психлечебницы с армейской дисциплиной, дедовщиной со стороны врачей, решетками на окнах, принудительным приемом антидепрессантов, запретом на письма родственникам и прочими радостями невольной жизни...» (Лажинцева Е. Электронный героин: как лечат интернет-зависимость в Китае и других странах. URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/173855-kak-lechat-internet-zavisimyh>).

дят в виртуальном пространстве. Как отмечает В.С. Мартьянов, «сегодня для многих “лишних людей” фактически речь идет об отказе изменять этот мир и свое положение в нем в пользу удобной виртуальной матрицы, которая гасит социальный протест, и в которой каждый может найти место и смысл существования вне социального пространства и исторического времени»³²⁵.

Соответственно, вновь встанет вопрос о свободе, о тех границах, которые общество (точнее – государство) не вправе переступать, чтобы не нарушать интимного пространства личности и не превратиться в «Большого Брата». Иными словами, если для капиталистической стадии развития общества классовое господство было оправдано необходимостью принуждать людей к труду, то, по всей видимости, новая структура господства (выдающихся личностей и «созидателей/узурпаторов дискурса»?) будет оправдываться необходимостью *принуждать* людей к личностному развитию и ограждать их от многочисленных средств массовой деградации, которые уже изобретает и неизбежно в еще большем количестве изобретет наука.

Однако не стоит переоценивать темпы автоматизации и роботизации производства материальных и нематериальных благ. Вместо простого признания, что создавать будущее будет только «привилегированное» меньшинство «истинно творческих» личностей, мы бы все же предпочли отчаянную борьбу за личностное развитие *как можно большего* числа людей. И в этом смысле иногда нужно обращать внимание на ближайшую перспективу.

Выше мы уже отметили, что общественно-необходимый труд даже при дальнейшем активном развитии производительных сил вряд ли окончательно исчезнет. Но если не всем уготована судьба видных писателей, поэтов, музыкантов или ученых, вполне возможно, что многие найдут себя в куда более «прозаичных» («второстепенных»?) реалиях общественно-необходимого труда.

³²⁵ Мартьянов В.С. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 148.

NB! Автора сих строк неоднократно критиковали за некоторую тенденциозность, «одномерность» представлений о личности и роли творческой самореализации в будущем. Разумеется, нельзя исключать обширное поле деятельности, посвященное организации жизни «под себя», в той мере, в которой появляются новые возможности для таковой. Жить там, где хочется, в таком доме, в каком хочется, иметь соответствующий досуг, копаться в своем огороде или мастерской с 3D-принтером и пр. Этим, вполне вероятно, и займется большинство, не слишком отягощая себя проблемами творчества и признания. Однако мы и не говорим о том, что в будущем все непременно будут творческими личностями или стремиться стать таковыми. *Скорее речь идет о том, что творческие личности станут новым господствующим слоем «захватчиков дискурса».* Подобным образом и в буржуазном обществе отнюдь не все стремятся быть представителями буржуазии.

Здесь мы лишь относительно уже сказанного можем добавить, что труд – это не просто что-то чуждое и принудительное. Можно также предположить, что труд «подпитывает» всякую повседневную мораль. Труд дисциплинирует, устанавливает четкие рамки, в которых нечто потребляемое дается в вознаграждение за некие испытанные неудобства или даже муки. Благодаря труду пространство воспринимается как совокупность ограничений, требующих приложения усилий или самосовершенствования. Отсюда прямая связь с моралью: труд (начинающийся на самом деле со школьной скамьи) формирует соответствующую установку, готовность на внутренние самоограничения. Иными словами, труд готовит почву для всякой морали, ибо мораль немыслима без самоограничений. Нам могут возразить, что в сословно-классовые времена существовал относительно многочисленный класс рантье-землевладельцев, многие представители которых становились писателями, поэтами или учеными, придерживались рыцарских этикетов и в целом вели одухотворенную жизнь. Однако и в те времена быть дворянином означало также *служить*, то есть исполнять долг перед тем, кто тебе дал все имеющиеся привилегии. Кроме того, не стоит забывать, что в ту эпоху сама жизнь была своеобразным трудом, независимо

от сословной принадлежности. Смерть и муки лишений поджидали человека всюду.

Более того, вполне возможно, что в посткапиталистическом будущем прямая демократия потребует от граждан высокого уровня *духовного развития*. При этом заметим, что быть всесторонне развитым – еще не значит непременно быть великим новатором, популярным певцом или изобретателем. Можно быть хорошим ценителем искусства, хорошо разбираться в науке и технике, в целом в нравственном отношении быть достойным человеком, но не создавать ничего *нового*. Вполне возможно, что именно быть *достойным человеком* и сознательно избегать отчуждающей борьбы за творческую самореализацию станет вполне приемлемым и оправданным жизненным кредо. В конце концов, вместо погони за новыми открытиями и достижениями можно просто *наслаждаться жизнью, испытывать удовольствие от красоты вновь создаваемого человечеством мира*.

Соответственно, никакие выводы о неизбежности социального расслоения на творческую элиту и «праздное» большинство не должны служить оправданием бездействия. Поэтому мы должны здесь вернуться к защите *централистского* взгляда на посткапиталистическое будущее.

В последнее время, как мы уже неоднократно отмечали ранее, становятся популярными различные концепции безусловного дохода. Однако есть основания полагать, что решение проблемы «лишних людей» путем раздачи денег или материальных благ не является лучшим из возможных сценариев. Возникает *проблема смысла (проблема личности)*: сможет ли избавившийся от необходимости работать «лишний человек» найти себе занятие по душе, которое могло бы «обеспечить» его жизнь *смыслом и целью*? Не превратится ли социальная прослойка «лишних людей» в маргинальных отшельников, озлобленных и неудовлетворенных жизнью? Является ли с гуманистической точки зрения приемлемым признание *естественного* разделения общества на «полезных» и *никудышных, ни на что не способных* «прожигателей жизни»? Как справедливо от-

мечает М. Маяцкий, «бездеятельность, свобода от принудительного, прежде всего физического труда, досуг – обязательное условие созерцательного, теоретического образа жизни, знания и творчества, но одновременно и ловушка, в которой поджидает сладкий меланхолический искус. Из тысячелетней привилегии элит бездеятельность за один последний век стала достоянием, завоеванием и кошмаром масс. Обуздывать непокорную материю оказалось куда проще, чем заниматься эфемерным и конечным собой»³²⁶. *Обеспеченность безусловным доходом, таким образом, еще не есть решение «проблемы личности».*

Конечно, труд можно попытаться заменить *игрой*. Израильский историк Ю.Н. Харари считает, что религия, которая была источником смысла жизни для многих на протяжении тысячелетий – это тоже игра. Религиозные сообщества «выдумывают» правила (например, нельзя есть свинину, необходимо молиться каждый день и т.д.), а сама по себе вера напоминает игровой процесс: если вы выполняете все вымышленные правила, значит вы заработали некоторое количество очков, если забыли сходить на воскресное богослужение – потеряли и т.п. Выигрыш – это переход на следующий уровень (например, Рай после смерти). Чтобы жить ради этого, совершенно не обязательно работать. Как пишет Харари, «В Израиле значительный процент ультраортодоксальных мужчин-евреев никогда не работают. Они всю жизнь проводят в чтении священных книг и в совершении религиозных обрядов. Они и их семьи не голодают отчасти потому, что их жены работают, а отчасти благодаря государственным субсидиям»³²⁷. Соответственно, почему бы не создавать виртуальные миры, где люди могли бы жить и играть, зарабатывать очки, соревноваться, проявлять свою индивидуальность и т.п.? Однако и такой подход вызывает двойственные ощущения. Не всем придется по душе виртуальный суррогат. Конечно, в виртуальных мирах самих по себе нет ничего плохого. Это большое пространство для творчества. Но это также нечто *ненастоящее, вторичное, игрушечное*. Отправить большую часть населения в «виртуальный отстойник» – все равно, что позволить своему ребенку не

³²⁶ Маяцкий М. Курорт Европа: эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. С. 26–27.

³²⁷ Harari Y. N. The Meaning of Life in a World Without Work. URL:

<https://www.theguardian.com/technology/2017/may/08/virtual-reality-religion-robots-sapiens-book>

учиться и дни и ночи напролет играть в видеоигры. Сам же Харари пишет: «вам не обязательно ехать в Израиль, чтобы увидеть пост-трудовой мир. Если у вас есть сын, который любит компьютерные игры, вы можете просто провести собственный эксперимент. Обеспечьте его небольшой субсидией кока-колы и пиццы, а также уберегите все требования к его работе и вообще ваш родительский надзор. Он не будет делать никакой домашней работы, будет пропускать уроки в школе, не будет являться на обед и вообще перестанет мыться и даже спать. Однако он не будет при этом страдать от скуки или отсутствия смысла»³²⁸. Данный пример весьма примечателен. Некоторая часть современного общества сегодня подобна такому ребенку, который жаждет, чтобы его обеспечили колой и пиццей и разрешили делать все, что ему заблагорассудится. Но если каждый находящийся в здравом уме человек понимает, что нельзя идти на поводу у детей, ибо они должны сначала получить образование и вырасти, чтобы здраво рассуждать и принимать рациональные решения, то по отношению к обществу подобную логику сегодня применяют нечасто.

С другой стороны, и вынужденный труд не есть благо. Однако речь сегодня идет, по сути, о лишении немалого числа людей *трудовой субъектности*. Конечно, у них еще остается возможность заниматься самообразованием, попытаться найти себя в творчестве, писать книги, стать художниками или, например, танцорами, но все это – довольно сомнительные способы самореализации в условиях информационного избытка и недостатка профессиональной подготовки и жизненного опыта, а потому результаты деятельности «лишних людей», скорее всего, окажутся *инфомусором*. Да и в целом вчерашний «человек труда» еще не успел стать «человеком-личностью», а потому стоит вспомнить известные слова Х. Арндт: «animal laborans никогда не тратит свое избыточное время ни на что, кроме потребления, и чем больше ему будет оставлено времени, тем ненасытнее и опаснее станут его желания и его аппетит»³²⁹.

Но так ли безнадежен человеческий труд? Есть основания полагать, что сегодня *потребность в человеческом труде только*

³²⁸ Ibid.

³²⁹ Арндт Х. *Vita Activa* или О деятельной жизни. М.: Алетея, 2000. С. 171.

растет. И вовсе не технологии делают человека бесполезным, а само общество.

Начнем с того, что существование растущей социальной прослойки «лишних людей» во многом обусловлено соответствующим состоянием *современных систем образования*. Как отмечает М. Форд, «данные многочисленных опросов и исследований показывают, что многие студенты, проходящие сейчас обучение в американских колледжах, не обладают необходимым для этого уровнем подготовки и знаний, а в некоторых случаях просто не способны выполнять задания на том уровне, который предполагает высшее образование. Значительная часть из них не сможет закончить обучение, но при этом все равно будет вынуждена выплачивать свои неподъемные образовательные кредиты. Из тех, кто все-таки закончит учебу, по крайней мере половина не сможет найти работу, для выполнения которой действительно требуется высшее образование, что бы там работодатели ни писали в своих объявлениях. В целом около 20% выпускников высших учебных заведений в США не используют в своей текущей работе полученные в годы студенчества знания, а их средний доход падает вот уже более десятилетия»³³⁰. Согласно статистическим данным, в США 99 процентов населения старше 15 лет умеют читать и писать, однако средний уровень научных знаний ниже, чем в других развитых странах³³¹.

Несмотря на появление новых методик, по своему существу образовательный процесс в школе или университете не менялся уже очень давно (и если менялся, то к худшему!). В школе за 40-45 минут учитель должен успеть донести до в лучшем случае 25-30 человек некоторое знание, не забыв учесть индивидуальные особенности каждого. КПД школьного урока, разумеется, стремится к нулю, ибо с таким количеством людей и за такое количество времени невозможно успеть наладить эффективный диалог. Более того, невозможно отслеживать успеваемость всех учеников одновременно, а они нередко пропускают занятия по самым разным причинам, а потому – теряют из виду общую картину изучаемого предмета. Было бы приемлемо, если школьный учитель вел уроки у 2-3

³³⁰ Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. С. 333.

³³¹ Лагунина И. Споры о реформе системы школьного образования в США. URL: <https://www.svoboda.org/a/24457620.html>

классов, но нередко учитель должен успевать работать одновременно с 10-15, а то и с большим количеством коллективов³³². Подойти к образовательному процессу творчески, попытаться внедрить какие-то инновационные методы обучения при такой аудиторной нагрузке и при сопутствующей бюрократии крайне сложно, если не сказать невозможно.

Думается, эффективное образование может быть обеспечено только *трудом гораздо большего количества учителей в расчете на численность обучающихся*. В классе должно быть не 20-30, а 10-15 человек (а то и меньше десяти). Учебная нагрузка учителя должна быть не 27-36, а 12-18 часов в неделю. Только в таком случае учитель сможет эффективно взаимодействовать с учениками, быть им настоящим наставником и другом, сопереживать и бороться за успех каждого³³³.

И было бы ошибкой считать, что школьных учителей тоже в скором времени заменят роботы, а потому подобные расчеты будто бы не оправданны. Роботы смогут заменить только современного «массового» учителя, суть работы которого сводится исключительно к *передаче информации*. В данном контексте, действительно, нет никакой разницы, поставить ли перед классом человека, который будет зачитывать пункты параграфа, или робота, который сделает то же самое эмулятором голоса. Современному же обществу необходим учитель как *наставник, психолог, друг, сопереживающий человек*, оказывающий всяческую поддержку ученикам на пути личностного становления. Здесь, разумеется, ни о какой роботизации не может идти и речи.

Вышесказанное актуально не только применительно к школе. Похожая ситуация складывается в дошкольном³³⁴ и высшем образовании.

³³² Российский учитель, как правило, работает на полторы-две ставки (27-36 часов в неделю). В США ситуация немного лучше – в среднем там учитель отводит 5 уроков в день и 25 в неделю.

³³³ Таким образом, учителей должно быть в 2-2,5 раза больше. В США сегодня 3,5 млн учителей. В России – 1,36 млн (Сторч Л. Математический коллапс и анти-реформа образования. URL: <http://m.echo.msk.ru/blogs/detail.php?ID=1586118>). Соответственно, необходим труд еще, как минимум, 3,5-5,25 млн человек в США и 1,36-2,04 млн человек в России.

³³⁴ В России, согласно Санитарным правилам и нормам, в детских садах для малышей, не достигших 3-х лет, предпочтителен расчет 2,5 квадратных метра на человека, а для детей

Известно, что личность ребенка формируется в первые годы его жизни. Вряд ли в переполненных группах детских садов воспитатели успевают должным образом следить за детьми, не говоря уже о развивающих занятиях. В любом случае и 25-30 детей в группе детского сада – это тоже очень много. И не столько даже из-за того, что воспитателям сложно работать таким количеством детей сразу. Куда более существенная проблема – различного рода инфекции, которые очень быстро распространяются в детских коллективах. Нередки случаи, когда ребенок больше времени болеет, нежели посещает детский сад. Это приводит к тому, что родители вынуждены часто брать больничный, а это уже имеет негативные экономические последствия³³⁵.

В «Мире полудня», фантастическом цикле А. и Б. Стругацких, описывается светлое (хотя и не идеальное) коммунистическое будущее, в котором принята так называемая Высокая теория воспитания (например, роман «Полдень, XXII век»³³⁶). Согласно данной теории, воспитанием детей должны заниматься профессионалы, а не родители, которые слишком сильно любят своих детей. С года ребенок проводит большую часть времени в интернате (хотя родители могут в любое время посещать его). Количество учеников на одного учителя, как правило, от трех до пяти, но не больше семи. Учитель (воспитатель) своей главной обязанностью должен считать выявление и развитие талантов каждого. Стругацкие показывают, насколько важной может быть общественная роль учителя, если это

от 3-х лет – не менее двух квадратных метров. То есть фактически в группе детского сада должно быть 20-25 человек, хотя реальная наполняемость превышает норму по стране в среднем на 41 % (Сколько детей должно быть в одной группе детского сада по закону 2019 года. URL: <http://molsemja.ru/sovety/skolko-detej-dolzno-byt-v-odnoj-gruppe-detskogo-sada-po-zakonu-2015-goda.html>).

³³⁵ В США ситуация в каком-то аспекте еще хуже, ибо бесплатные детские сады там вообще редкость и предоставляются только семьям с низким уровнем доходов (для трех человек таким считается \$19 790 в год). Частные детские сады в США, конечно, находятся в гораздо лучшем состоянии, но и плата за них немаленькая. Средняя стоимость частного сада для детей от шести месяцев до трех лет – около \$1000 в месяц (Буняк Ю. Как устроены детские сады в Америке. URL: <http://www.forumdaily.com/kak-ustroeny-detskie-sady-v-amerike/>), причем еду, подгузники и прочие детские принадлежности родители, как правило, должны приносить сами. Думается, в малообещающем для большей части населения США (и многих других стран) будущем тех, кто способен отдать своего ребенка в платный детский сад, будет становиться все меньше.

³³⁶ См.: Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Полдень, XXII век. М.: Издательство АСТ, 2017.

настоящий учитель (воспитатель), важнейшая фигура, от которой зависит дальнейшая судьба и раскрытие талантов ученика. Такого учителя (воспитателя) никогда не сможет заменить машина. И относительно сегодняшнего дня приходится признать, что нам еще очень далеко до подобной системы. И даже если представить, что для улучшения ситуации в дошкольном образовании нужно сократить размеры групп хотя бы до 12-13 детей, *то обществу потребуется вдвое больше воспитателей и нянь.*

Что касается высшего образования, то и оно за редкими исключениями далеко от идеала на Западе, не говоря уже о России, где ситуацию иначе как катастрофической назвать нельзя. Как отмечает И.М. Бусыгина, «в современном мире идет товаризация образования: множество дипломов и сертификатов – не более чем рыночный товар. Однако российская проблема еще глубже: предлагаемый на образовательном рынке товар – плохого качества, иными словами, большинство дипломов российских вузов *заведомо неконкурентоспособны*»³³⁷. Оттого, например, «в России <...> пик безработицы *среди имеющих высшее образование* приходится на возрастную категорию 20-24 лет, при этом каждый четвертый (23%) в возрасте до 29 лет имеет диплом вуза»³³⁸. И основная проблема не в том, что сегодня в России слишком много вузов³³⁹. Низкое качество образования в России связано с тем, что преподаватели в вузах, ввиду очень большой аудиторной нагрузки (порядка 900 часов в год), обычно выдают научный продукт очень низкого качества. Иными словами, они не являются учеными в полном смысле слова, ибо времени на науку у них нет. А высшее образование сегодня, как известно, предполагает включенность преподавателя в науку, его творческий потенциал и способность вовлечь в исследователь-

³³⁷ Бусыгина И.М. Прекариат: новый вызов для современных обществ и его концептуализация (Размышления над книгой Г. Стэндинга) // *Общественные науки и современность*. 2016. № 3. С. 43.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Для успешного развития нужно, чтобы 40–60% взрослого населения имело высшее образование, а ученые должны составлять 2–5% от общей численности населения (Оделов Ю.Г., Руденко Г.Г. Экономика труда: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 352). По результатам переписи 2010 г., в России высшее образование имеют только 23 % населения (среди людей старше 14 лет), а еще 5 % – неоконченное высшее (Бессуднов А. 3 графика, опровергающие миф, что в России много людей с высшим образованием. URL: https://republic.ru/russia/6_grafikov_kotorye_oprovergayut_mif_o_tom_chto_v_rossii_mnogo_lyudey_s_vysshim_obrazovaniem-808854.xhtml).

ский процесс своих студентов и аспирантов. В идеале, разумеется, аудиторная нагрузка вузовского преподавателя не должна превышать 300 часов в год. В таком случае он мог бы успевать заниматься наукой и хорошо готовиться к лекциям³⁴⁰.

При этом речь здесь идет о взаимообусловленных явлениях: по-настоящему работоспособная система образования не должна выращивать «лишних людей», легко заменяемых роботами, но только во всех смыслах развитую личность (в широком значении этого слова), готовую всю жизнь учиться, самосовершенствоваться, стремиться к чему-то и т.п.

Разумеется, речь идет о том, что противоречит не только реалиям современного капитализма, но и с различным анархо-локалистским представлениям о посткапиталистическом обществе. Всеобщая устремленность на всестороннее развитие как можно большего количества людей в условиях нарастающей творческой конкуренции людей друг с другом и с искусственным интеллектом по силам только мощному *государству*, постоянно развивающему (и расширяющему!) систему образования³⁴¹. Именно от системы образования сегодня зависит, насколько богатым во всех смыслах будет общество.

³⁴⁰ Это фактически означает, что в стране должно быть в 3 раза больше преподавателей. Если же учесть, что специалистов в России с действительно качественным высшим образованием должно быть не 23 %, а 40-60, то речь будет идти о существенной нехватке вузовских преподавателей. Сегодня в России преподавательский состав государственных вузов включает 265 тысяч человек, из которых 153 тысячи человек – кандидаты и доктора наук. В негосударственных вузах занято более 42 тысяч преподавателей (Статистика российского образования. URL: <http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml>). В идеале же преподавателей-ученых должно быть 1,8-2 млн человек.

³⁴¹ Здесь мы согласимся с М.Г. Деягиным, который пишет: «чтобы превращать молодежь не в “квалифицированных потребителей”, “эффективных менеджеров” и “молодых технократов”, а во всесторонне и гармонично развитые личности, нужны значительно большие усилия, требующие не только более высокой квалификации, но и большего числа педагогов» (Деягин М.Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Том I. Общая теория глобализации. Издание двенадцатое, переработанное и дополненное. М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019. С. 497).

Выводы

Итак, какой можно сделать вывод? Читателю может показаться, что в настоящем разделе дело зашло в область фантастики и футурологии. Однако специфика ситуации заключается в том, что вышеописанный сценарий основан исключительно на том, что уже можно наблюдать сегодня. Более того, за основу специально принят благоприятный сценарий развития общества, в рамках которого переход к посткапитализму – это постепенное освобождение от гнета буржуазной системы и вообще становление максимально демократического общества. Но даже такое движение без каких-либо эксцессов и исторических спиралей порождает большое количество вопросов о будущем, о том, насколько оно будет соответствовать идеалам современных сторонников идеи посткапитализма. Есть все основания считать, что мы движемся к очередной антагонистической общественной формации. И это, думается, важно отметить именно сегодня, так как мы рискуем оказаться обманутыми ожиданиями. Более того, мы рискуем упустить важный факт: становление посткапиталистической формации уже давно идет. Оно идет как процесс постепенного возвышения технократической и духовной элиты, и как «обратный» процесс постепенного «обесценения» труда большого количества людей, прекаризации и тому подобного. И именно сегодня можно задуматься над тем, можно ли сделать этот процесс менее драматичным.

Любая общественная формация – это спектр возможностей. Эпоха буржуазного способа производства была неоднородной. Мы видели эпоху борьбы рабочего класса за свои права. Мы также видели построение социального государства и даже такой грандиозный порыв творческой энергии, как Союз Советских Социалистических Республик. Вполне возможно, что и будущая антагонистическая формация даст нам определенное пространство для маневра. Будем надеяться, что и эту вершину человеческий гений сумеет покорить.

Мы согласны с теми авторами, которые считают, что человек в посткапиталистическом обществе не обязательно будет наслаждаться всеобщей гармонией. Посткапитализм, скорее всего, не преодолет все человеческие пороки, в мире без капитала и эксплу-

атации человеческого труда не перестанут случаться трагедии и не все достигнут высот в творческой самореализации. Но автор сих строк считает, что все может быть еще сложнее и драматичней. Творческое становление личности — крайне сложный и противоречивый процесс, имеющий неоднозначные социальные последствия. Творчеству неизбежно сопутствует отчуждение, ибо это, наверное, наиболее непредсказуемый и «опосредованный» вид деятельности человека. Творчество — воистину неисчерпаемый источник богатства и наслаждения жизнью, но это также путь к эгоцентризму. Процесс творческой самореализации подразумевает выделение «Я» из массы, личность затеняет всех остальных, чтобы быть увиденной всеми. Без такого иерархического возвышения избранных творчество превратилось бы в хаотическое перекрикивание людьми друг друга. Это также означает, что выдающаяся личность *самим своим существованием перекрывает другим людям подходы к творческим вершинам и тем самым оставляет их в обезличенном состоянии*. Восхождение новой творческой личности — это драматический (часто связанный с насилием и жестокостью) процесс вытеснения «старого» чем-то «новым» и «свежим», путь тяжелой борьбы за пьедесталы славы, общественного признания или хотя бы внимание локального или профессионального сообщества. Достигшая вершин, творческая личность словно начинает *господствовать* над всеми остальными своими потенциальными конкурентами, обладая *славой, известностью, именем* как набором *стратегических преимуществ* (невольно напрашивается аналогия со средствами производства). Она «захватывает», «узурпирует» публичный дискурс.

Процесс движения к посткапиталистическому обществу будет, скорее всего, далек от идеалов коллективной борьбы угнетенных классов и народов за равенство и братство. Это будет противоречивый процесс, от которого выиграют далеко не все. Он будет усугублен последствиями технологического прогресса, усиливающего творческую конкуренцию не только между людьми, но и между людьми и искусственным интеллектом. Вполне реальна перспектива, в которой подавляющее большинство людей попросту оказываются «лишними», не способными стать героями и реализовавшими свой творческий потенциал личностями. И основная драма будущего будет заключаться вовсе не в том, что низшая социальная страта

будет угнетаема или эксплуатируема. Напротив, представители этой низшей страты «лишних людей» будут попросту уходить, убегать от самой творческой деятельности, погружаться в обыденность, искать «обыкновенного земного счастья». Конечно, это чревато моральной деградацией от праздности и избытка различного рода развлечений. Но важнее то, что для высшей страты творческих людей — это будет подобно смерти, ибо и они нуждаются в массе поклонников, сторонников и последователей, без которых их труд и творчество оказываются абсурдными. Соответственно, власть одной страты над другой в будущем будет иметь другие, более утонченные формы. Скорее это будет выглядеть как постоянная борьба за вовлечение в процесс производства и прежде всего потребления результатов творческого труда широких масс людей, которым сам процесс творческой деятельности в большинстве случаев неприятен, у них он вызывает чувство отчужденности и осознания бесполезности каких-либо усилий.

Поэтому не стоит питать иллюзий о будущем. Скорее наоборот — стоит задуматься, можно ли как-то улучшить ситуацию, так изменить общественные и политические институты (уже сегодня!), чтобы драма возвышения творческой личности и падения «лишнего человека» (вплоть до появления страты «второсортных») оказалась не столь трагичной и для дальнейшего развития человеческой цивилизации.

Вышесказанное позволяет предположить, что в будущем государство (вполне возможно — общемировое!) может сыграть важную роль в борьбе с отчуждением творчества. Например, оно может организовать работу над единой огромной базой данных существующих в мире творческих проектов. Каждый в таком случае мог бы быстро узнавать, над чем уже ведется работа, сколько людей работают над той или иной научной проблематикой, оценить свои шансы на успех (нечто подобное описал А. Богданов в своем романе «Красная звезда», но применительно к физическому труду). Можно было бы создать систему учета и контроля достижений, когда каждый человек мог бы видеть, что его творческий труд признается обществом и приносит определенную (пусть даже самую малую) пользу. Государство может также бороться со слишком сильной творческой конкуренцией. Для этого оно могло бы выда-

вать своего рода квоты, четко фиксирующие численность занятых в той или иной сфере деятельности. В качестве своего приоритета оно может выбрать не достижение максимального успеха в одной области трудом максимального количества конкурирующих друг с другом индивидуумов («умные толпы»), но расширение самого количества «творческих ремесел». Разумеется, речь здесь идет не о запрете заниматься той или иной деятельностью, если «лимит» превышен. В конце концов, писать детективы или любовные романы, создавать эскизы для 3-D принтеров и тому подобное вряд ли кто-то будет запрещать. Скорее, речь идет о расширительном распределении выделяемых на творческие проекты ограниченных средств (научные лаборатории, огромные экспериментальные комплексы, космодромы т.п.). Если же речь идет о художественном творчестве, то здесь необходимо будет сосредоточиться на психологической помощи, на предотвращении таких явлений, как общественная травля, надругательства над трудами творческих деятелей, на поддержке творческих инициатив (например, организация взаимодействия между начинающими писателями и литературными критиками, продвижение тех произведений, которые не могут быть замечены общественностью из-за отсутствия у начинающих творцов необходимой славы и влияния). Наконец, государство может само активно выступать в качестве большого коллективного субъекта творческой деятельности, объединять многие коллективы в одни большие суперколлективы, дающие чувство сопричастности к большому делу (покорение космоса, создание крайне сложных и сверхмасштабных произведений искусства и т.п.). Оно может активно вовлекать людей в творческую деятельность путем совершенствования систем образования (вплоть до системы «один наставник — один ученик»), побуждать их стремиться к самореализации, создавать образы героев и активно их пропагандировать.

Заключение

Настоящая книга задумывалась как своего рода критическая реакция на сложившееся преобладание в левой политической мысли анархо-локалистских тенденций. Действительно, сегодня очень соблазнительно говорить о посткапиталистических общественных отношениях как о чем-то зарождающемся в условиях современной капиталистической системы, постепенно вызревающим и мирно, почти бескровно «замещающем» старые элементы системы – новыми. И соблазнительность такого представления о становлении посткапиталистического общества заключается не столько даже в пресловутой «политической корректности», сколько в предельной простоте: гораздо проще предсказывать наступление общества мирно взаимодействующих, самоорганизующихся свободных творческих индивидуумов, нежели пытаться во всей целостности представить сложную разветвленную структуру высокоразвитого в технологическом плане общества, в котором сохраняющиеся противоречия приводят к необходимости возникновения всемирных централизованных институтов, нацеленных на решение глобальных экономических, политических, культурных задач. Представления о свободной сетевой самоорганизации попросту гармонично соответствуют «по духу» современному капитализму, а потому у всех на слуху неолиберальные «мантры» о свободе личности, необходимости самоорганизации и т.п.³⁴² Сложившаяся мода на анархо-локалистские способы аргументации, все чаще затрагивающая и бывший изначально преимущественно централистским марксизм, является попросту проявлением «ухода от ответственности». Данная стратегия привлекательна тем, что позволяет «продвигать» левый дискурс, помещать его в повседневную критику современного капиталистического общества, избегая при этом обвинений в утопичности. Левые интеллектуалы тем самым получают своего рода «прививку» от критики и могут в любой момент указать, что речь в их трудах идет не об утопии, а о «повседневной борьбе» (которая вполне может и содержать призывы к централистской организа-

³⁴² Болтански Л, Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

ции), критике реального положения дел, а структура посткапиталистического общества постепенно выстроится из политической практики.

Однако главная проблема здесь заключается в том, что отсутствие внятных представлений о возможном будущем посткапиталистическом обществе может привести к самообману в политической практике левых, «исказить» само представление о наблюдаемой реальности и релевантных методах ее изменения к лучшему. Думается, главной целью настоящей книги было все же показать, что рассуждать о посткапиталистическом обществе следует *целостно*, беря во внимание все возможные проблемы и противоречия, с которыми может столкнуться человечество на пути к «светлому будущему». Но именно это и является проблемным местом современных концепций посткапитализма. Они слишком сильно упрощают сложную реальность, фокусируются на каких-то отдельных аспектах социо-структурных и технологических трансформаций. При «взгляде со стороны», при большем «масштабе» рассмотрения, оказывается, что все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Грядущее посткапиталистическое общество, скорее всего, не просто не будет являться всеобщей социальной гармонией и технологическим «раем на Земле». Скорее речь должна идти о том, что грядущая общественная формация будет куда более противоречивой, опасной и непредсказуемой, чем современная капиталистическая. И сама по себе посткапиталистическая общественная формация окажется *антагонистической*, ибо налицо тенденция к постклассовому расслоению общества на «захватчиков дискурса» и всю остальную массу потребителей результатов творческой деятельности и ищущих собственные способы самореализации в мире отчуждения творчества. Человечество также неизбежно столкнется с новыми «испытаниями на прочность», с «муками творчества», поисками смысла жизни в условиях нарастающих темпов «творческой конкуренции» людей друг с другом и искусственным интеллектом. Одной из фундаментальных проблем станет определение будущего человечества как вида, «обуздание» технологического развития, ставящего по угрозу существование нашей цивилизации.

Книгу объединяет один сквозной «месседж»: пробраться сквозь многочисленные «тернии посткапитализма» сможет только *единое*

человечество, не рассеянные самоорганизующиеся сообщества, а сплоченное, *собранное* Человечество, способное демократическим образом решать масштабные проблемы. Если попытаться выразить суть предельно кратко, то институты управления и хозяйственной координации будущего общества должны *быть куда более централизованными* и при этом демократичными, чем сегодня полагается в многочисленных марксистских концепциях. Дальнейшее развитие технологий будет давать для этого необходимый инструментарий. Проблема заключается уже не столько в технологиях и технологической реализуемости, сколько в политической воле.

Кроме того, централистская перспектива посткапиталистического общества может стать попросту *жизненно необходимой*. Человечество, чтобы выжить, должно будет объединиться и из единого *центра* следить за развитием потенциально опасных технологий (в том числе изменения природы человека), «покорять» «царство необходимости», направлять общественно-необходимый труд на пользу всему человечеству, стремиться к хотя бы относительному равенству возможностей и диалогу поколений. Несомненно, обрисованные в книге перспективы новой антагонистической формации не позволяют нам утверждать, что такое единство будет абсолютным. Однако любая общественная формация – это спектр вариаций и возможностей. Будем надеяться, что мы станем свидетелями не худшего воплощения возможного будущего.

Библиография

Агашанова Н. «Каталог всей Земли». Кто такой Стюарт Бранд, и как его идеи продолжают менять наш мир [Электронный ресурс]. URL: <https://esquire.ru/relaxation/62032-whole-earth-catalog/> (дата обращения: 25.05.2019).

Алексенко А. В Китае родились первые генетически-модифицированные дети [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/369639-v-kitae-rodilis-pervye-geneticheski-modificirovannye-deti> (дата обращения: 25.05.2019).

Альтюссер Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006. 392 с.

Антагонизм – Советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/67/%D0%90%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%93%D0%9E%D0%9D (дата обращения: 25.05.2019).

Арендт Х. Vita Activa или О деятельной жизни. М.: Алетейя, 2000. 437 с.

Базанов С. Можно ли взломать Биткойн? Возможные уязвимости и способы противостояния им. URL: <https://medium.com/bitcoin-review/можно-ли-взломать-биткойн-87c8caee57c4> (дата обращения: 25.05.2018).

Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т. 1. Государственность и анархия. Петербург-Москва, 1919. 321 с.

Бebelь А. Будущее общество. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 169 с.

Белых А.К. О диалектике отмирания государства // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 13-21.

Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 316 с.

Бердяев Н.А. Самопознание / Бердяев Н.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 365-680.

Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010. 349 с.

Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря / Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 277-412.

Бессуднов А. 3 графика, опровергающие миф, что в России много людей с высшим образованием [Электронный ресурс]. URL: https://republic.ru/russia/6_grafikov_kotorye_oprovergayut_mif_o_tom_chno_v_rossii_mnogo_lyudey_s_vysshim_obrazovaniem-808854.xhtml (дата обращения: 25.05.2019).

Блашке Р., Дильтей М., Дрешер Й. и др. Идея освобождающего безусловного основного дохода [Электронный ресурс]. URL: http://www.psgd.info/files/publications/extern/bge_book_3.pdf (дата обращения: 25.05.2019).

Блэк Б. Упразднение работы [Электронный ресурс]. URL: <http://imperium.lenin.ru/~kaledin/bblack/abo.html> (дата обращения: 25.05.2019).

Богатые продолжают богатеть: как растет глобальное имущественное неравенство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/milliardery/371457-bogatye-prodolzhayut-bogatet-kak-rastet-globalnoe-imushchestvennoe-neravenstvo> (дата обращения: 25.05.2019).

Богданов А. А. О пролетарской культуре: 1904 – 1924. Л.; М.: Издательское товарищество «Книга», 1924. 344 с.

Богданов А.А. Красная звезда: Роман. М.: ТЕРРА, СПб.: Северо-Запад, 2009. 224 с.

Болтански Л, Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.

Брегман Р. Утопия для реалистов: Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер, 2018. 356 с.

Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: Neoclassic, АСТ, 2017. 384 с.

Брэдбери Р.Д. 451' по Фаренгейту. М.: Эксмо, 2018. 256 с.

Бузгалин А. В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43-53.

Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18-28.

Бузгалин А.В. XXI век и «провалы марксизма»: в чем был прав и в чем ошибался Маркс? / А.В. Бузгалин, ред. Марксизм: Альтер-

нативы XXI века. Дебаты постсоветской школы критического марксизма. М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 242-264.

Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43-53.

Бузгалин А.В. По ту сторону «царства необходимости» (Эскизы и концепции). М.: Экономическая демократия, 1998. 191 с.

Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производственных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10-38.

Бузгалин А.В. Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // Свободная мысль. 2014. № 1. С. 135–146.

Бузгалин А.В., Гринберг Р.С., Колганов А.И. Глобальный мир в тупике. Где выход? // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 3-13.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: В 2 т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. М.: Ленанд, 2015. 902 с.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование в экономике XXI века: какое и для чего? // Terra Economicus. 2017. №. 1. С. 29-43.

Буняк Ю. Как устроены детские сады в Америке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forumdaily.com/kak-ustroeny-detskie-sady-v-amerike/> (дата обращения: 25.05.2019).

Бусыгина И.М. Прекариат: новый вызов для современных обществ и его концептуализация (Размышления над книгой Г.Стэндинга) // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 34-47.

Варнавский В.Г. Экономический рост в США: тренды и факторы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. С. 26-39.

Век А. Великие неудачники. Все напасти и промахи кумиров. М.: ВКТ, АСТ, Астрель, Времена 2, 2011. 320 с.

Виндж В. Технологическая сингулярность. URL: <https://old.computerra.ru/think/205650/> (дата обращения: 25.03.2019).

Вишневский Б. От «Далекой радуги» — к «Градусу обреченности» [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/03/20/75875-miry-strugatskih> (дата обращения: 25.05.2019).

Воейков М.И. Два лика русского марксизма: Бердяев и Межуев versus Ленин и Славин / А.В. Бузгалин, ред. Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма). М.: URSS, 2009. С. 186-222.

Воейков М.И. За критический марксизм: Полемика с учеными. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 192 с.

Голованов Г. Генная терапия рака увеличит социальное неравенство [Электронный ресурс]. URL: <https://hightech.fm/2018/01/15/unequal-gene-therapy> (дата обращения: 25.05.2019).

Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010. 208 с.

Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014. 172 с.

Давыдов Д.А. Концепция постматериализма Р. Инглхарта в критической перспективе // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. № 3. С. 86–102.

Давыдов Д.А., Фишман Л.Г. Грядущее рентное общество // Свободная мысль. 2015. № 5. С. 151–164.

Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 1999. 224 с.

Делягин М.Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Том I. Общая теория глобализации. Издание двенадцатое, переработанное и дополненное. М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019. 832 с.

Делягин М.Г. Чего мы не знаем? // Свободная мысль. 2015. №1. С. 37-50.

Джабборов Д.Б. Рынок и государство в контексте развития креативного труда // Вопросы экономической теории. 2018. № 6. С. 150-160.

Дзарасов С.С. Переосмысление социализма XXI века / Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. С. 450-517.

Дунаевская Р. Марксизм и свобода: С 1776 года до наших дней. М.: НПЦ «Праксис», 2011. 482 с.

Ефремов И. Туманность Андромеды. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1958. 352 с.

Ефремов И.А. Час Быка. М.: Издательство АСТ, 2015. 640 с.

Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М.: Карьера Пресс, 2017. 288 с.

Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 406 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Иноземцев В. Что отличает российскую экономику от советской [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/02/09/56bc83fb9a794713b41712fc> (дата обращения: 25.05.2019).

Иноземцев В.Л. Экспансия творчества — вызов экономической эпохе // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 110-122.

Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2017. 280 с.

Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. М.: Алгоритм, 2007.

Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005. 192 с.

Капелюшников Р. И. Технологический прогресс -пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 111-140.

Капица Л.М. Старение населения в индустриально развитых странах и миграционная политика (часть I) // Мировое и национальное хозяйства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2016-1-kapitsa.pdf> (дата обращения: 25.05.2019).

Карл Маркс признан величайшим мыслителем тысячелетия [Электронный ресурс]. URL: <https://fakty.ua/115980-karl-marks-priznan-velichajshim-myslitem-tysyacheletiya> (дата обращения: 25.05.2019).

Карпов П.И. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. Л.: Государственное изда-

тельство, 1926. [Электронный ресурс] URL: <http://www.psychiatry.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/2606/Karpov.pdf> (дата обращения: 25.05.2019).

Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009. 574 с.

Касториадис К. Возможно ли создать новую форму общества? / Касториадис К. Дрейфующее общество. Беседы и дискуссии (1974-1997). М.: Гнозис/Логос, 2012. С. 133-151.

Каутский К. История социализма: Предтечи новейшего социализма. М.: Академический проект, 2013. 848 с.

Каутский К. К критике теории и практики марксизма (“Анти-бернштейн”). М.: Едиториал УРСС, 2016. 304 с.

Каутский К. Терроризм и коммунизм. Берлин: Т-во И. П. Ладыхникова, 1919. 227 с.

Колганов А. И., Бузгалин А. В. Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 120-130.

Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются / Дерлугьян Г., ред. Есть ли будущее у капитализма? М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 61–113.

Кондрашов П.Н. Онтология историчности в философии Маркса // Логос. 2011. № 2. С. 82-98.

Кондрашов П.Н. Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2019. 216 с.

Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов. Драма философских идей в 18 главах с эпилогом. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 682 с.

Коряковцев А.А. Революционность рабочего класса: марксистская теория и современная реальность // Социум и власть. 2013. № 4. С. 65-68.

Косолапов Р.И. Социализм: к вопросам теории. 2-е изд. М.: Мысль, 1979. 601 с.

Котлер С., Диамандис П. Изобилие. Будущее будет лучше, чем вы думаете. М.: АСТ, 2018. 608 с.

Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 480 с.

Курсанов Г.А. (ред.) История марксистской диалектики. Ленинский этап. М.: Мысль, 1973. [Электронный ресурс]. URL: <https://leninism.su/books/4066-lenin-kak-filosof.html?showall=&start=12> (дата обращения: 25.05.2019).

Курцвейл Р. Эволюция разума. Как расширение границ нашего разума позволит решить многие мировые проблемы. М.: Издательство «Э», 2016. 352 с.

Кутырев В.А. Левый консерватизм как философия сопротивления техногенной деградации человечества (Михаил Лифшиц и конец классической марксистской философии — по итогам празднования 200-летия со дня рождения К. Маркса) // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 95-110.

Кутырев В.А. Они идут... встречайте! (об антропологической инволюции техногенной цивилизации) // Философия хозяйства. 2018. №1. С. 213-226.

Лагунина И. Споры о реформе системы школьного образования в США [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24457620.html> (дата обращения: 25.05.2019).

Лажинцева Е. Электронный героин: как лечат интернет-зависимость в Китае и других странах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/173855-kak-lechat-internet-zavisimyh> (дата обращения: 25.05.2019).

Лакруа Ж. Персонализм: истоки - основания — актуальность / Лакруа Ж. Персонализм: избранное. М.: РОССПЭН, 2004. С. 5-164.

Лафарг П. За и против коммунизма. Собственность и ее происхождение. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 198 с.

Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М.: ЛЕНАНД, 2018. 152 с.

Ленинский сборник. XI. Под ред. Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, М.А. Савельева. М., Л.: Государственное издательство, 1929. 421 с.

Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М.: Азбука, 2016. 352 с.

Лэйн Д. «Посткапитализм» как новая экономическая система: критика // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 8-21.

Любутин К.Н., Франц С.В. Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://lunacharsky.newgod.ru/issledovania/rossijskie-versii-marksizma/religia-i-socializm/> (дата обращения: 25.05.2019).

Майданский А.Д. «Не отомрет, с-собака!» Э. В. Ильенков о государстве // Свободная мысль. 2013. № 4. С. 171-182.

Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 320 с.

Манифест против труда. Группа «Кризис» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krisis.org/1999/manifest-protif-truda/> (дата обращения: 25.05.2019).

Мао Цзэдун. Маленькая красная книжица. М.: Алгоритм, 2007. 448 с.

Мареева Е.В. От искусственного интеллекта к искусственной душе // Вопросы философии. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=12&Itemid=27 (дата обращения: 25.05.2019).

Маркофф Д. Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 408 с.

Маркс К. Гражданская война во Франции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Civwar/index.html> (дата обращения: 25.05.2019).

Маркс К. Заметки по поводу книги Джемса Милля / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 359-385.

Маркс К. К критике политической экономии / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 1-167.

Маркс К. Капитал. Т. 1 / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.

Маркс К. Капитал. Т. 3 / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25, ч. II. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962.

Маркс К. Критика Готской программы / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 9-32.

Маркс К. Критика Готской программы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1875/gotha.htm> (дата обращения: 25.05.2019).

Маркс К. Нищета философии. М.: Издательство «Э», 2016. 160 с.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 303-388.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/front/mar/manifest.htm> (дата обращения: 25.05.2019).

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7-544.

Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. 331 с.

Мартьянов В.С. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 141-153.

Мартьянов В.С. Рентная демократия // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Т. 16. № 3. С. 41-60.

Маяцкий М. Курорт Европа: эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. 176 с.

Межуев В.М. Есть ли будущее у социализма? (1991) // Свободная мысль. 2011. № 7-8. С. 73-78.

Межуев В.М. Маркс против марксизма: Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. 172 с.

Межуев В.М. Так что же такое коммунизм? // Альтернативы. 2009. № 1. С. 151-159.

Мейсон П. Посткапитализм: гид по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.

Мигунов Д. Сказку сделать прибылью: почему США угрожает бедность [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/801476/dmitrii-migunov/skazku-sdelat-pribyliu-pochemu-ssha-ugrozhaet-bednost> (дата обращения: 25.05.2019).

Минделл Д. Восстание машин отменяется. Мифы о роботизации. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 310 с.

Михаил Бочаров: За годы либеральных «реформ» Россия дополнительно потеряла более 28 миллионов человек [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rline.tv/news/2018-11-11-mikhail-bocharov-za-gody-liberalnykh-reform-rossiya-dopolnitelno-poteryala-bolee-28-millionov-chelov/> (дата обращения: 25.05.2019).

Мор Т. Утопия / Мор Т. Утопия; Кампанелла Т. Город Солнца; Бэкон Ф. Новая Атлантида. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 5-148.

Мунье Э. Манифест персонализма / Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Издательство «Республика», 1999. С. 267-411.

Мунье Э. Персонализм / Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Издательство «Республика», 1999. С. 459-539.

Мунье Э. Что такое персонализм? М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. 128 с.

Нас спасут киборги. Илон Маск предлагает альтернативу искусственному интеллекту [Электронный ресурс]. URL: <http://nv.ua/techno/gadgets/nas-spasut-kiborgi-ilon-mask-predlagaet-alternativu-iskusstvennomu-intellektu-647195.html> (дата обращения: 25.05.2019).

Негри А. Коммунизм: некоторые мысли о концепте и практике [Электронный ресурс]. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/kommunizm-nekotorye-mysli-o-kontsepte-i-praktike> (дата обращения: 25.05.2019).

Оделов Ю.Г., Руденко Г.Г. Экономика труда: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2011. 386 с.

Ойттинен В. Об экономии времени и «царстве свободы» // Логос. 2011. № 2. С. 37-44.

Плетников Ю.К. Материалистическое понимание истории и проблемы теории социализма. М.: Альфа М, 2008. 368 с.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

Продолжительность жизни в США впервые продолжила снижаться третий год подряд [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/640069> (дата обращения: 25.05.2019).

Риддли М. Рациональный оптимист. М.: Эксмо, 2015. 560 с.

Робертс М. Деиндустриализация и социализм [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rotfront.su/деиндустриализация-и-социализм/> (дата обращения: 25.05.2019).

Сайерс Ш. Идея коммунизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. № 1. С. 7-20.

Самый известный убийца [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newlookmedia.ru/?p=12785> (дата обращения: 25.05.2019).

Саркисян Д. Нобелевскую премию по медицине дали за новый метод лечения рака. Что это за терапия? Объясняет онколог Михаил Ласков [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2018/10/01/nobelevskuyu-premiyu-po-meditsine-dali-za-novyy-metod-lecheniya-raka-chto-eto-za-terapiya> (дата обращения: 25.05.2019).

Сидорина Т.Ю. Труд: его кризис и будущее в контексте трендов мирового цивилизационного развития // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 22-33.

Сильченко С. Рост ВВП США стал максимальным с 2014 года [Электронный ресурс]. URL: https://fingazeta.ru/ekonomika/mirovaya_ekonomika/449582/ (дата обращения: 25.05.2019).

Скляр Л. Конец света, конец капитализма и начально новой радикальной социологии // Социологические исследования. 2018. №6. С. 141-145.

Сколько детей должно быть в одной группе детского сада по закону 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <http://molsemja.ru/sovety/skolko-detej-dolzno-byt-v-odnoj-gruppe->

detskogo-sada-po-zakonu-2015-goda.html (дата обращения: 25.05.2019).

Средний класс в США продолжает вымирать [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/109042> (дата обращения: 25.05.2019).

Срничек Н., Вильямс А. Пост-трудоое воображаемое [Электронный ресурс]. URL: <http://www.art-initiatives.org/ru/content/srnichek-williams-post-trudovoe-voobrazhaемое-ru> (дата обращения: 25.05.2019).

Срничек Н., Уильямс А. Какими должны быть левые XXI столетия [Электронный ресурс]. URL: https://gorky.media/fragments/kakimi-dolzhen-byt-levye-hhi-stoletiya/?utm_source=pulse_mail_ru&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru (дата обращения: 25.05.2019).

Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t14/t14_57.htm (дата обращения: 25.05.2019).

Сталин И.В. Соревнование и трудовой подъем масс [Электронный ресурс]. URL: <https://petroleks.ru/stalin/12-19.php> (дата обращения: 25.05.2019).

Старостина Ю., Ткачев И. Эксперты признали неравенство в России сопоставимым с 1905 годом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/12/2017/5a33e2fc9a79471b6d846e24> (дата обращения: 25.05.2019).

Статистика российского образования [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml> (дата обращения: 25.03.2019).

Сторч Л. Математический коллапс и анти-реформа образования [Электронный ресурс]. URL: <http://m.echo.msk.ru/blogs/detail.php?ID=1586118> (дата обращения: 25.05.2018).

Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Полдень, XXII век. М.: Издательство АСТ, 2017. 416 с.

Стэндинг Г. Прекариат: Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014. 328 с.

Тарасов А.Н. «Антиглобалисты»: ликбез // Скепсис. 2008. №5. С. 14-22. С. 20.

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.

Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3-13.

Трахтенберг А.Д. Интернет как возвышенный объект идеологии в антикапиталистической риторике // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. № 8. С. 241-256.

Трахтенберг А.Д. Интернет как идеология: альтернативная социальность и альтернативная реальность (об осмыслении информационной революции в современной левой мысли // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 21 (121). С. 111-117.

Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1920/terr.htm> (дата обращения: 25.05.2019).

Тщеславие, гордость, гордыня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bible.com.ua/answers/r/36/318303> (дата обращения: 25.05.2019).

Удинцев Н. График дня: сколько живут музыканты разных жанров [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/experience-news/213015-genres> (дата обращения: 25.05.2019).

Уильямс А., Шрничек Н. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 7-20.

Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. От капитализма к рентному обществу? // Полития: Анализ, Хроника, Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2015. № 1 (76). С. 39-54.

Фишман Л., Мартьянов В., Давыдов Д. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2019. 303 с.

Фишман Л.Г. Происхождение демократии: «Бог» из военной машины. Екатеринбург: РИО УрО РАН. 258 с.

Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI. 2007. 421 с.

Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 430 с.

Фрейд З. Недовольство культурой / Фрейд З. Психоанализ творчества. Леонардо да Винчи, Микеланджело, Достоевский. М.: Алгоритм, 2016. С. 8-90.

Фромм Э. Здоровое общество. М.: Издательство АСТ, 2015. 448 с.

Фромм Э. Из плена иллюзий. М.: Издательство АСТ, 2017. 224 с.

Фромм Э. Иметь или быть? М.: Издательство АСТ, 2017. 320 с.

Фрумкин К.Г. Проблема страданий как социального ориентира // Свободная мысль. 2018. № 5. С. 71-86.

Фрумкин К.Г. Что будет после капитализма? Попытки ответа на старый вопрос // Новый мир. 2013. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/2/f10.html (дата обращения: 25.05.2019).

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: Люкс, АСТ, 2008. 352 с.

Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 496 с.

Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002. 511 с.

Хомский Н. Государство будущего. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. 104 с.

Чанг Х. Как устроена экономика. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.

Черных Е. Поэты живут на 7 лет меньше писателей. URL: <https://kr.ua/life/553206-poety-zhyvut-na-7-let-menshe-pysatelei>.

Шаргунов С. «Смерть ходила за ним по пятам...». Глава из новой книги Сергея Шаргунова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2871701> (дата обращения: 25.05.2019).

Шелике В.Ф. Непознанный Маркс и некоторые проблемы современности. Ч. 2 // Философские науки. 2013. № 4. С. 94 - 107.

Шубин А. Путь информалиата / Фрумкин К. (сост.) Сингулярность. Образы постчеловечества. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. С.165-202.

Экономисты: богатые люди живут не дольше бедных [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/science/news/2018/10/30/n_12227107.shtml (дата обращения: 25.05.2019).

Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 5-343.

Энгельс Ф. Об авторитете / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 302-305.

Энгельс Ф. Об ассоциации будущего / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 405.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 185-230.

Юнгер Ф. Г. Совершенство техники. СПб.: Владимир Даль, 2002. 564 с.

Adno V., Claridge G., Clark K. Psychotic Traits in Comedians // The British Journal of Psychiatry. 2014. Vol. 204. № 5. Pp. 341-345.

Albo G. The Limits of Eco-Localism: Scale, Strategy, Socialism // Socialist Register. 2007. Vol. 39. Pp. 337-363.

Andreasen N.C. The Relationship between Creativity and Mood Disorders // Dialogues in Clinical Neuroscience. 2008. Vol. 10. № 2. Pp. 251–255.

Borders M. A Universal Basic Income Would Engorge the Paternal State [Электронный ресурс]. URL: <https://fee.org/articles/a-universal-basic-income-would-engorge-the-paternal-state/> (дата обращения: 25.05.2019).

Comedians have “high levels of psychotic traits” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/health-25747068> (дата обращения: 25.03.2019).

Elkins K. Most young Americans Prefer Socialism to Capitalism, New Report Finds [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.cnn.com/2018/08/14/fewer-than-half-of-young-americans-are-> (дата обращения: 25.05.2019).

Engels F. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft (Anti-Dühring) / Marx K., Engels F. Werke. Bd. 20. Berlin: Dietz Verlag, 1975.

Gorz A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. London: Pluto Books, 1987. 160 p.

Graeber D. Bullshit Jobs: A Theory. New York: Simon & Schuster, 2018. 368 p.

Harari Y. N. The Meaning of Life in a World Without Work [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/may/08/virtual-reality-religion-robots-sapiens-book> (дата обращения: 25.05.2019).

Holloway J. Crack Capitalism. New York: Pluto Press, 2010. 320 p.

James D. The Compatibility of Freedom and Necessity in Marx's Idea of Communist Society // European Journal of Philosophy. 2017. Vol. 25. № 2. Pp. 270-293.

Kandiyali J. Freedom and Necessity in Marx's Account of Communism // British Journal for the History of Philosophy. 2014. Vol. 22. № 1. Pp. 104-123.

Kaufman J.C. The Sylvia Plath Effect: Mental Illness in Eminent Creative Writers // The Journal of Creative Behavior. 2011. Vol. 35. № 1. Pp. 37–50.

Krugman P. End This Depression Now! New York: W. W. Norton & Company, 2012. 272 p.

Les hommes les plus riches vivent près d'une décennie de plus que les moins favorisés, selon une étude [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lesoir.be/197160/article/2018-12-24/les-hommes-les-plus-riches-vivent-pres-dune-decennie-de-plus-que-les-moins> (дата обращения: 25.05.2019).

Mason P. The end of capitalism has begun [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/17/postcapitalism-end-of-capitalism-begun> (дата обращения: 25.05.2019).

Mohan J. & Tiwana M. Personality and Alienation of Creative Writers: A Brief Report // Personality and Individual Differences. 1987. Vol. 8. № 3. 449 p.

Nullis C. Greenhouse gas levels in atmosphere reach new record [Электронный ресурс]. URL: <https://public.wmo.int/en/media/press-release/greenhouse-gas-levels-atmosphere-reach-new-record> (дата обращения: 25.05.2019).

Poll: 40% of Americans Prefer Socialist Country [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsmax.com/newsfront/socialism-universal-healthcare-harris-poll/2019/06/10/id/919667/> (дата обращения: 25.05.2019).

Rifkin J. *The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. Los Angeles: Tarcher/ Putnam, 1995. 361 p.

Rifkin J. *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism*. New York: St. Martin's Griffin, 2015. 448 p.

Schrage J.-F. The Promise of Technological Decentralization. *A Brief Reconstruction // Society*. 2019. № 1. Pp. 31–37.

Schumacher E.F. *Small is Beautiful: Economics as if People Mattered*. London: Abacus, 1973. 348 p.

Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso, 2015. 272 p.

Stallman R. Bill Gates and other communists [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnet.com/au/news/bill-gates-and-other-communists/> (дата обращения: 25.05.2018).

Standing G. *Basic Income: A Guide for the Open-Minded*. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2017. 392 p.

Standing G. *Basic Income: And How We Can Make It Happen*. London: Pelican Books, 2017. 328 p.

Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Pelican Books, 2014. 352 p.

Tapscott D., Williams A. D. *Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. London: Portfolio, 2010. 368 p.

Taylor C.L. Creativity and Mood Disorder: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Perspectives on Psychological Science*. 2017. Vol. 12. № 6. Pp. 1040–1076.

The Amsterdam Declaration / International Humanist and Ethical Union [Электронный ресурс]. URL:

<https://iheu.org/about/humanism/the-amsterdam-declaration/> (дата обращения: 25.05.2019).

Twenge J.M. *Generation Me: Why Today's Young Americans Are More Confident, Assertive, Entitled – and More Miserable Than Ever Before*. New York: Atria Books, 2014. 400 p.

Van Der Veen R.J., Van Parijs P. *A Capitalist Road to Communism // Theory and Society*. 1986. № 5. Pp. 635-655. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ssc.wisc.edu/~wright/ERU_files/PVP-cap-road.pdf (дата обращения: 25.05.2019).

We Can't Afford to Be Realist: A conversation with Mark Fisher and Jodi Dean / Shonkwiler A., L.-C. La Berge (eds) Reading Capitalist Realism. Iowa City: Uni-versity of Iowa Press, 2014. Pp. 26-38.

Zara C. *Tortured Artists: From Picasso and Monroe to Warhol and Winehouse, the Twisted Secrets of the World's Most Creative Minds*. Avon, Massachusetts: Adams Media, 2012. 272 p.